

ЗАПИСКИ

РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

В С. Ш. А.

ТОМ II

TRANSACTIONS

**OF THE ASSOCIATION
OF RUSSIAN-AMERICAN
SCHOLARS IN USA
VOLUME II**

NEW YORK

1968

ЗАПИСКИ
РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
В С.Ш.А.
ТОМ II
1968

З А П И С К И
РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

В С. Ш. А.

1968 Г.

*

ТОМ II

New York.

TRANSACTIONS
OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN - AMERICAN SCHOLARS
IN USA
Volume II

EDITORS :

N. S. ARSENIIEV
A. A. BOGOLEPOV
C. G. BELOUSOW
H. T. FEDUKOWICZ
W. S. FEDUKOWICZ
V. N. LITWINOWICZ
P. S. SCHIDLOWSKY

Library of Congress Catalog Card No 67-29613

The Association of Russian-American Scholars in U. S. A.,
85-20 114th Street, Richmond Hill, N. Y. 11418

С. Г. Пушкирев *)

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XVII ВЕКЕ¹⁾.

Земля, которую во второй половине XVI в. и в XVII веке занимали Донские казаки, была расположена по нижнему и среднему течению Дона и по его притокам: Северному Донцу, Хопру (с Бузулуком), Медведице и Иловле. Но устьями Дона казаки не владели, ибо здесь находилась сильная турецко-татарская крепость Азов, запиравшая казакам свободный выход в море.

В широкие степи, находившиеся к югу и юго-востоку от границ Московского государства (и носившие выразительное название «дикого поля»), уходили группы предприимчивых сильных людей для рыбного и охотничьего промысла и для

---

*) S. G. Pushkarev. Doc., later prof. Rus. U-y, Czechoslovakia, Mem. Am. Hist. S-y.

¹⁾ Главным источником для настоящей статьи является собрание документов в пяти книгах (под заглавием: "Донские дела"), опубликованное в томах 18, 24, 26, 29 и 34 "Русской Исторической Библиотеки", изданных Археографической Комиссией в 1898-1917 г.г. (цитируется: Д. Д. с указанием номера книги и столбца текста). Много интересных документов касательно донских казаков приведено в т. XII "Дополнений к Актам Историческим", 1872 г. (цит. Д. А. И.). Об участии отрядов донских казаков в войнах Московского государства в XVII в. много документов находится в "Актах Московского Государства", т.т. I-III, 1890-1901 (А. М. Г.). — Из научно-исторической литературы мною использованы соответственные места из многотомной "Истории России с древнейших времен" С. М. Соловьева (издание "Общественной Пользы" книги II и III) и историко-юридическое исследование донского историка и публициста С. Г. Сватикова: "Россия и Дон" (изд. 1924 г.). — Конечно, названными источниками далеко не исчерпывается богатая и сложная история Донского казачества, но для небольшой статьи этих материалов оказалось более чем достаточно, и мне пришлось значительно сократить мой "черновик", исключив из него много цитат.

вольной жизни за пределами власти московских бояр, воевод, дьяков, вотчинников и помещиков, и так возникали казачьи «городки» по рекам Дону, Тереку, Уралу (называвшемуся до пугачевского восстания Яиком).

Приходя в соприкосновение с восточными народами, жившими или кочевавшими в этих областях — крымскими и азовскими татарами, ногайцами и калмыками — казаки должны были создать военное устройство и, ведя постоянную борьбу с враждебными соседями, они тем самым прикрывали юго-восточные границы Московского государства.

Немногочисленные сначала группы вольных казаков постоянно пополнялись притоком населения из пограничных русских областей, уходившего на вольный Дон, спасаясь от тягостей государственного «тягла» и крепостной неволи. Старые казаки охотно принимали в свою среду «новоприходцев», находивших здесь для себя надежное убежище, что нашло свое правовое выражение в известной формуле: «с Дону выдачи нет», и Московское правительство до конца XVII века не решалось нарушать этот принцип казачьей «конституции».

В XVI веке казачьи «городки» и «зимовища», разбросанные по Дону и его притокам, создали своеобразную военную демократическую республику — «войско Донское» (или «великое войско Донское»), с выборным войсковым атаманом и со своею столицею (сначала в Раздорах, а с 1644 г. в Черкасках), где собирался войсковой Круг, бывший верховным органом власти на Дону. Круг выбирал (и сменял) войскового атамана, его помощника есаула и других должностных лиц; решал вопросы о приеме в казаки; распределял царское «жалованье»; судил все преступления против Войска и все тяжелые преступления вообще; выдавал разрешения на постройку новых городков и разбирал земельные споры между ними. Круг ведал дело внешних сношений, как с Москвою, куда он регулярно посылал свои посольства («станции»), так и с иными государствами и народами: с Крымом, с Запорожьем, с Азовом, с ногайцами, с калмыками. Круг же принимал решения: идти походом на «извечных» своих неприятелей — турок, азовцев, крымцев — или «замириться» с ними.

Отношения московского правительства к донскому каза-

честву отличались двойственностью. С одной стороны, оно ценило боевую службу казаков, прикрывавших юго-восточные границы Московского государства от нападений враждебных соседей, и регулярно (в XVII веке) посылало на Дон «жалованье» деньгами, хлебом и боевыми припасами; с другой стороны, оно весьма неодобрительно относилось к независимости внешней политики казаков, нападавших на крымские или турецкие владения без ведома и согласия Московского правительства. В таких случаях московские послы в Крыму и в Константинополе уверяли, что донские казаки суть «беглые люди», что живут они «в дальних местах, воровским обычаем» («воровством» называлось в Москве всякое преступное действие или неподчинение правительству), и что Московское правительство не ответственно за их действия.

В XVI веке отношения донских казаков к Москве были неопределенными и неустойчивыми. В 1552 г. отряд донских казаков, под командой атамана Сусара Федорова, принимал участие в осаде и взятии Казани. И в Ливонской войне Ивана Грозного (1558-1583 г.г.) принимали участие казачьи отряды. Но в царствование Федора Ивановича (1584-1598), когда фактическим правителем государства был Борис Годунов, и в царствование самого Бориса (1598-1605) отношения Дона и Москвы дошли до полного разрыва. Борис хотел добиться подчинения донских казаков московскому правительству, т.е. превратить вольное казачество в служилое сословие, но его попытка встретила решительное сопротивление.

В 1592 году вместе с царским посольством к султану *) был послан на Дон сын боярский Хрущев, который должен был остаться на Дону «головою» до возвращения посольства из Константинополя, повидимому для того, чтобы не допустить каких-либо неприязненных действий казаков против Турции и Крыма *); однако казаки решительно отказались принять новое начальство, заявив: «Прежде мы служили государю, и

---

*) Московские посольства, следуя в Константинополь и возвращаясь обратно, проходили через Донскую землю.

*) Напомню, что в то время все побережье Черного и Азовского морей считалось владениями турецкого султана, и ханство Крымское находилось от него в вассальной зависимости.

голов у нас не бывало, служивали своими головами, и теперь ради государю служить своими головами, а не с Хрущевым» (Соловьев, II, 624).

Став царем, Борис, раздраженный неповиновением казаков приказам Москвы, объявил экономическую блокаду Донской земли, т.е. запретил пропускать казаков в города Московского государства, а московским торговым людям запретил ездить на Дон с хлебом и другими товарами. На Дону в то время не было своего земледелия, и потому прекращение торговли, вместе с лишением царского «хлебного жалованья» вызвали на Дону тяжелый экономический кризис и, вместе с тем, возбудили чрезвычайное недовольство и озлобление казаков против царя Бориса. Естественно поэтому, что в 1604 году казаки стали на сторону «царевича Дмитрия Ивановича», объявившего себя сыном царя Ивана Грозного и законным наследником московского престола, в его борьбе против «узурпатора» Бориса. Как только «царевич» с немногочисленным отрядом поляков и литовцев вступил в Московские пределы, к нему присоединилось несколько тысяч донских казаков, которые в первой стадии борьбы составляли его главную, по численности, военную силу.

Короткое царствование Лжедмитрия закончилось кровавым переворотом в мае 1606 года и вступлением на престол боярского царя Василия Шуйского, который, по выражению современника, «внезапно и самодвижно воздвигся кроме воли (т.е. без согласия) всея земли и сам царь поставися», и против которого скоро начались восстания по всей земле. Донские казаки тоже отказались признать «боярского царя», и когда в 1607 году явился второй самозванец («Тушинский Вор»), казаки стали под его знамена, надеясь найти в его лице народного и казачьего царя.

Последующие годы жестокой и хаотической «борьбы всех против всех» представляют мрачную картину политической анархии, морального одичания и массового разрушения хозяйственных ценностей несчастной страны. В этой борьбе, осложненной вмешательством соседних государств — Польско-Литовского и Шведского — намечается два течения — людей «земских» и людей «воровских». Первые стремились к восста-

новлению национального государства и общественного порядка, вторые интересовались только добыванием «скороприбытного и беструдного богатства» (по выражению современника). Но было бы ошибочно югульно относить казаков ко второй категории. Патриарх русской историографии, С. М. Соловьев, прямо рассматривает Смутное время как борьбу «земли» и «казачества», но факты не позволяют согласиться с этой теорией. В казачестве можно было найти такое же разделение на «земских» и «воровских» людей, как и во всех слоях русского населения, включая боярство, часть которого пошла на службу Тушинского Вора, прекрасно зная, что он действительно «вор» и обманщик (а потом бесстыдно перебежал от одного «царя» к другому).

Затем должно иметь в виду, что яркие описания казачьих жестокостей и насилий, которые мы находим в «сказаньях» современников (в частности у Авраамия Палицына), далеко не все относятся к подлинному войску Донскому; конечно, и к донским казакам примкнуло в это время не мало воровских людей, но в большинстве своем анархическо-разбойничьи элементы, не имевшие ничего общего с Донским казачеством, составляли свои особые шайки, выбирали своих атаманов, наклеивали на себя ярлык «вольных казаков» и разгуливали по Русской земле с огнем и мечом.

В августе 1610 г., вскоре после свержения с престола Василия Шуйского, московские бояре пригласили на московский престол польского королевича Владислава и заключили соответственный договор с польским гетманом Жолкевским; Москва была занята польским гарнизоном и в Кремле образовалось дружественное польским «союзникам» временное правительство, управлявшее (точнее, пытавшееся управлять) страной от имени «государя царя Владислава Жигимонтовича» (т.е. Сигизмундовича). Но скоро польское господство вызвало в стране сильную национально-религиозную оппозицию (во главе которой стал патриарх Гермоген). После гибели второго самозванца (в декабре 1610 года) казаки примкнули к нарождавшему в стране анти-польскому движению. В 1611 г. образовалось, с целью освобождения Москвы от поляков, т.наз. первое земское ополчение, которое состояло из казаков и из мос-

ковских служилых людей, дворян и детей боярских; во главе первых стояли тушинский боярин князь Дмитрий Трубецкой и атаман Иван Заруцкий, во главе вторых — рязанский дворянин Прокопий Ляпунов. Однако антагонизм между двумя частями ополчения привел к убийству казаками Прокопия Ляпунова и к распадению дворянского ополчения. Казаки остались в лагере под Москвою, но они одни были недостаточно сильны чтобы справиться с польским гарнизоном.

В 1611-12 г. образовалось в Нижнем Новгороде второе земское ополчение, во главе которого стоял князь Дмитрий Пожарский, а роль «министра финансов» играл нижегородский староста Козьма Минин; после длительной остановки в Ярославле, земская рать Пожарского двинулась к Москве, и тогда казацкий подмосковный лагерь распался на две части — на «земских» и «воровских» людей: Заруцкий с меньшинством казаков и с несчастной вдовой двух Лжедмитриев, Мариной Мнишек, бежал на юг, а Трубецкой с большинством казаков остался под Москвой, ожидая прихода ополчения Пожарского. После осторожного «нащупывания почвы» и предварительных переговоров, воеводы двух ополчений договорились, «по челобитью и приговору всех чинов людей», чтобы им вместе «Москвы достигать и Российскому государству добра хотеть безо всякой хитрости»; правительственные канцелярии («приказы») обоих ополчений были соединены и в них должно было «всякие дела делать заодно», и грамоты от единого правительства должны были отныне писаться от имени обоих воевод, князя Дмитрия Трубецкого и князя Дмитрия Пожарского.

22-го октября 1612 года казаки пошли на приступ и взяли Китай-город, а через несколько дней сдались обессиленные голодом поляки, сидевшие в Кремле, и оба ополчения торжественно вступили в освобожденную Москву.

Временное правительство Трубецкого и Пожарского созвало в Москву выборных из всех городов и «из всякого чина людей» — «для земского совета и для государского избрания». Земский собор, заседавший в январе и феврале 1613 года, долго не мог найти никого достойного избрания на царство; после долгих споров и переговоров «выборные люди», наконец, сошлись на кандидатуре 16-тилетнего Михаила Федоровича Ро-

манова, сына томившегося в польском плену митрополита Филарета (который одно время был вынужден в Тушинском лагере играть роль патриарха). Есть известие, что решающую роль в этом избрании сыграли представители донских казаков, решительно высказавшиеся в пользу кандидатуры Михаила; известие это весьма правдоподобно (в частности, по мнению С. Ф. Платонова ⁴⁾); дело в том, что после взятия Москвы большинство служилых людей земского ополчения, дворян и детей боярских, разъехалось по домам, а оставшийся в Москве 5-тысячный отряд донских казаков был главной, по численности, составной частью московского гарнизона, и потому слово казацких вождей на Соборе могло быть достаточно «веским».

Во всяком случае, правительство царя Михаила поддерживало весьма дружественные отношения с Доном: ему нужна была служба казаков, а казакам нужно было царское «жалованье», которое, начиная с 1614 года, посылалось из Москвы на Дон регулярно и ежегодно в течение всего XVII века (с несколькими короткими перерывами).

В 1614 году московское правительство послало донским казакам не только жалование (деньги, хлебные запасы, вино, сукна и селитру), но и пожаловало им царское знамя, «с чем вам против наших недругов стояти и на них ходити» (Д. Д. I, 69).

В это время московское правительство было особенно заинтересовано в верности и в помощи войска Донского, ибо в Астрахани, к великому огорчению и беспокойству Москвы, утвердился в 1614 году вождь воровских казаков Иван Заруцкий с Мариной и ее малолетним сыном (которого воровские казаки считали претендентом на московский престол).

В грамотах, посланных в марте 1614 года на Дон от имени московского духовенства и Земского собора (заседавшего в то время почти непрерывно), роль, сыгранная Донским казачеством в Смутное время, описывается в самых хвалебных выражениях: «И вы, атаманы и казаки, помня истинную нашу пра-

---

⁴⁾ См. статью С. Ф. Платонова: "Вопрос об избрании Михаила Федоровича в русской исторической литературе" в февральской книжке "Журнала Министерства Народного Просвещения" за 1913-й год.

вославленную веру, и видя Московскому государству от польских и от литовских людей конечное разоренье, ... обослався с бояры и воеводы и со всякими ратными людьми, которые за истинную нашу православную крестьянскую веру стали, пришли под царствующий град Москву и, будучи под Москвою многое время, к великому Российскому государству многую свою службу и раденье показали: с польскими и с литовскими людьми билися, не щадя голов своих; и многие ваша братья, атаманы и казаки, за истинную нашу православную веру и за всех православных крестьян на многих боех побиты и ранены. И по милости божьей, а вашею прямою многою службою, и раденьем, и кровью Московское государство от польских и от литовских людей очистилось и учинилось свободно» (Д. Д. I, 149).

Установившимся при Михаиле Федоровиче дружественным отношениям Московского правительства с Доном сильно мешала независимая и агрессивная внешняя политика Донского войска. Казаки, без ведома и согласия Московского правительства, или даже вопреки прямым его запрещениям, не только «задирались» с азовцами, но производили опустошительные набеги на побережье Крыма, нападали на турецкие корабли на Черном море и даже, переплыв на своих легких стругах Черное море, опустошали его южное побережье, включая города Трапезунд и Синоп.

Турецкое правительство постоянно жаловалось русским послам в Константинополе на казацкие нападения, и они постоянно твердили в ответ, что «воры»-козаки не подчиняются царским повелениям и запрещениям, а живут они «в дальних местах, воровским кочевым обычаем», и московское правительство не в силах их обуздать.

А когда московское правительство обращалось непосредственно к казакам с запрещениями производить нападения на татарские и турецкие владения, то казаки обычно отвечали, что азовцы и крымцы их «сами задирают», и что им таких задирок «терпеть не мочно» (вопрос: кто агрессор? является, как известно, неразрешимым в военно-политической истории с древности до наших дней).

В 1619 году в Москву возвратился из польского плена отец царя Михаила, митрополит Филарет; он стал патриархом

Московским и соправителем своего слабого сына. Властный патриарх захотел обуздать своеволие Донского войска, но его попытки оказались безуспешными.

В 1630 году в московско-донских отношениях произошел весьма серьезный инцидент. Вместе с посольством, идущим из Москвы в Турцию, на Дон пришел воевода Иван Карамышев; у него произошло какое-то резкое столкновение с казаками, и они убили его. Это повело к разрыву отношений между Доном и Москвою, но через два года отношения были восстановлены. Чтобы обуздать своеволие казаков, Московское правительство решило связать их присягой на верность и послушание царю. В 1632 году на Дон был послан князь Иван Дашков, «а по государеву указу велено ему донских казаков привести ко кресту по записи» (многословный текст присяжной записи см. в А. М. Г. I, 434-5). Однако войсковой Круг решительно отказался от принесения присяги; казаки заявили, что они как прежде служили, так и теперь «ради великому государю служить», но без крестного целования, ибо «крестного целования на Дону не повелось».

В середине 30-х г.г. Донское войско задумало взять сильную азовскую крепость; это надо было осуществить «по секрету» от Москвы, но боевые и иные припасы для этого предприятия надо было получить из Москвы. Надо заметить, что казаки рассматривали получение «жалованья» из Москвы не как особую царскую милость, но как свое право, как нормальное вознаграждение за их боевую службу. В своих «отписках» к царю казаки многократно повторяли: «а мы, государь, холопи твои, служим тебе, великому государю, не с вотчин, не с поместий (а только), с воды да с травы».

В декабре 1636 года войско Донское обратилось к царю с челобитной о присылке боевых и продовольственных запасов и с горькой жалобой на свое положение: «... И мы, государь, холопи твои, помираем голодною смертью, наги и босы и голодны, а взять кроме твоей государьской милости негде; а свинцу, государь, и зелья (пороху) и ядер железных пушечных не стало у нас, холопей твоих, а делать, государь, ядра у нас на Дону некому и не в чем, железа, государь, нет, а которые, государь, у нас были пушечные ядра и те, государь, изошли,

ходя за воинскими людьми, на драках расстреляли» (Д. Д. I, 533).

В апреле 1637 года войско Донское, под командой войскового атамана Ивана Каторжного и походного атамана Михайла Татаринова, вместе с пришедшими на Дон 4000 запорожцев, подошло к Азову и осадило сильную крепость (с 200 пушками в ней); после 2-хмесячной осады крепость была взята штурмом (18-го июня), ее мусульманские защитники были перебиты, а 2000 пленных христиан было освобождено.

Взятие Азова произвело в Москве двойственное впечатление и поставило перед московским правительством трудную проблему: с одной стороны, это был важный военно-политический успех, порождавший естественное желание сохранить в своих руках Азовскую крепость, но, с другой стороны, московское правительство не чувствовало себя в силах начинать большую и опасную войну с Турцией и Крымом. Соответственно этому и московские дипломатические акты «двоились»: султану была послана грамота с извещением, что казаки взяли Азов самовольно, «без государского повеления», и что Москва не хочет разрывать мир с Турцией из-за Азова; а на Дон из Москвы пошли грамоты сначала — с выговором за самовольное нападение на Азов, а потом — с похвалою казаков за службу и с обещанием царского жалованья.

В декабре 1637 года в Москве была получена с Дона войсковая отписка с подробным объяснением и описанием похода на Азов и настоящего положения в крепости (Д. Д. I, 636-645). — «Пошли мы, холопи твои, под град Азов с великие скорби», писали казаки, указывая, что от нападений татар из Азова «чинилась пакость великая» Донской земле и русским пограничным областям, откуда они забирали и уводили в плен и в рабство множество народа. Ныне положение в крепости стало весьма трудным: «запасов (продовольственных) нету, а живем мы, государь, в городе в Азове, ожидаем божии милости и твоего государского милостивого жалованья, а пороховые казны и селитры у нас, холопей твоих, ни запасу не стало, изхарчили все, как под Азовом стояли, и в подкоп, государь, порох клали и весь перестреляли, а запас поели». — Пушек в Азове много, «а пороху, государь, нисколько нету, против тво-

их государевых недругов из города стрелять нечем. А се, государь, у нас люди самовольной, терпеть в городе голоду и всякие нужи не хотят, идут розно по своим юртам, и по речкам, где хто преж сего жили».

В апреле 1638 года в Москву приехал, во главе донской станицы, доблестный атаман Михайло Иванов, сын Татаринов. В Посольском приказе (который ведал сношения Москвы с Доном) атаман представил доклад о настоящем положении в Азове: «... А всех де донских атаманов и казаков ныне будет з 10.000 человек, оприч запорожских черкас^{*)}»; а запорожских черкас у них в Азове и на Дону з 10.000 человек... А наряду (артиллерии) и ядер пушечных и всякого ружья в Азове много; а зелья (пороху) и свинцу и хлебных запасов нет нисколько, а кормятся рыбою да зверем и травою» (Д. Д. I, 701).

Московское правительство косо смотрело на союз Донского войска с запорожскими черкасами, и дипломаты Посольского приказа хотели выяснить вопрос об отношениях между ними в Азове: «Да Михайло-ж с товарищи допрашиваны... и от тех черкас вперед не чаять ли какова дурна и с ними раздратья. И Михайло с товарищи сказали, что от запорожских черкас никакова дурна и раздратья не чаять, и во всем они им по ся места были послушны. А тои де было в нынешнем во 146-м году, в Филипов пост, тех запорожских черкас атаман Матьяш учал было бунтовать, и Войска было слушать не учили, и учили у них прошать города в Азове особливо и наряду, и хотел было он владеть и жить особно. И они де, атаманы и казаки, поговоря меж себя, за то того черкасского атамана Матьяша убили поленьем до смерти и вкинули в Дон. И после де того запорожские черкасы им во всем послушны попрежнему; а будет де они вперед похотят владеть собою, и им де Войском молчать не будут, и с ними управятца^{*)}» (Д. Д. I, 706-707).

---

*) "Черкасами" в Москве называли тех, кто ныне называется украинцами.

*) Во время пребывания атамана Михайла Татаринова и его станичников в Москве "государь пожаловал, велел атаману Михайлу Татаринову давати за ево службу поденного корму по четыре алтына на день, да питья по четыре чарки вина (т. е. водки), по две крушки меду, по две крушки пива; казакам по два алтына, да по две чарки вина, по крушке меду, по крушке пива человеку на день" (Д. Д. I, 713). Кроме "корму" и питья приезжавшие в Москву донские послы получали подарки деньгами и сукнами.

Московское правительство продолжало колебаться в выборе направления своей восточной политики, а между тем «отписки» Донского войска настойчиво просили о помощи. И в 1638 и в 1639 гг. Москва посылала в Азов «государево жалованье» из разных составных частей. Так, в 1639 г. было «послано государева жалованья к Донским атаманом и казаком 6000 рублей денег, да хлебных запасов 1000 четей ¹⁾ муки ржаные, 500 четвертей сухарей, 300 четвертей толокна, 200 четвертей круп овсяных, всего 2000 четей; да с Воронежа с кабака 200 ведр вина. Да на Дон же послано с Тулы: 100 пуд зелья пушечного, 200 пуд зелья ручного, 200 пуд свинцу; да к большим к семи пушкам 350 ядер железных, 5 пуд фетилю» (Д. Д. I, 987).

Кроме боевых и съестных припасов Москва посылала в Азов богослужебные книги для тамошней церкви в честь Ивана Предтечи.

Москва посылала казакам в Азов свое «жалованье», царь в своих грамотах на Дон «похвалял» атаманов и казаков за их службу, но небольшой казачий гарнизон в Азове (5-6000 чел.) прекрасно сознавал свою слабость в случае предстоящего нашествия огромной турецко-татарской силы. В обширной «отписке» царю в сентябре 1640 года (Д. Д. II, 47-54) казаки повторно писали, что они взяли Азов «вам государем (т. е. царю Михаилу Федоровичу и его сыну) в вотчину» и что если они не получат достаточной помощи от Москвы, «и нам из города итти на старые свои юрты, а города держати нам, холопям твоим, не в мочь, потому что мы не горододержцы: люд у нас самовольный, где кто куды пошел, того не уймешь; чтобы твоему государеву величеству (в случае потери Азова) в иных землях поношенья и укоризны не было от иноверных поганых языков», — как видим, атаманы и казаки заботятся даже о международном престиже московского царя, чтобы подвинуть его на решительные действия!

С другой стороны, и на самом Дону не было единогласия в вопросе о необходимости защищать Азов до последней капли казачьей крови. Когда войсковое командование разослало по казачьим городкам приказ собираться в Азов для защиты кре-

---

¹⁾ "Четь" или четверть составляла от 6-ти до 8-ми пудов.

пости, то некоторые городки ответили, что они готовы умереть, защищая свою землю, но не Азовскую крепость. Об этом войсковое командование доносило царю: «Да мы, государь, холопы твои, посылали своих казаков к Черкасским и к Манотцким (т.е. жившим по реке Манычу), чтоб были к нам на помощь против твоих государевых недругов за твою государеву отчину, за Азов город, и они, государь, нам отказали: мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки; и нас, государь, во всем послушаются, в город к нам не едут. А верховые ^{*)}), государь, по нашему войсковому письму нас, Войска, слушают, и к нам на помощь приезжают. И мы, государь, холопы твои, за дом (т. е. за храм) Ивана Предтечи и за тебя, праведного государя, и за твою государеву отчину, за Азов город ради умереть» (Д. Д. II, 177).

Скоро казачьему войску в Азове (во главе его стояли атаманы Наум Васильев и Осип Петров Калуженин) пришлось на деле доказать свою готовность умереть, защищая Азов, и оно блестяще выдержало непредставимо тяжкое испытание. В мае 1641 года огромное турецко-татарское войско, по оценке современников (вероятно, преувеличенной) ок. 240.000 с сотней осадных орудий, двинулось к Азову, и 7-го июня началась осада; продолжительные бомбардировки сменялись ожесточенными штурмами, но казаки защищались с отчаянным мужеством, отразив более двадцати неприятельских приступов, и в конце сентября турецко-татарское войско, понеся большие потери, отступило от крепости.

В новой войсковой отписке царю казаки писали, что они одни, без помощи московских ратных людей, уже не в силах удерживать Азов: «А буде, государь, изволишь то место, Азов город, принять, чтоб на то место велел послать своего государева воеводу с ратными людьми... А буде, государь, вскоре твоего государева воеводы с ратными людьми к нам не будет, и нам за нужу то место будет покинуть, потому, государь, что никаких у нас хлебных запасов, ни свинцу, ни пороху нет, вконец разорены, помираем голодною смертью, а и жить, государь, стало не в чем да и некем и нечем: весь город збит и

---

*) "Верховые" городки — расположенные по среднему течению Дона.

избы все разбиты, а многие, государь, люди лежат от ран вельми больны, а иные стали без очей, и без рук, и без ног. А иные, государь, многие, дожидаячись твоего государева указа, из города поразбрелись кормитца вверх по реке», ибо жизнь в развалинах Азова стала невозможной (Д. Д. II, 287-288).

Московское правительство послало в Азов дворянина Афанасия Желябужского и подьячего Башмакова для осмотра и описания Азовской крепости и составления плана («чертежа») укреплений. По досмотру московских посланцев оказалось, что Азов и его два пригорода — «все три города были каменные», но теперь от городских укреплений мало осталось: «весь ров около всех трех городов засорен разбитым городовым камнем и землею, как бусурманы валили к городу вал..., и городовые стены збиты. А всех башен было у трех городов 11, и тех башен всего осталось три, и те испорчены, поразбиты-ж... А стены збиты во многих местех до половины стены, а инде не много осталось, а в иных местех збито до земли... А что велено город Азов начертить на чертеж, сколько целово и разбитого места, и на чертеж начертить некому, чертещика не послано, а в Азове нет. А хотя-б и чертещик был, и Азова и пригородов некоторыми обычаяи начертить не мочно: разбито все, и стены и башни испорчены» (Д. Д. II, 263-264).

Теперь перед московским правительством прямо и неотступно стал вопрос: принимать ли Азов «под высокую государеву руку» и, следовательно, начинать тяжелую и опасную войну с Турцией и Крымом, или отступить? Для решения этого трудного вопроса правительство царя Михаила созвало (в январе 1642 года) Земский собор и предложило выборным людям на обсуждение вопрос: «... и государю царю... за Азов с Турским и с Крымским царем разрывать ли, и Азов у донских казаков принимать ли?» — Представители служилых людей отвечали, что они «ради» государю служить, но указывали на свое тяжелое положение и на беспорядки и злоупотребления московской администрации. «Сказки» (ответы) представителей «торговых людишек» также жаловались на тяжелое экономическое положение и на дурное управление.

Ознакомившись с ответами выборных людей, царь отказался от мысли взять Азов и послал казакам повеление «из

Азова вам вытти на старые свои места, в которых местех прежсего жили, чтоб вас неверные бусурманы, пришедчи, не побиили» (Д. Д. II, 340).

А в Константинополь было послано посольство с уверением, что «воры»-казаки взяли Азов самовольно и что «великий государь с братом своим Ибрагим-султановым величеством теперь и впредь хочет быть в крепкой братской дружбе и любви на-веки неподвижно» (С. Соловьев, II, 1259-1260).

После азовской войны на Дону создалось опасное положение. В отместку за Азов татары совершали опустошительные нападения на казачьи горюдки на нижнем Дону, и войско Донское, обескровленное азовской войной, вынуждено было умолять царя о помощи «ратными людьми» для защиты уже своей, донской территории.

В «отписке» царю в апреле 1644 года казаки доносили, что они «людьми на Дону в конец оскудели в их бусурманские к нам на Дон приходы, и в осады, и во многие большие битвы, люд у нас стал повыбит весь, а малым нам людом без твоей государевы помощи без ратных людей противо их бусурманских больших приходов стоять будет неуметь... и вконец будет погинуть» (Д. Д. II, 526).

Московское правительство в это тяжелое для Дона время оказывало ему военную помощь двумя способами: оно посылало на Дон для обороны от татарских набегов отряды ратных людей во главе с московскими воеводами, которым оно приказывало действовать «в совете» с донским командованием (при чем это двойное командование не раз приводило к недоразумениям и обоюдным жалобам); с другой стороны, Москва хотела влить новые человеческие силы в среду самого ослабевшего донского казачества. С этой целью в 1646 году велено было дворянам Кондыреву и Шишкину и подьячему Афиногенову набрать для отправки на Дон в «украинных» (т.-е. пограничных) городах 3000 «вольных людей», т.-е. людей не находящихся в личной зависимости и не приписанных к «тяглым» общинам. Вербовщикам было приказано «велети в тех городах и на Воронеже кликати биричем не по один день, чтоб вольные люди прибиралися: от отцов дети, от братьи братья, от дядей племянники... А государева жалованья им давати: у кого пи-

щали есть свои, и тем давати по пяти рублей с полтиною человеку, а у которых людей своих пищалей не будет, и тем давати по четыре рубли да по пищали; да им же всем давати в дорогу по фунту зелья да по два фунта свинцу человеку» (Д. Д. II, 751).

Кроме этой 3-хтысячной партии вольных людей на Дон были посланы «для государевой службы» с казаками еще 1000 вольных людей в том же 1646 году и 1000 солдат в 1648 году.

Не всем «новоприборным» казакам понравилась казачья жизнь на Дону, полная лишений, тревог и опасностей, и многие сотни из них бежали обратно с Дону на Русь, «где которые жили» (Д. Д. III, 152), но большинство «новоприборных» постепенно свыклось с беспокойной, но вольной казацкой жизнью и влилось в основные кадры донского казачества.

Военный союз Дона и Москвы продолжался, с кратковременными перерывами, в течение всего XVII века. Кроме того, что Войско Донское самым своим существованием и постоянной борьбой с враждебными соседями прикрывало юго-восточные границы Московского государства, казаки принимали участие во всех войнах Москвы с соседними государствами, посылая свои вспомогательные отряды в состав Московской рати в 1613-19, 1632-34, 1654-67 г.г., и наконец, в азовских походах Петра в 1695 и 1696 г.г.; при взятии штурмом Азова особенно отличились донские казаки под командой атамана Фрола Минаева.

Московское правительство регулярно посылало на Дон «государево жалованье» деньгами и боевыми и продовольственными припасами. Получение последних, при отсутствии на Дону собственного хлебопашества (до конца XVII века), имело для казаков очень важное значение. Часть необходимого хлеба Дон получал также путем торговли с пограничными русскими областями, причем казаки пользовались правом беспошлинной торговли.

Москва удовлетворяла не только военные и продовольственные, но и религиозные потребности донских казаков, посылая на Дон все необходимые предметы церковно-богослужебного обихода — книги, иконы, облачения, колокола, ладан. — В середине XVII в. казаки задумали построить в столице Войска

(в «Черкасском городке») храм, вместо бывшей у них часовни, и обратились к царю с просьбой о «жалованье» на построение храма; царь пожаловал 50 рублей, но Войско нашло это жалование недостаточным и в челобитной 22-го апреля 1650 года писало царю: «Сказано нам твоево государева жалованья только пятьдесят рублей. И нам, холопом твоим, пятьюдесять рубли церкви не состроить, потому, государь, у нас всякой лес купят на хоромное строение дорогою ценою. А на Дону, гсударь, близко у нас никакова хоромново лесу нет, всякой хоромной лес рубят и пригоняют к нам рекою Донцом от Святых гор и продают дорогою ценою. А на такое, государь, церковное строенье лес надобно доброй и нарочной; и от дела, государь, у нас плотники пятидесят рублей не возьмут. А своим, государь, нам тое церкви строить нечем, потому, государь, что мы, холопи твои, ныне оскудали всем и разорены» (Д. Д. IV, 462).

Далее казаки просили для сооружения в Черкасском городке храма Воскресения Христова «чтоб государь пожаловал их церковным строеньем, книгами и ризами, и паникадилами, и вином церковным, и ладаном, и священником». Государь указал «послать на Дон к донским атаманом и казаком своего государева жалованья на церковное строение сто рублей», а по указу патриарха Иосифа на Дон были посланы из Москвы два «безместных попа и безместный же дьякон» и с ними были посланы «книги и ризы и всякое церковное строение» (Д. Д. IV, 476, 594).

Отметим, что довольно часто донские казаки проезжали через Москву (и через все Московское государство) на богомолье в Соловецкий монастырь. Ранней весной 1648 года приехал в Москву, на пути в Соловки, герой азовской обороны атаман Осип Петров Калуженин, о котором сопроводительная войсковая отписка, адресованная царю, сообщала: «Был де он, Осип Петров, на многих твоих государевых службах, и на твоей государеве службе на бoех он, Осип, ранен во многие места и от ран лежал при смерти, и в болезни обещался де он, атаман Осип Петров, молитца Зосиме и Саватею, Соловецким чудотворцам». В Москве атаман провел два месяца, получая («по государеву указу») квартиру и кормовые деньги, а сверх того, в подарок, деньги, камку (шелковую материю) и «сукно

аглинское». На Пасху, по просьбе атамана, «государь пожаловал, велел ему свои государевы очи видеть с ыными атаманы на Светлое Воскресенье» (Д. Д. III, 866-868).

А осенью 1661 года проехал через Москву на богомолье в Соловецкий монастырь донской казак Степан Разин (Д. Д. V, 923).

Во второй половине XVII века в положении на Дону и в отношениях Дона с Москвою происходят существенные изменения. Внутри казачьей общины в течение первого столетия ее существования не было социальных различий. Казаки были все между собою равны в правах, каждый мог сделаться выборным атаманом или есаулом, если заслуживал этого, а по сдаче должности снова становился рядовым казаком. Когда Москва, привыкшая к различию общественных разрядов, погребовала в 1638 году, чтобы казаки в своих посольствах («станицах») присылали к царю «лутчих атаманов и казаков», то казаки ответили царскому послу, что «то у них и лутчие люди, ково они, выбрав Войском, пошлют ко государю; а лутчих де людей у них на Дону нет, все они меж себя ровны» (Д. Д. I, 660). Во второй половине XVII века старое общественное и экономическое равенство стало нарушаться. Среди казаков образовалась своеобразная аристократия (гл. обр. из бывших атаманов и есаулов^{*)}, получившая коллективное название: «старшина». Пользуясь трудом пленников и пленниц («ясырь»), а потом и пришлых «работных людей», старшины заводят табуны коней и стада рогатого скота, становятся «домовитыми» казаками. В то же время благодаря возрастающему гнету крепостничества в Московском государстве и росту государственного «тягла» (вызываемому длительными и тяжелыми войнами) на Дон приходили все новые и новые толпы беглецов, которых основные кадры Войска Донского не могли сразу «абсорбировать». Таким образом, рядом с кадром старых домовитых и полноправных казаков на Дону собираются толпы

---

^{*)} Каждый "городок" и каждое воинское подразделение имели своих атаманов и есаулов.

«голытьбы» или «голутвенного» казачества, которое при созыве войскового Круга стоит «за кругом», не имея права голоса.

Кроме этих казаков «второго» сорта на Дону растут толпы «бурлаков» или «работных людей», которые снискивали пропитание работой у домовитых казаков или кое-как перебивались охотой и рыболовством.

Масса этих «новоприходцев» строила и заселяла городки, гл. обр., по притокам Дона, вдали от центра старого Войска Донского, и в 1670-71 г.г. это голутвенное казачество с готовностью отозвалось на призыв батюшки Степана Тимофеевича, обещавшего всему народу освобождение от власти бояр, воевод и помещиков.

Основные кадры донского казачества (под командой войскового атамана Корнила Яковлева) не примкнули к восстанию Разина, но и не решились активно выступить против массы восставшей гольтыбы. Лишь после поражения Разина под Симбирском и бегства его на Дон донские казаки выступили против него. Когда Разин с остатками своего войска подошел к донской столице Черкасску, казаки не пустили его, а когда он укрылся в Кагальницком городке, казаки взяли городок, нескольких бунтовщиков повесили, а Разина (с его братом) схватили и отослали в Москву, где он был казнен.

Чтобы закрепить верность донских казаков на будущее время, московское правительство потребовало от них принесения присяги на верность царю, и казаки теперь видели себя вынужденными подчиниться. В августе 1671 года, после долгих споров на Кругу, казаки, наконец, в присутствии московских послов, «веру учинили»; впоследствии они приносили присягу на верность каждому новому государю при вступлении его на престол (начиная с 1676 года, при воцарении Федора Алексеевича). С юридической точки зрения принесение Донским войском присяги означало, что казаки из добровольных союзников превращались в подданных московского царя, наравне со всем остальным населением.

В последние десятилетия XVII века и в первые годы XVIII века причины, побуждавшие к бегству населения из южных областей Московского государства на Дон, действовали все с

большой силой, и это бегство все больше озабочивало московское правительство и его служилых людей.

В 1685 году (в правление царевны Софии Алексеевны и ее фаворита князя Василия Голицына, при номинальных царях Иване и Петре Алексеевичах), по жалобам тамбовских служилых людей на массовое бегство их крестьян в казачьи городки, был издан следующий указ: «... многие крестьяне, покинув свои тяглые жеребьи, в казачьи городки выбежали», и казачьи городки по рекам Хопру и Медведице «людьми наполнились: в которых городках не в давних letech было человек по двадцати и по пятнадцати, и в тех городках ныне человек по двести и по триста и женского полу много. Да наперед же сего, по реке Хопру и по Медведице отнюдь пашни не пахивали и никакого хлеба не сеивали, а важивали хлеб из русских городов и кормились зверьми и рыбою; а ныне в тех городках они казаки завели пашню; и слыша то, что они казаки пашню пахут и хлеб сеют, дворцовые, и помещиковы, и вотчинниковы, и монастырские крестьяне и боярские холопы к ним казаком бегают». В виду вышеизложенного государи цари и государыни царевна указали и бояре приговорили: «в Тамбове и в Тамбовском уезде служилым и всяких чинов людям и крестьянам учинить заказ под смертную казнь, чтоб никто в казачьи городки не бежали; а буде впредь в казачьи городки на те вышеписанные речки учнет кто бегать, и из них, за то их воровство, пущих заводчиков пяти человек повесить, а достальным чинить наказанье, бить кнутом нещадно, и отсылать их в те места, откуда (кто) бежал; а которыми местами они бегают, и в тех местах учинить заставы и сторожи крепкие», которые должны задерживать и допрашивать приходящих на заставы (Д. А. И. XII, 123-125).

Кроме бегства крестьян и холопов, у Московского правительства в это время явилась новая забота — бегство на Дон «раскольников». Старообрядцы в последние десятилетия XVII века подвергались жестоким преследованиям, и естественно, что они искали убежища на Дону, откуда до тех пор «выдачи не было». Там раскольниковы «старцы» проповедывали «старую веру», встречая сочувствие особенно в «верховых» городках, населенных «новоприходцами» и «голытьбою». Цитированный

выше указ 1685 года жаловался, что «в их же казачьих городках по реке «Хопру и по Медведице» появились «многие раскольники и отступники от православные христианские веры», а в 1686 году последовал указ князю Голицыну: « послать великих государей грамоту на Дон, к войсковому атаману ко Фролу Минаеву и ко всему войску Донскому, велеть им тех воров и раскольников, которые в тех местех живут и воруют, и на войско Донское славу недобрую наводят, переимать и разогнать, и пристанища и крепости их пожечь и разорить, чтоб впредь им пристать и собраться было негде» (Д. А. И. XII, 127).

Войсковое командование не спешило исполнять эти жестокие приказы, и тогда московское правительство решило само нанести удар расколу на Дону; в 1687 г. оно потребовало выдачи с Дона раскольникского «распопа» Самойла и еще пятерых раскольников, в том числе бывшего войскового атамана Самойла Лаврентьева. Требование о выдаче с Дона не имело прецедентов и вызвало на Дону большое волнение и протесты особенно в «верховых» городках; но в конце концов атаман Фрол Минаев, не желая идти на открытый разрыв с Москвою, уговорил Круг исполнить ее требование, и в мае 1688 года шесть выданных донских «раскольников» были казнены в Москве (обширное «дело» о донских раскольниках см. в Д. А. И. XII, № 17).

Между тем побег из «Руси» на Дон продолжались и усиливались. В 1690 году служилые люди Рязанского края жаловались правительству: «Бегают от нас люди и крестьяне с женами и с детьми на Дон и на Хопер и на Медведицу беспрестанно, многие села и деревни запустошили. . . Теперь мы от этого побегу разорены без остатку, а государевой службы отбыли» (Соловьев, III, 1218-19).

С приходом к власти Петра и с началом Северной войны положение с побегами на Дон особенно обострилось. Царю нужно было все больше и больше солдат, рабочих для казенных работ и финансовых средств для ведения войны, и он решил прекратить все усиливавшуюся «утечку» живой силы на Дон. В 1705 году Петр послал на Дон приказ, не только запрещающий принимать новых беглецов, но и требовавший возвраще-

ния из Донской области на прежние места жительства всех, кто пришел на Дон после 1695-го года. Войсковое правительство, если бы и хотело, было бы не в силах осуществить эту массовую высылку «новоприходцев», и Петр в 1707 году послал на Дон князя Ю. Долгорукова, с 1000 солдат, для розыска и возвращения беглых; появление этого отряда вызвало в «верховых» казачьих городках всеобщее восстание, во главе которого стал атаман Бахмутского городка Кондратий Булавин, и восставшие истребили весь отряд князя Долгорукова.

Затем последовали посылка царем на Дон карательного отряда, под командой князя Вас. Долгорукова, с приказанием «сей огонь зараз утушить»; массовые казни и массовое разрушение новых казачьих городков по рекам Северный Донец, Хопер, Бузулук и Медведица, и «аннексия» северных и западных пограничных земель Донской области, присоединенных к соседним российским провинциям.

Основное ядро Донского казачества, со столицей в Черкаске, еще сохраняло свою административную автономию, но в 1723 году Петр не утвердил ново-выбранного Кругом войскового атамана и повелел «в атаманах быть, впредь до нашего указа, из старшин Андрею Лопатину». С тех пор войсковые атаманы назначались Петербургским правительством, а вольное Войско Донское в XVIII и XIX столетиях превратилось в наследственное военно-служилое сословие, составлявшее полки «иррегулярной кавалерии» Российской императорской армии. Полки эти принимали участие во всех войнах, которые вела Россия в XVIII-XIX вв. и особенно отличились в Отечественной войне 1812 года.

THE DON COSSACKS AND THE MUSCOVITE STATE IN THE 17-th CENTURY

— * —

The free community of the Don Cossacks was formed in the middle of the 16th century in the region of the lower and middle Don and its tributaries. It was organized as a military-democratic republic where the general assembly of the Cossacks, the **Krug**, was the supreme authority. The **Krug** elected **atamans** and other officials and decided on all important domestic affairs and on foreign policy.

The Cossacks lived in a ceaseless struggle with their Tatar and Turkish neighbors from the Crimea Khanate, the Azov fortress at the mouth of the Don, and the Nogay horde.

The Cossack community was replenished by a steady influx of serf and slave fugitives from the Muscovite state; as soon as they reached the Don Cossack region, they became free and were not subject to extradition.

During the "Time of troubles" (1604-1613) the Don Cossacks took an active but contradictory part in the complicated events of the time.

The attitude of the Moscow government toward the Don Cossacks during the 17th century was two-sided. It valued the Cossacks as the guardians of the south-eastern borders of the Russian state and supported them regularly with money, grain, and military supplies. On the other hand, it resented the independent foreign policy of the Cossacks, which often ran counter to the policy of the Moscow government.

The Cossacks' most important military undertaking was the storming of the Azov stronghold (in 1637) and its heroic defense against the assaults of the huge Turkish-Tatar army (in 1641). Wanting to evade a long and dangerous war with Turkey and the Crimea, the Tsar eventually ordered the Cossacks to evacuate Azov.

But before as well as after the Azov affair the Cossacks regarded themselves as free military allies of the Moscow Tsar, not as his subjects, and stubbornly refused to take the oath of allegiance to the Tsar. The situation changed only after Razin's rebellion; during the struggle the command of the Don Cossacks remained neutral, but after the defeat of Razin it arrested him and extradited him to Moscow.

Now the Cossacks were obligated to take a loyalty oath to the Tsar (in 1671) and had to repeat the oath of allegiance at the ascension to the throne of every new tsar.

At the end of the 17th and in the beginning of the 18th century the Don region overflowed with huge crowds of fugitives from the increasingly oppressive demands of the state and of the serfs' owners. On the other hand, since Peter I needed more and more soldiers, workers and taxpayers, he ordered (in 1705) that all those who had come to the Don region after 1695 should be returned to their former places of residence. This led to the uprising of the newcomers to the Don (under the leadership of K. Bulavin); the uprising was severely suppressed, the new settlements on the Don tributaries destroyed, the autonomy of the old Cossack host curtailed; and in the 18th and 19th centuries the cavalry regiments of the Don Cossacks were incorporated in the imperial Russian army, with the **ataman** and other officers appointed by the government.

Е. В. Спекторский *)

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ВЛАСТЬ

*

Отказываясь занять министерский пост, Ненни выразил стремление тех итальянских социалистов, которые стоят за единение с коммунистами, «не правительство, а власть». Этим он уточнил одно различие, которое существует давно, но неясно для многих. Юристы и государствоведы учат, что в каждом государстве имеются территория, население и власть. При этом под властью они разумеют только правительство. Поскольку они упоминают о власти не правительственной, например, родительской, постольку они и ее понимают как закономерное полномочие со стороны «суверенной», т. е. верховной правительственной власти. Словом, пость власти еще не от правительства. В действительности же дело гораздо сложнее. Власть может быть и не у правительства. И правительства нередко оказываются без власти.

Что такое власть? Взятая в широком смысле это всякая возможность (*potestas, pouvoir*). В тесном смысле это возможность приказывать, запрещать и разрешать. Она становится действительной только тогда, когда, как выразился Макс Вебер, имеются шансы на повиновение. Что заставляет людей повиноваться власти? То, что Спиноза считал основными побуждениями человеческого поведения, а именно страх и надежда. Вслед за ним Гете как-то определил филистера, т. е. обывателя, как пустую кишку, наполненную страхом и надеждою. Так вот в нормальные времена, когда и правительства нормальны, они обладают достаточною силою, чтобы внушать страх, и достаточноим авторитетом, чтобы вызывать надежды. И тогда они действительно оказываются верховными распорядителями публичной власти в человеческом общегитии. Но сейчас переживается ненормальная критическая эпоха. И положение современных правительств ненормально. Они теряют власть. И они сознают это. Неуверенные в своей силе они прибегают к законам о защите государства. От кого? От собственных граждан. Прежде государство защищало их от лихих людей. Теперь оно боится их и принимает меры защиты от них. Неуверенные в своем авторитете современные правитель-

---

*) Prof. E. V. Sectorsky, Dr. Jur., Rector of Kiev U-y, and Prof. of U-ies in Prague, Belgrad, Liubliana, St. Vl. Seminary, N. Y., 1951.

ства учреждают социальные министерства, т. е. казенной саморекламы.

Кого особенно боятся современные правительства? Тех кто независимо от них и вопреки им приказывают, запрещают и разрешают и притом с такими шансами на повиновение, перед которыми бледнеют всякие официальные приказы, запреты и патенты. Очень показательна в этом отношении власть вожаков рабочих синдикатов. По их требованию протестуют, саботируют, бастуют не только профессиональные рабочие, но и простые обыватели, более того, даже чиновники, т. е. правительственные агенты. Авторитет правительственных соперников поддерживается всяческою мифологиею. Особенно популярны положительный миф левизны и прогрессивности и отрицательный миф реакции, приписываемый даже демократическим правительствам. Свою силу эти конкуренты основывают на тех возможностях, которые в правовых государствах предоставляются всякому свободному почину. Не довольствуясь этим, они не брезгают и насилием, вдохновляясь Жоржем Сорелем с его проповедью «прямого действия» и памятуя данное Троцким определение революции как «удара кулака, нанесенного паралитику».

Теряя авторитет и силу, правительства оказываются без власти. Лишенные моральной и физической поддержки, они легко ниспровергаются. Иногда они просто сами падают. Мы это пережили в 1917 году, когда Керенский терял слова по пустому, где нужно было власть употребить, и когда почти единственную силою в распоряжении его правительства оказался женский батальон.

Тот железный занавес, о котором произнес крылатое слово Черчилль, разделяет два мира. В одном правительства крепко цепляются за власть и беспощадно, в корне подавляют возможность появления какого бы то ни было авторитета и какой бы то ни было силы, не состоящих под их бдительным контролем. В другом мире демагогия разлагает демократию.

Более или менее неавторитетные и бессильные правительства теряют шансы на повиновение со стороны населения, которому внушают и страх, и надежду те, которые лучше, с силою и славою умеют властвовать.

Будущее покажет, может ли долго сохраняться такое раздвоение и если нет, то какое единство придет ему на смену?

Н. С. Арсеньев *)

О ДУХОВНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ СЕМЬИ

— * —

1

Всякая культурная и духовная жизнь и народа и отдельной личности должна в значительной мере рассматриваться, как динамическая традиция, т. е. как духовное оплодотворение предшествующим и творение новых ценностей как претворение в жизнь, в новых формах жизни, некоторых основных, исконных вдохновений. Это, в достаточной степени очевидно и подтверждается действительностью на каждом шагу, но об этом часто забывают.

Особенно значительное — и основоположное — проявление этого живого потока динамической традиции есть жизнь семьи, культурная и духовная, переходящая из поколения в поколение. В тишине, незаметно, неслышно совершается здесь великое дело: не только передачи культурных и духовных ценностей, но и творческого воздействия одного поколения на другие (и — это еще важнее — личности на личность), «духовного оплодотворения», рождения и образования новой личности, этого решающего, творческого элемента в общем потоке культурной и духовной жизни.

---

*) N. S. Arseniev, Prof. U-ies of Saratov, Russia, Koenigsberg, Germ., Warsaw, Poland; St. Vladimir's Theol. Seminary, N. York.

¹⁾ См. также соответств. главы моих книг: "Из русской культурной и творческой традиции". Изд. "Посев", 1959 г.

"Die Geistigen Schicksale des russischen Volkes", Verlag Styria, Graz 1966.
"Piété russe", Neuchâtel, 1963, Delachaux et Niestle; "La Sainte Moscou", Editions du Cerf, Paris 1949.

То, что производят семена воспитания, получаемого в недрах семьи, т. е. приобщение ребенка к духовным ценностям, которые, так сказать, «сеются» в его душу, в большинстве случаев несравнимо по глубине и силе со всеми последующими воздействиями в жизни. Огромное значение семьи в духовной и культурной истории отдельного человека и народа настолько ясно, что на доказательство этого не стоит тратить времени. Интересно, однако, остановиться на том, как это значение проявляется, какие различные формы принимает этот поток динамической духовной традиции, текущей через семью (иногда, конечно, эта динамика замирает и «соль» духовная теряет свою силу, остается форма, но жизнь отлетает. Это — как мы знаем — бывает повсюду — и в жизни семьи, и в обществе, как и в жизни отдельной личности).

Творческое воздействие происходит — повторяю — в глубинах духа, в тишине, едва заметно. Недаром пришествие и действие Царства Божия сравнивается в Евангелии с незаметным действием закваски, положенной («скрытой») в «три меры муки, покуда не вскиснет все», или с зерном горчишным, меньшим всех семян, которое однако, упав в землю, вырастает в большой куст, выше всех злаков, так что птицы небесные угнезжаются в нем (Матф. 13, 32-33). Эти евангельские мысли в сильной мере вдохновили, напр., идеи Хомякова по философии истории²⁾.

В тишине совершаются величайшие творческие воздействия и созревания — конечно, не только в пределах семьи, но ничто не может сравниться с духовным воздействием матери (иногда той, которая заменяет мать) на душу ребенка. Это средоточие лучей ласки и любви на душу маленького ребенка создает такую благодатную атмосферу творческого влияния и роста, которая часто может решающим образом действовать на всю последующую жизнь. Основные предпосылки и вдохновляющая сила идеала христианской семьи в русской духовной традиции сходны с вдохновляющей силой такого же иде-

---

²⁾ См., напр., его стихотворения "Широка, необозрима" и "По поводу картины Иванова" и его письма к Ю. Самарину от 19 сент. 1843 г., начала 1845 г., 1 апр., 1855 г., 3 окт. 1858 года. См. м о вступительную статью к "Избранным сочинениям А. С. Хомякова", Нью-Йорк, Чеховское издательство, 1955 года.

ала на Западе, ибо вытекают из того же источника — христианского благовестия и проповеди об освящении всей ткани жизни через воплощение Сына Божия. «Едите ли, пьете ли — все делайте во славу Божию». Брак есть таинство единения двух лиц, освящаемого параллелью с мистическим единением Христа с Церковью. Есть особое достоинство, особые дары и призвание, особый вид служения у разных членов семьи. Идеал жены и матери, женщины-христианки нарисовал апостол Петр в знаменитом месте своего 1-го Послания (3, 4) о «сокровенном внутреннем человеке в нетленной чистоте крепкого и молчаливого духа».

Как вся жизнь наша, так и жизнь семьи есть вместе с тем, с точки зрения христианского мирозерцания, и место духовного роста, место приготовления нашего к той высшей цели, к той Вечной жизни, к которой мы все идем и которая, предносясь нашему взору, освящает все наши земные отношения. «Всякое отцовство на земле» освящается прообразом Небесного Отца («Преклоняю колена мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от Которого имнуется всякое отцовство на небесах и на земле...» — пишет апостол Павел в Послании к Ефесеянам, 3, 14-15).

При основном единстве евангельского идеала христианской семьи в Православном Восточном и в Западном христианстве, мы имеем, однако, многообразие форм и проявлений, в которых эта жизнь христианской семьи нашла свое выражение, при чем народное, этнографически и исторически обоснованное, сыграло также большую роль. Но при всем многообразии этих культурных и национальных элементов можно говорить, как мы видели, о некоем обще-христианском идеале, который творчески претворил этот материал народных обычаев и преданий и доныне часто предносится повседневной действительности, как некая вдохновляющая и облагораживающая сила. Нас интересуют здесь особенно духовные и культурные ценности, которые культивировались и передавались и отчасти и доныне культивируются и передаются в русской семье. Из сказанного ясно, что, когда мы касаемся духовных высот русской семейной жизни, вытекающих из ее евангельского вдохновения, мы вместе с тем встречаемся здесь с

явлениями, аналогичными высотам христианской семейной жизни и на Западе.

* * *

2

Человек слаб и недостойн морально, но живет духовно из идеала, который выше его. И этот идеал самым уже существованием своим нередко влияет на его жизнь. На это явление в отношении к жизни русского народа нередко указывал Достоевский. Это, конечно, — обще-человеческое явление.

Православная Церковь, явилась, как известно, в высокой степени источником религиозного вдохновения и моральной силы для русского народа,^{*)} была его воспитательницей. Различные силы и устремления русского народа, часто хаотически мятущиеся, нашли в ней свое обуздание и просветление. Православная Церковь учила его трезвению духовному и мужественному подвигу, просветляющему жизнь. В действительности жизнь народная весьма часто была не на высоте, но сложился идеал духовного благообая, который влиял на жизнь и нередко и осуществлялся в жизни — в самых различных слоях народа. Он недаром закреплен в ряде образов у русских великих писателей, которые умели подглядеть жизнь, увидеть иногда ее питающие силы. Таков, например, образ старухи Тихоновны в замечательном отрывке задуманного Толстым романа «Декабристы», полный истовости и подлинного и смиренного достоинства, или этот Некрасовский «Влас»:

«Полный скорбью неутешной,
Темнолиц, суров и прям,
Ходят он стопой неспешною
По селеньям, городам . . . »

(строки, от которых приходил в восторг Достоевский).

---

*) Даже и теперь, скрытая в глубинах народа, она, повидимому, в большей мере, чем это можно установить извне, питает духовно различные круги народа.

В древне-русском, да и в позднейшем благочестивом русском семейном укладе этот идеал освящения жизни находил свое особенно яркое выражение в родительском благословении, которое стоит как бы в центре жизни семьи. Известны эти «зачины» многих русских былин.

«Не сырой дуб к земле клонится,
Не бумажные листочки расстилаются:
Расстилается сын перед батюшкой,
Он и просит себе благословеньица:
«Ох ты гой еси, родимый милый батюшка,
Дай ты мне свое благословеньице . . . »
Отвечает старый хрестьянин Иван Тимофеевич:
«Я на добрые дела тебе благословеньице дам,
А на худые дела благословенья нет . . .
Не помысли злом на татарина,
Не убей в чистом поле хрестьянина».

(Из быляны об Илье Муромце).

А в былине о Дюке Степановиче читаем:

«К той же матушке ко родимоей,
Честной вдове Омельфе Тимофеевне,
Пал Дюк тогда матушке в резвы ноги,
Просит у нея благословеньица съездить в Киев град...»

Даже буйный Васька Буслаев покорно просит материнского благословенья:

«Вздумал Васинька съездить в Ерусалим град,
Стал он просить у матушки благословеньица,
Буйной головой он до сырой земли,
Как не белая береза изгибается,
Не шелковые листья расстилаются,
Васинька матушке наклоняется».

Новая жизнь, новая семья начинается с благословенья родителями женихов и новобрачных, строится на нем, оно «утверждает дома чад». В общерусском, напр., в крестьянском быту, оно нередко сохранялось до последних времен — до револю-

ции и иногда даже дольше *). В сознательно-религиозной традиции крепких русских семей, попавших в эмиграцию, напр., во многих семьях из старого русского культурного слоя, эта центральная роль благословения родительского при построении новой семьи в значительной мере сохранялась и поныне.

А вот несколько зарисовок обряда благословения новобрачных в русском крестьянском быту середины и конца 19-го века. У Р. Терещенко в его известной книге «Быт русского народа» (часть II, Свадьбы. С. Петербург, 1848) собрано много ценного материала.

В Смоленской губернии отцы, родной и посаженный, и матери наставляют и благословляют жениха; он кланяется им в ноги; сватья поют:

«Не вороной конь копытом землю роет,
Наш молодой князь благословенья просит
У батюшки родителя, у батюшки благословителя,
У матушки родительницы, у матушки благословительницы».

В Нижегородской губернии, когда все бывает готово к поезду в церковь, каждый из молодых благословляется родителями в своем доме следующим образом: продвигают стол к углу под иконы и покрывают его белым полотном, потом кладут на стол ржаной хлеб с солью, пирог и белый хлеб, затепливают свечи и лампаду под образами; все домашние и родственники молятся с невестой. После отец и мать надевают на себя шубы, вывороченные шерстью наверх, а отец крестный берет правой рукой жениха за одну его руку, держа в правой своей руке вывороченную шубу; за другую руку жениха берет дружка или брат и подводят его к родителям, которые стоят за столом: отец с иконой, а мать с хлебом. Дружка говорит: «Любезный батюшка, благослови милое чадо злат венец прияти и плод с райского дерева снять». Он повторяет эти слова три раза, а жених три раза падает в ноги отцу на разостланной шубе, которую приготовил сват. Затем отец благословляет сына иконой крестообразно, которую целует сначала сам, по-

---

*) Это не исключало многих темных сторон семейной жизни в русском народном быте.

том дает ее целовать сыну, а наконец целуют друг друга. Точно таким образом благословляет мать сына, потом отец и мать благословляют его поочередно хлебом - солью и отпускают к венцу.

Таким образом происходит этот обряд благословения и в других местностях России. К восьмидесятым годам 19-го века относится следующее описание предсвадебного благословения у крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии:

По окончании обряда подружье берет потник и кладет его среди комнаты. Дружко подводит сюда жениха, становится рядом с ним против родителей и спрашивает у них благословение:

«Батюшка родимый,
Благословите своего сына родного
К суду Божию постоять,
Злат венец принять,
Животворящий Крест целовать . . .
Как святые отцы принимали,
Так и нам грешным».

«Благослови, батюшка», добавляет жених и три раза кланяется ему в ноги, испрашивая прощения.

«Бог благословит», говорит отец, троекратно обнимает его и вручает ему благословенный образ с караваем. Затем жених становится против матери, дружко точно также просит ее благословить сына; жених просит у нее прощения и получает второй образ с караваем *).

Очень торжественным был обряд благословения при праздновании свадьбы царя Михаила Феодоровича 5-го февраля 1626 года.

Государь слушал раннюю обедню, потом благословлялся у своего отца, святейшего патриарха, и говорил ему речь: «Великий Государь, отец наш, Филарет Никитич, святейший патриарх Московский и всея Руси. По воле Всеблагого и соизволе-

---

*). См. Терещенко. Быт русского народа, Часть II: Свадьбы. СПб. 1848 г., стр. 448, 269, 3, 6, 7, 179, 196, 226, 284, 342, 301. См. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России, под ред. Н. Харузина, вып. I, Москва 1889, стр. 112-113.

нию нашему и матери нашей, инокини Великой Государыни Марфы Федоровны, назначено быть нашей свадьбе, а сего дня моей радости, Святейший Патриарх, благослови сына своего». Патриарх, благославляя сына, говорил: «Всемогущий и неизреченный в милости, вознесший тебя на царский престол за благочестие, Тот и благославляет тебя. Да подаст Он тебе и супруге твоей долгоденствия и размножение роду. Да узришь на престоле сыны сынов твоих и дщери дщерей твоих, и да защитит Он всех вас от врагов, распространит могущество ваше от моря и до моря, и от рек до концов вселенной». Потом патриарх благословил его образом Пресвятыя Богородицы.

Наглядными носителями родительского благословения, более того — священными для детей и семьи символами Божия благословения являются семейные иконы. Оне передаются из поколения в поколение, как бы воплощая в себе духовную связь, духовную преемственность отцов и детей. У бесчисленных крепких русских семей, простых и знатных, скудного достатка, зажиточных и богатых, были эти заветные семейные или родовые иконы, «родительского» или «дедовского» благословения. В старом купечестве, у старообрядцев, в стародворянских и княжеских родах, у духовенства, в крепких гнездах крестьянского семейного быта, особенно, напр., на севере России. Некоторые семейные или родовые иконы как бы воплощали в себе жизнь поколений, историю семьи или рода с отцовской или материнской стороны. Так, напр., в одной из ветвей Голицынского рода хранилась, как семейная святыня, очень древняя икона, которую опальный Меньшиков вывез в Сибирь и которой он благословил в Березове свою дочь, княгиню Глицыну, при выходе ее замуж. В семье Ермоловых хранилась из поколения в поколение икона «царской невесты» Марии Хлоповой (которая должна была выйти за царя Михаила Федоровича), прабабки Ермоловых. В старшей ветви Долгоруковского рода хранилась, как большая святыня, икона, которая была связана с памятью героини и подвижницы, княгини Наталии Борисовны Долгорукой, рожденной Шереметевой, вдовы трагически казненного Ивана Долгорукого, впоследствии монахини; эта икона была родительское благословение малолетнему сыну князя Ивана. Это — только несколь-

ко случайных примеров, взятых мною наугад из знакомых мне семей. В старозаветных купеческих семьях, особенно старообрядческих, также особенно много было таких старинных, наследственных семейных икон. Для детей и внуков они были насыщены живым потоком родительского и дедовского благословения и молитв ⁵⁾).

В древне-русском доме «красный угол» с иконами, божницей или домашняя часовня были центром религиозной и духовной жизни семьи. Какую огромную роль играли эти иконы в древней Руси, явствует хотя бы из наставления Сильвестровского Домостроя: глава 8-ая. «Како дом свой украсити святыми оубразы, и дом чист имети. В дому своем всякому христианину, во всякой храмине святыи и честныи оубразы, написаны на иконах, ставити на стенах, устроив благолепно место со всяким украшением и со светильники, в нихже свечи пред святыми оубразы возжигаются на всяком славословии Божиим, и по отпении погашают, завесою закрываются, всякий ради чистоты, и от пыли, благочиния ради и бжежения, а всегда чистым крылышком сметати, и мягкою губою вытирати их, и храм тот чисто держати всегда, к святым оубразам касатися достойным, в чистой совести, и на славословии Божиим и на святом пении и молитве, свечи зажигати, и кадити благовонным ладаном, и фимиамом, в молитвах и во бдении, и в поклонах и во всяком славословии Божиим, всегда почитати их, со слезами, с рыданием, и сокрушенным сердцем исповедатися, просяще отпущения грехов».

* * *

3

Истовое обрядовое благочестие, которое жило в старо-русской семье, могло быть живым проводником «прикосновения к иному миру». В этом — значение этого благочестия, значение обряда. Но обряд мог, конечно, восприниматься и очень вне-

---

⁵⁾ См. мою книгу "Из русской культурной и творческой традиции", 1959 г., стр. 19-25.

шне, как нечто самодовлеющее, формальное, и тогда его духовная сила замирала, он мог становиться мертвенным, механическим, как все, лишенное силы духовной. Но обычно, нормально, он должен был п р о с в е щ и в а т ь — и в этом было его назначение — духовные реальности и приближать их к людям. Неправильное внешне-формальное отношение к обряду породило, как известно, великую смуту в русской Церкви во второй половине 17-го века, столь вредную для русского благочестия и приведшую к расколу.

Все эти опасности механизации, искажения иерархии ценностей, смешение производного, подчиненного, т. е. внешнего символа, с юсновной и решающей Реальностью, о которой он должен свидетельствовать, не уменьшает великое религиозное моральное значение обряда. Он помог создать, воспитать тот тип д у х о в н о й с о б р а н н о с т и, того духовного благообразия, который проявляется и вовне и облагораживает и внешние проявления жизни. Обряд с этой точки зрения призван освятить эту жизнь в главнейших фазах и проявлениях ее напоминанием о том Источнике Света, из которого уже теперь должен освящаться и просветляться и земная жизнь. Земная жизнь должна просветляться и освящаться отблесками Вочеловечения Слова. Такова православная (и католическая также) философия обряда. И семья религиозно жила, поэтому не обрядом, а силой духовной с в я з а н н о с т и с великим потоком жизни Церкви, проявлявшейся, между прочим, и в обряде — этом символе освящения жизни; она жила участием в самой жизни Духа.

Носительницей и передатчицей этой жизни Духа была прежде всего м а т ь (как мы уже указывали выше). Характерно, напр., то, что пишет А. С. Хомяков (в письме к М. С. Мухановой): «Я знаю, что восколько я могу быть полезен, ей (т. е. своей матери) обязан я и своим направлением и своей неуклонностью в этом направлении. Счастлив тот, у которого была такая мать и наставница в детстве» *). Какое великое, опромняющее богатство представляют эти образы матерей — христиа-

---

*) Письмо от 10 сентября 1857 г. (Полное собрание сочинений А. С. Хомякова, 1900, том 8, стр. 405-406).

нок в этом живом потоке русской духовной и культурной жизни! Как много светлого излилось из них в души окружающих! Эти матери незабываемым образом воздействовали на души своих детей, приводя их в соприкосновение с Божественной Действительностью, уча их на своем примере — любви, состраданию, правде и молитве, уча их подлинно христианскому подходу к жизни. А вместе с тем они часто были центром излучения огромной культуры и ума и сердца. Такая мать — повторяю — своим примером учила любви и состраданию; она навливаясь на этом, как на самом важном; действенной, себя забывающей любви. Это религиозное и нравственное величие образа христианской русской матери, которое всегда существовало и в сокровенных глубинах повседневной жизни, питало душу молодого поколения и являлось часто духовным средоточием семьи ¹⁾, и с особой яркостью и силой проявилось теперь, на наших глазах, в годы русского лихолетия. Это был живой источник света и ласки, согревавший и своих и чужих. Я знал одну такую мать, у которой вся жизнь была в отдании себя другим, без всякой сентиментальности, в тишине и ласковости и простоте, соединенной с величайшей мудростью. Эта мать была великая христианка, насыщенная Словом Божиим, которое ежедневно читала своим детям (из Евангелия и посланий апостольских), которая жила сокровенной внутренней жизнью и была вместе с тем необычайно деятельна. Где нужно было утешать, она утешала; бедных она кормила у себя на дому — во время благополучия, а во время большевистского гнета и повсеместного голода, она почти весь свой паек почти целиком отдавала больному мужу или сироте-племяннику, или просто приходившим затравленным голодным людям, близким и чужим. Но ее главное дело, этой деятельной матери семейства, которая в тяжелые времена на всех готовила в доме, чистила картошку, пекла, когда можно было, хлеб или лепешки, ее главное дело была молитва за других, молитва заступничества. Когда она оставалась одна, она молилась. Когда она сидела и как будто отдыхала и перед ней лежала раскрытая книжка (для нее отдыхом было читать английские романы,

---

¹⁾ Вспомним, напр., образ княгини Натальи Борисовны Долгорукой, рожд. Шереметевой, вдовы казненного при Анне Иоанновне князя Ивана.

особенно в старинном духе, 19-го века), то, когда она оставалась одна, она откладывала книжку — и молилась. За всех! Особенно за своих детей. Две дочери, которые все время оставались при ней и разделяли с ней все перипетии подсоветской жизни, были арестованы и находились в концентрационном лагере (сначала в Соловках, затем одна из них попала в лесозаготовочный концлагерь на северо-востоке), и она вымолила их: они вернулись. Так чувствовали близкие и знавшие ее — они чувствовали силу ее молитвы. Уже в прежние времена ее просили молиться за них близкие и друзья — они чувствовали горение ее праведности. И это было соединено с высочайшей простотой, с ласковым, добрым чувством юмора и утонченной культурой. Особенно любила она поэтов — английских и немецких (Байрона, Гетевского «Фауста», "Buch der Lieder" Гейне) из русских — А. Хомякова и А. К. Толстого. Она любила историков — особенно француза Amédée Thierry, специалиста по последним временам Римской Империи, по нашествиям варваров, по истории церкви 4-го и 5-го в.в. Она хорошо знала Добротолюбие, особенно Макария Египетского, Исаака Сирианина, Исихия Иерусалимского; одной из ее любимых книг было толкование епископа Феофана Затворника на 118-ый псалом (ее любимый). Но особенно питалась она духовным чтением из Священного Писания — псалмов, пророка Исайи и новозаветных книг. Этим она вдохновлялась. Это и молитва были питающим нервом ее жизни. Основная ее характеристика была — жизнь не для себя, отдавание себя всецело для других, прежде всего для мужа, потом для детей, а также и всех близких и «чужих». У нее был дар — огромная сила жалости и сострадания. Она не могла видеть горя или пужды — чьи бы они ни были — чтобы не желать помочь тут же, сколько она была в состоянии. Она учила своих детей милосердию, учила их отдавать свою любимую игрушку бедному сироте. Это был такой пример естественной простоты, смирения, величайшей культуры, но прежде всего культуры сердца, и святости, что этот пример сам был уже величайшим актом воздействия и воспитания. Равных по молодому горению духа — даже в старости (как она увлекалась всем прекрасным, как любила классические Lieder Шумана и Шуберта и стихи,

особенно юбразы д у х о в н о й к р а с о т ы !), и по силе героического смиренного служения любви и величайшей духовной утонченности и благородства в самой этой подлинной, не вымученной, а основоположной простоте и чистоте духа — я не встречал.

Но много образов русской матери — мудрой, горячей сердцем, трезвенно-подлинной и духовно утонченной и, прежде всего, доброй — не навязчиво, не «эмоционально», а истинно доброй с забвением нередко себя и религиозно укорененной — встречались мне на моем пути и в России до революции и в эмиграции. Не только, конечно, среди русских. Но разносторонность и трезвенная тонкость и евангельская простота осуществления этого идеала очень типично русские, хотя, конечно, не исключительно.

Но на одном хотелось бы еще здесь остановиться. Чем жили эти матери-христианки — те, напр., о которых я говорил здесь и которых я знал? Оне жили прежде всего из внутреннего устремления, из духовного общения своего с Господом своим. В них уже начинал проявляться тот предельный идеал, о котором пишет апостол Павел: «Живу уже не я, но живет во мне Христос», во всяком случае обращения взора души своей к Нему, черпали оне свои силы. Это был некий органический процесс: начало новой жизни, и жизнь эта изливалась вовне на семью и окружающих.

* * *

4

Приведу еще несколько примеров такого образа матери — из материала, связанного с воспитанием и духовным ростом ряда русских замечательных людей, вышедших не только в жизнь, но и вошедших в историю русской культуры. Некоторые из них явились центрами духовного воздействия, очагами сердечной теплоты и просвещения, не только для своих детей, но и для посторонних, особенно для молодежи, бывавшей у них в доме.

Начну с Авдотьи Петровны Елагиной, в первом браке Киреевской, матери братьев Киреевских и родственницы поэта Жуковского (рожденной Юшковой, 1789-1877).

Вот, что о ней пишет известный русский историк права и сотрудник правительства Александра II по крестьянской реформе, профессор К. Д. Кавелин (1818-1885), испытывший ее ласку на себе, когда он юношей часто запросто бывал в этом гостеприимном доме Елагиных, полном молодежи:

Вводимые в замечательно образованные семейства добротой и радушием хозяев, юноши, только что сошедшие со студенческой скамейки, получали доступ в лучшее общество, где им хорошо было и свободно, благодаря удивительной простоте и непринужденности, царившей в доме и на вечерах. Здесь они встречали и знакомились со всем, что тогда было выдающегося в русской литературе и науке, прислушивались к спорам и мнениям, сами принимали в них участие и мало-по-малу укреплялись в любви к литературным и научным занятиям. К числу молодых людей, воспитавшихся таким образом в доме и салоне Авдотьи Петровны Елагиной, принадлежали: Дмитрий Алексеевич Валуев, слишком рано умерший для науки, А. Н. Попов, М. А. Стахович, позднее трое Бакуниных, братья эмигранта, художник Мамонов и другие. Все они были приняты в семействе Елагиных на самой дружеской ноге, — Валуев даже жил в их доме — и вынесли из него самые лучшие, самые дорогие воспоминания. Пишущий эти строки испытал на себе всю обаятельную прелесть и все благотворное влияние этой среды в золотые дни студенчества; ей он обязан направлением всей своей последующей жизни и лучшими воспоминаниями. С любовью, глубоким почтением и благодарностью возвращается он мыслями к этой счастливой поре своей молодости, и со всеми его воспоминаниями из этого времени неразрывно связана светлая, благородная, прекрасная личность Авдотьи Петровны Елагиной, которая всегда относилась к нему и другим начинающим юношам с бесконечной добротой, с неистощимым вниманием и участием».

Авдотья Петровна была вместе с тем человеком большой культуры и образованности. «Основательно знакомая со всеми важнейшими европейскими литературами, не исключая новей-

ших, за которыми следила до самой смерти, Авдотья Петровна особенно любила однако старинную французскую литературу. Любимыми ее писателями остались Расин, Жан-Жак Руссо, Бернарден де Сен-Пьерр, Массильон, Фенелон . . . Чтобы оценить ее влияние на нашу литературу, довольно вспомнить, что Жуковский читал ей свои произведения в рукописи и уничтожал или переделывал их по ее замечаниям. Покойная показывала мне одну из таких рукописей — толстую тетрадь, испещренную могильными крестами, которые Жуковский ставил подле стихов, исключенных вследствие замечаний покойной... Не было собеседницы более интересной, остроумной и приятной. В разговоре с Авдотьей Петровной можно было проводить часы, не замечая, как идет время. ЖивоСТЬ, веселость, добродушие, при огромной начитанности, тонкой наблюдательности, при ее личном знакомстве с массою интереснейших личностей и событий, прошедших перед нею в течение долгой жизни, и ко всему этому удивительная память, — все это придавало ее беседе невыразимую прелесть. Все, кто знал и посещал ее, испытали на себе ее доброту и внимательность. Авдотья Петровна спешила на помощь всякому, часто даже вовсе незнакомому, кто только в ней нуждался. Поразительные примеры этой черты характера ее рассказываются родными и близкими». Свою характеристику А. П. Елагиной Кавелин заключает словами: «Не только нашим детям, но даже нам самим трудно теперь вдуматься в своеобразную жизнь наших ближайших предков. Лучшие из них представляли собой такую полноту и цельность личной, умственной и нравственной жизни, о какой мы едва имеем теперь понятие» *).

Это — настолько интересное свидетельство с точки зрения культурной и динамической связи между поколениями, что я привел это почти целиком. А сколько жизнь прошлого (даже и настоящего — даже под советским игом, даже в эмиграции) представляла нам подобные примеры, не записанные в книги, не фиксированные в написанных воспоминаниях, но живых в памяти, живых в своем воздействии, составляющих тайный, скрытый поток творческой, духовной жизни, проте-

---

* Очерк, "Авдотья Петровна Елагина" (1877). См. Собрание Сочинений, К. Д. Кавелина, том III, стр. 1121-22, 1125, 1226, 227.

кающих через семью. К этим носителям духовного оплодотворения жизни — в частности и в семье — могут быть отнесены слова из Евангелия от Иоанна о том, что у верующих — «из чрева потекут реки воды живой» (7, 37), т. е. что они становятся местом прохождения, живым каналом, через который в жизнь нашу втекают потоки высшей, оплодотворяющей действительности. Невольно думаешь об этом, когда, например, читаешь в воспоминаниях философа князя Евгения Ник. Трубецкого (напечатанных уже в эмиграции в 1921 г., *Baden bei Wien*, но относящихся к его детству, т. е. к 60-м-70-м годам прошлого века) — о незабываемом воздействии на его душу и на его братьев и сестер его матери, княгини Е. А. Трубецкой (рожд. Лопухиной), истинной христианки, человека огромного духовного горения. Особенно замечателен рассказ его о том, как она вложила в своих детей мысль о вседеприсутствии Божиим, о том, что взор Божий проникает повсюду, и не укроешься от него.

Мы знаем, какое огромное влияние на духовное развитие Толстого имела беззаветно его любящая тетя Татьяна Александровна Ергольская, которая заменила ему мать с самых ранних его лет и которая была живым образом отдающей себя, смиренной, благодатной любви, которая, как он говорит, учила не словами и даже не делами, а всем существом своим учила.

«Главное свойство ее жизни, которое невольно заражало меня была ее удивительная, всеобщая доброта ко всем без исключения. Я стараюсь вспомнить, и не могу, ни одного случая, когда бы она рассердилась, сказала резкое слово, осудила бы — не могу вспомнить ни одного случая за 30 лет жизни... Никогда она не учила тому, как надо жить, словами, никогда не читала правоучений. Вся нравственная работа была переработка в ней внутри, а наружу выходили только ее дела — и не дела... а вся жизнь, спокойная, кроткая, покорная и любящая не тревожной, любующейся на себя, а тихой, незаметной любовью. Она делала внутреннее дело любви, и потому ей не нужно было никуда торопиться. И эти два свойства — любовность и неторопливость — незаметно влекли в общество к ней и давали особенную прелесть этой близости... Не одна любовь ко мне была радостна. Радостна была эта

атмосфера любви ко всем присутствующим и отсутствующим, живым и умершим, людям и даже животным . . . » *)

Вот, напр., образ Бабушки из Воспоминаний московского городского деятеля, человека большой доброты и чистоты сердца, Николая Ивановича Астрова (ум. в Праге в 1934 гду):

«Бабушка! Воспоминание о ней — одно из самых светлых и очаровательных воспоминаний моего детства и юности. Я не помню человека, который бы так всегда неизменно оставался самим собой во все минуты жизни, во все переживания. Какая-то светлая тишина окружала ее. Это было излучение глубокой сосредоточенности ее внутренней духовной жизни...

Тихая, неторопливая поступь, полная сдержанности и достоинства. Тихая плавная речь, мелодичный голос, как-то удерживаемый в переливах своих звуков, подчиненный все той же чарующей тишине, составлявшей ее стихию. Красивое, кроткое, озаренное лицо. Даже в минуты волнения и гнева, — а чувство, подобное гневу, охватывало ее, когда до слуха ее долетала чья-либо гадкая брань или «черное слово», — оно не теряло озаренности. Напротив того, в те минуты оно становилось особенно ярким, заставляя смущенно умолкнуть нарушителя душевной тишины. Ее прелестные голубые глаза, тонкие черты лица довершали образ.

Мы всегда любили нашу бабушку и радостно отдавались тому тихому свету, который исходил от всего ее духовного существа. Ее приезд к нам в Москву был для нас всех, больших и малых, истинной радостью. В семье с ее появлением повышалось настроение. Все как-то становилось лучше и всем становилось лучше. С ее появлением все инстинктивно ощущали, что к нам входило что-то новое, что-то такое, что только она одна умела принести с собой.

Милая бабушка! Много душевного очарования связано с воспоминанием о ней. Ее прикосновение к детской душе вызывало смутные ощущения какого-то иного мира, в котором она духовно жила . . . » *)

---

*) Читая эти слова вспоминаешь некоторые черты из образа бар. Ольги Михайловны Врангель (рожд. Иваненко), скончавшейся в 1968 году в эмиграции.

*) Н. И. АСТРОВ. Воспоминания. УМСА. Париж 1941, стр. 40-41.

Примеры легко умножить. Так много их и в недавнем прошлом. И в настоящем есть также изумительные примеры (например, в русской эмиграции) этой глубокой духовной связи между родителями и детьми, этого духовного воздействия и развития и роста духовного, происходящего в недрах семьи через участие ее членов в питающем потоке динамической традиции.

Продолжается ли этот процесс — хотя бы в уменьшенном хотя в значительной степени сокращенном виде в Советской России? Отмирает ли в ней духовная жизнь семьи или она еще живет? На это возможно и следует, думаю, ответить следующим образом: там, в Советской России и в других странах, подчиненных коммунистической власти, где есть религиозная жизнь, имеется налицо фактор, противоположенный тому направлению, которое хочет дать всему развитию жизни народа Советская власть. Где есть еще религиозное начало, там есть еще и семья в д у х о в н о м с м ы с л е с л о в а. Существование религии и существование семьи, как духовно-культурной силы в Советском Союзе более тесно связаны друг с другом, чем в других странах, ибо в других странах нет официально, всеми средствами государственной власти поддерживаемого яростного похода против религии и против семьи, как некоего свободного очага духовной и культурной жизни. Есть многие элементы в окружающей жизни, враждебно относящиеся и к религии и к религиозно настроенной семье, но прямой, принудительной власти у этих элементов вне коммунистических стран нет, или во всяком случае она пользуется пока косвенными мерами воздействия.

В советском Союзе борьба против религии и борьба против духовной самостоятельности семьи составляет **одну общую линию** наступления против свободы человека со стороны коммунистического или стремящегося осуществить коммунизм государства. Но религия, хотя и подавлена, но не уничтожена. Не уничтожена в конец, хотя все делается, чтобы духовно обесплодить ее, и семья. И обе эти величины в глубине, по существу, поддерживают друг друга. Покуда есть религиозная жизнь в Советской России, веяние ее будет проникать и в недра семьи, как и борьба против религии со всей силой пере-

несены там в недра семьи одновременно со страшным натиском извне. Думается, что от окончательного исхода этой борьбы зависит и судьба русского народа.

* * *

5

Возвращаюсь к прошлому до-советской русской семьи. Она была, как мы видели, местом усиленного духовного и культурного роста, оплодотворения, духовных и культурных встреч. Огромное значение для всей русской культуры, особенно в течение 19-го и в начале 20-го века, имела такая встреча между культурной и духовной жизнью «Востока» и «Запада» (понимая под Востоком русские национальные предпосылки и воздействия Православной Восточной Церкви). Русская культурная семья была изначальным и особенно важным местом этой встречи. Перед нами необозримое поле фактов, переплетающихся влияний, ярко выступающих наружу, или тончайших и глубочайших, менее бросающихся в глаза, но, может быть, тем более важных воздействий и творческого ответа на них, фактов творческого синтеза, художественного, умственного, духовного, которые и образуют культуру. И это, повторяю, замечается уже на лоне семьи. Чудные огромные библиотеки прежних поколений — в столицах, губернских городах и усадьбах, особенно богатые в области гуманистической — литературы современной и старой, истории, истории искусства, биографии, государствоведения, философии и — что также очень интересно — религии. Эти старые, нередко обильно пополнявшиеся, библиотеки были многоязычны. Я помню несколько таких замечательных библиотек, принадлежавших часто семьям, обладавшим скорее скромными средствами. Французская классическая литература 17-го и 18-го века, большей частью в изданиях того времени, в кожаных переплетах с золотым обрезом: Расин, Корнель, Мольер, философы моралисты, религиозные писатели — Паскаль, Фенелон, Массиньон, Боссюэ, Бурдалу, Ларошфуко, мемуаристы — *duc de St. Simon, duc de*

Sully (министр Генриха IV — издание начала 17-го века), *duc de Lauzun*, герцогиня д'Абрантес (жена Наполеоновского маршала) в 14 томиках, и т. д., и т. д.; труды Монтескье, Токвиля, "La Cité Antique" Фюстеля де-Куланж, «История консульства и империи» Тьера, Ламартин, Augustin и Amadée Thierry, Ampère, "Histoire Romaine a Rome" и ряд других позднейших историков. Английский мир бывал представлен не менее ярко. Помню старинную библиотеку графов Чернышевых в имении моей тети Надежды Григорьевны Малиновской, рожд. кн. Долгорукой (ее мать была рожденная граф. Чернышева) в имении Подольны в южной части Орловской губернии (на границе с Курской). Старинные ореховые шкапчики в библиотечной комнате с зелеными тенями кленовых листьев, скользившими по полу. Эти шкапчики были полны сокровищами: первые издания английских писателей начала 19-го века. Были здесь отдельные томики первого издания Байроновского "Child Harold", выходившего отдельными песнями, начиная с 1816 года, со старинными виньетками в классическом стиле: урны, разбитые колонны, обвитые плющом, жертвенник с пылающим огнем, венки, лиры. Были в этой библиотеке и "Lallah Book" Томаса Мура (индийская повесть в стихах) и, конечно, старые издания Вальтер Скота с гравюрами, английские историки (Гиббонс, Маколей), экономисты, романисты, романтические поэты, Шекспир — также в старинных изданиях — которые читались с увлечением владельцами этих библиотек. Помню, ранней весной (был уже май, но холодный) я 16-летним мальчиком уходил с томиком поэм Томаса Мура читать под огромным старым дубом над обрывом. А в той библиотеке, которая особенно предносится моему внутреннему взору с самого начала этого описания библиотечных сокровищ средне-русских усадеб и московских особняков — в библиотеке сельца Красного Новосильского уезда Тульской губернии (на границе Орловской), которая была составлена Давыдово-Долгоруковской семьей в середине 19-го века, был, кроме того, особенно ценный и любопытный отдел первоизданий классических произведений немецкой литературы второй половины 18-го века — отдельные произведения Гете и Шиллера, «Оберон» Виланда, Гердер, а также романтики начала 19-го века — так, напр., Тик Вакенродер.

Помню оригинальное, несколько доморощенное впечатление, которое производили эти уютные и скромные немецкие томики, переплетенные в крепкий картон с аккуратно наклеенной ярко-цветной бумагой — темно-синей, светло-синей, пунцовой, зеленой, оранжевой; а поверх этого яркого фона были наклеены еще и мелко вырезанные бумажные звезды на подобие тонких кружев — все это, очевидно, было сделано в мастерских немецкого издательства, напр., у знаменитого Котта в Эрфурте, несравнимо в своей доморощенной простоте с изяществом французских переплетов из сафьяновой кожи 17-го и 18-го веков, но полно очарования. И русские старые книги были там: первые издания стихотворений Жуковского «Для немногих» 1818 года на толстой синеватой бумаге, первое издание стихотворений Ковлова и др., тоже с венками и урнами и пылающими алтарями. Там же была коллекция журналов — все года «Русского Архива», «Русской Старины», «Исторического Вестника», «Русского Вестника», «Артиста», комплект "Revues des Deux Mondes" с 1848 года по первые годы Первой Великой войны, и т. д. И в том же доме той же усадьбы были, наряду с этой библиотекой, основанной родителями мое бабушки, преимущественно историческо, мемуарной и литературной (классики на 5 языках, а также беллетристика) и другая, совсем юсовая, личная библиотека моего деда, Василия Сергеевича Арсеньева (1829-1915 г.г.). Здесь были христианские мистики всех стран и народов, отцы Церкви (Афанасий, Григорий Нисский, Златоуст, Августин), великие православные наставники духовной жизни — Макарий Египетский, блаж. Диадок, Исаак Сирий, Симеон Новый Богослов, и вообще отцы «Добротолюбия»; книги по философии, особенно представители религиозной мысли — Франц Баадер, Яков Беме и его ученики Hamann, Oetinger, Maine de Biran, Хомяков, Шеллинг, Платон, Николай Кузанский, Паскаль. Из мистиков и духовных писателей христианского Запада были Иоанн Св. Креста (Juan de la Cruz), Тереза Испанская, Екатерина Генуэзская, Екатерина Сьенская, Таулер, мейстер Эккарт, Thomas Campanella, M-me de Guyon, Раймунд Люллий. Ряд редчайших изданий, ряд рукописей, — напр., старинная рукопись одного из трактатов Григория Сковороды, редкие Новиковские издания, творения Фе-

офана Затворника и др. Но все эти столь различные религиозные книги объединялись одной вдохновляющей основной идеей, или вернее, одной основной устремленностью — к Воплощенному Слову Божию. Эта мистико-богословская и философская библиотека моего деда была ярко христоцентрична. И сходных, или несколько отличных (ибо библиотека моего деда была особенно редка и обладала некоторыми уникальными рукописями)¹⁰⁾ было в России в разных центрах или даже в разных углах ее не мало или, вернее, очень много. Напомню, напр., о замечательной философской и юридически-исторической библиотеке Б. Н. Чичерина в его имении «Караул» и т. д., и т. д. Это было невероятное богатство частных, часто очень специальных библиотек. Особенно, пожалуй, были интересны старинные библиотеки гуманистического (или гуманистически-религиозного) характера, вроде описанных. И здесь поражает величайшее соединение двух стихий: западной (часто западно-христианской) и «восточной», т. е. русской, часто сиюпределенно религиозной устремленностью.

Культурные русские семьи были, повторяю, особенно в течение 19-го и начала 20-го века — местом встречи и взаимного проникновения двух начал — западного и восточного (т. е. православного и национально-русского). Этот синтез породил великий русский культурный расцвет 19-го века, и русская культурная, исполненная динамической традиции, семья была одним из важнейших — конечно, не единственным, но одним из особенно действенных и решающих центров его подготовки и его проявления¹¹⁾.

Семья эта была, между прочим, местом зарождения некоего духовного сотрудничества между богатством религиозного опыта христианского православного Востока, как оно проявлялось на вершинах духовной жизни русского народа, и религиозной

---

¹⁰⁾ Были, конечно, в особняках и усадьбах и старинные библиотеки "вольтерьянско-вольнодумного" оттенка — направление, которым увлекался ряд русских просвещенных людей конца 18-го века. Но те старые семейные библиотеки, с которыми я имел дело в своей юности, имели другой — преимущественно гуманистически-религиозный характер.

¹¹⁾ См. об этом подробнее в моей книге "Из русской культурной и творческой традиции".

жизни христианского Запада, сотрудничества, которое пробудилось с большой силой в наше время¹²⁾). В этом, пробудившемся теперь с большой силой духовном сотрудничестве между христианским Востоком и христианским Западом христианский Запад начал с огромной интенсивностью осознавать те великие силы духовного порядка, что таятся и раскрываются в глубинах русской жизни, попираемые извне и сверху безбожным и лютым игом. Русская религиозная семейная традиция помогла их пронести через тягчайшие испытания. Хватит ли сил у нее пронести их дальше? От этого зависит судьба русского народа.

* * *

6

Из таких семей выходили люди большой культуры, укорененные в том, что мы называли «динамической традицией» — религиозной питающей почве духовной жизни русского народа и из тесного соприкосновения вместе с тем и с величайшими порождениями культуры Запада. В качестве примеров можно назвать, напр., Ф. И. Тютчева, братьев Киреевских, А. С. Хомякова и философов князей С. Н. и Е. Н. Трубецких, и многих, многих других. Синтез «своего» с западным так ярко выступает в творческом вдохновении Тютчева.

Но не только для литературного творчества готовила такая русская семья, но и для жизни. Широта мирозерцания, умение восхищаться Красотой и жаждать Правды и служить ей, и внимательное сердечное отношение к ближнему и уважение к достоинству его часто выходили из лона русской, живущей динамической традицией семьи. Примеры этого мы можем видеть и в эмиграции — на ряде русских старых и молодых семей, живущих и воспитывающих своих детей из этих духовных основ.

---

¹²⁾ См. мою статью "Roots of Russian Ecumenism" (in St. Vladimir's Seminary Oubs. Ferlag". 1962, Vol. 6 No 1, pp. 3-15).

Но вернемся под конец еще раз к тому, о чем мы уже вскользь говорили — о самом, может быть, важном и актуальном, злободневном в нашей теме — к семье в Советской России. Это настолько важный вопрос, так много в будущем русского народа зависит от того, какое решение нашел он в жизни, на практике, что важно еще раз окинуть взором основные данные.

Очень замечательна и богата материалом недавно вышедшая в Нью-Йорке книга профессора И. А. Курганова «Семья в СССР»¹³). Он показывает нам страшное постепенное систематическое ухудшение положения семьи — можно сказать, систематическое удушение семейного начала в Советском Союзе. Но он не указывает нам на реакцию семьи, не указывает на то, что осталось от семьи и что еще живо, несмотря на все это. А таких данных не мало. Хотя бы, для примера, то, что происходило в оккупированных германскими войсками местностях России. Все мужское население так называемого «призывного возраста» (на самом деле, мальчишки, начиная с 14 лет, и пожилые люди до 60 лет включительно, причем многие из них больные и полу-инвалиды, не взятые советской властью на военную службу) забирались в специальные лагеря, устроенные при лагерях военнопленных.

И что же? Эти лагеря в течение всего дня буквально «осаждались» женами и матерями с детьми, пришедшими издалека (иногда за 40-50 верст) по сильному морозу и занесенным снегом дорогам, таща с собой саночки с передачами для отца, сыновей, старших братьев. Этот вопль отчаяния у этих женщин, просивших повидать 14-летнего сына или мужа; это было самое яркое свидетельство, что семья у этих крестьян Северной России (напр., в Новгородской, Петербургской, Псковской губерниях) была жива. Видевшие это или слышавшие рассказы об этом от свидетелей не могут этого забыть.

Ряд непередаваемых, невероятных человеческих трагедий

---

¹³) И. А. КУРГАНОВ. "Семья в СССР 1917-1967". Нью-Йорк 1967. 330 стр. Эту превосходную книгу следовало бы, по-моему, скорее назвать: "Семья в СССР согласно плану Советской власти".

и примеров такой же невообразимой силы жертвенной любви и жертвенного служения озаменовали вообще историю русской семьи под советским игом. Несмотря на все притеснения, на аресты, заточения и убийства членов семьи — и родителей и детей — со стороны органов власти, на насильственное отнятие детей от родителей, на систематическое сверху проводящееся нравственное разложение и убийство семьи, а иногда и на физическое истребление части ее членов, в семье этой нередко проявлялась такая сила терпеливого, тихого морального мужества и сопротивления, такая — повторяю — сила любви, что это останется одной из самых патетических, ужасных, но и вдохновляющих душу картин русской культурной истории. Так было в 20-ых, 30-ых, 40-ых, 50-ых годах — до самой смерти Сталина, когда можно было наблюдать изо дня в день бесконечные вереницы родных, главным образом женщин, стоящих у ворот советских тюрем для передачи пакетов с едой и бельем, иногда с книгами для заточенных отцов, братьев, сыновей. У себя отнимали еду — в эти времена всеобщего голода или, в лучшем случае, полу-голода, чтобы посылать ее своим заключенным в советскую тюрьму. Этого забыть нельзя, и разлуку матери с детьми, отправлявшимися в Соловки или в другие страшные концентрационные рабочие лагеря Севера. Так убивалась семья зачастую физически, но так она вместе с тем закалялась морально и религиозно. Вырастала сила морального ютпора и нравственной живучести семьи и семейной любви. Иногда она превращалась в пепел, но сколько было животворного в этой проявленной любви! И это закаляло духовно и передавалось дальше — от старших к молодым и наоборот — силою жертвенной любви, которая даже в страданиях оставалась верна, и силою взаимной молитвы, материнской молитвы особенно. Это есть **р е а л ь н о с т ь** д у х а, вошедшая в русскую культурную историю, не только того с т р а ш н о г о времени (теперь, за последние 5 лет, систематический гнет продолжается с большой силой и последовательностью, но физического истребления — бесконечно меньше), чем вообще в **р у с с к у ю ж и з н ь**, ибо оплодотворила ее. Что может быть творчески сильнее и более вдохновляюще, чем **с и л а п р о я в л е н н о г о д л и**

тельного и героического подвига любви? Есть — и немало их — красноречивых письменных памятников переживаний того времени, особенно 20-ых и 30-ых годов ¹⁴⁾.

К сожалению, эти книги полностью распроданы (имеются лишь в некоторых больших центральных библиотеках) и никогда не были изданы на русском языке. Они рисуют ужасы советских тюрем, тюремных этапов и концентрационных лагерей, но и жизнь русской верующей семьи на фоне этих гонений и проникающие ее духовные силы, а также и другие оазисы несокрушимой силы духа в Советском Союзе. Имена обоих авторов, Андрей Русинов и Александра Анзерова — литературные псевдонимы. Фамилия «Анзерова» заимствована у одного из скитов Соловецкого монастыря. Настоящие имена авторов: Евгений Гагарин и Анна Арсеньева.

Есть и замечательный литературный памятник, — нет, не литературный это памятник, а пораздо больше, святее, чем литературные памятники: слова любви матери, расстающейся с сыном — "Requiem" Анны Ахматовой. Но этот памятник страшен — и вместе с тем и высок — и своей «коллективностью»,

«Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.

---

¹⁴⁾ См. об этом следующие замечательные книги, написанные русскими и напечатанные в Германии по-немецки во второй половине 30-ых годов.

- 1) **Andrei Russinow.** "Die grosse Teuschung".
Verlag Hellmuth Wollermann. Berlin-Steglitz, 1936-1937.
- 2) **Andrei Russinow.** "Auf der Suche nach Russland".
(Sowjetrussland und das wahre Russland).
Hesse und Becker Verlag. Leipzig 1939.
- 3) **Alexandra Anzerowa.** "Aus dem Lande der Stummen".
Bergstadtverlag Breslau, 1936.
- 4) **Alexandra Anzerowa.** "Am Weissen Meere".
Verlag Ferd. Schoenlgh, Paderborn, 1938.

или лучше сказать, своей «соборностью». Здесь личное горе матери сливается с общим, таким же горем матерей, у которых злая власть оторвала сына. Эти слова не забудутся, пока есть русская духовная жизнь, — более того, пока в мире есть матери. Это — свидетельство непреходящего укора и обвинения, стон и горе и молитва. Это — более, чем литература.

И вот матери идут на свидание с заключенными сыновьями, жены с мужьями:

«Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней.
Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда все поет вдали . . . »

(Март 1949 г.)

Вспоминается момент ареста. За ним пришли на дом:

«Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла.
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе . . . Не забыть . . . »

1935 г.

Приговор произнесен.

«И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова.
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить.
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить».

(Лето 1939 г.)

Только бы не сойти с ума, только бы всегда помнить, не забыть никогда. —

«Ни сына страшные глаза —
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного страданья,
Ни милую прохладу рук,
Ни лиц взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук —
Слова последних утешений».

(4 мая 1940 г.)

И вот она вспоминает тех, которые страдали, как она, вместе с нею стояли с тюремными передачами.

«Опять номинальный приблизился час,
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных, слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ

Пусть также они поминают меня
В кашун моего номинального дня . . . »

(Март 1940 г.) ¹⁵⁾.

---

¹⁵⁾ Цитирую "Requiem" по изданию: "Анна Ахматова, Сочинение 1965., Inter-Language Literary Associates, Том I, стр. 354, 355, 357, 359, 365.

Она донесла свое горе до конца. Она, одна из многих, соединилась с другими в общей молитве, принявшей форму стихотворения. Но, конечно, это — гораздо больше всяких стихов и дает им смысл.

И опять ставится перед нами вопрос: Что же мы имеем в конце концов? Поражение семьи или ее победу? Но есть, повидимому, законы духовной жизни (которые, согласно Хмякову, изнутри влияют на исторические судьбы народа), по которым подвиг духовный не проходит даром. Семена любви и жизнь Духа часто побеждают и в жизни народа. Самое проявление их есть уже победа.

Николай Арсеньев.

THE RUSSIAN FAMILY, ITS RELIGIOUS AND CULTURAL TRADITIONS .

Importance of the study of Family Life for the History of Culture. The two poles of the Russian soul: unrest, chaotic fermentation, and the ideal of “sobriety”, balanced harmony and moral earnestness and responsibility — “blagoobrazie”. The impact of the Eastern Orthodox Church on the soul of the Russian people. Religious rites in **Russian Family Life**. The Parental Benediction in Russian life and folklore. The Mother in Russian Family Life, as bearer of the religious tradition.

The family of the Russian cultivated class as meeting point of West and East, of Western influence and national religious tradition. Russian family under the Soviets and its fight for its survival as bearer of the rights of human personality and of freedom of culture.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*

ПЕРЕПИСКА И. А. БУНИНА и П. Б. СТРУВЕ
(1920 - 1943)

К 100 - ЛЕТИЮ СО ДНЯ ИХ РОЖДЕНИЯ .

Публикация Г. П. Струве

— * —

В 1970 году исполняется сто лет со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина (род. 10/22 октября 1870 в Воронеже) и моего отца, Петра Бернгардовича Струве (род. 26 января/ 7 февраля 1870 в Перми). Бунин был на восемь месяцев моложе П. Б., но прожил почти на десять лет дольше. Оба умерли в Париже, Бунин 8 ноября 1953 г., П. Б. — 26 февраля 1944 г.

В России, до революции 1917 года, если они и встречались, то на каких-нибудь литературных или иных собраниях, личного знакомства между ними не было. И Бунин, если я не ошибаюсь, в редактировавшейся П. Б. Струве «Русской Мысли» в России не сотрудничал. Знакомство их произошло в Париже летом 1920 года. П. Б. приехал туда из Крыма, чтобы вести переговоры о признании Францией правительства ген. Врангеля в Крыму, в котором он занимал пост Управляющего Внешними Сношениями, т. е. министра иностранных дел (переговоры эти, как известно, увенчались успехом, и этот факт сыграл огромную роль в судьбе множества русских, эвакуированных из Крыма). Бунин еще до того (в конце марта), вместе

со своей женой Верой Николаевной, добрался до Парижа через Константинополь, Болгарию и Сербию, эвакуировавшись из Одессы в конце января, перед занятием города большевиками.

Лето 1920 г. и есть начальная дата переписки между П. Б. и И. А., продолжавшейся почти до самой смерти П. Б. Письма П. Б., сохранившиеся среди бумаг Бунина, были получены мною в подлинниках от В. Н. Буниной после смерти И. А. и находятся в настоящее время у меня ¹⁾. Письма И. А. к П. Б. сохранились далеко не все. С 1922 по 1925 год П. Б. жил в Праге. Уезжая в мае 1925 г. в Париж, чтобы редактировать новооснованную ежедневную газету «Возрождение», он передал свой архив на хранение в учрежденный при содействии чехословацкого правительства Русский Заграничный Исторический Архив. После Второй мировой войны все рукописные материалы этого архива были преподнесены Чехословакией, в нарушение устава Архива, советскому правительству. Они находятся сейчас в Москве. Повидимому, в составе этого архива обнаружены и письма И. А. Бунина к П. Б. Струве за период 1922-1924 гг. О нахождении этих писем и о предполагаемом напечатании их в посвященном Бунину томе «Литературного Наследства» мне сообщил советский биограф Бунина, А. К. Бабореко, но сообщить самые тексты писем он не имел возможности.

Сохранившуюся переписку между И. А. Буниным и П. Б. Струве можно разделить по хронологическому (и отчасти географическому) признаку на пять основных групп ²⁾. За годы 1920-1924 (П. Б. в это время жил сначала в Крыму, с наездами в Париж и Константинополь, потом в Париже и с 1922 г. в Праге имеется 13 писем П. Б. к И. А. и какое-то количество писем И. А. к П. Б., но как будто только за годы 1922-24 ³⁾). За период с мая 1925 по начало 1928 г., когда П. Б. редактировал в Париже сначала «Возрождение», а потом «Россию», налицо 20 писем П. Б. и 33 письма, 17 открыток и 2 телеграммы И. А. к П. Б., а также одна открытка от В. Н. Буниной ⁴⁾. От 1928 г. имеются еще два письма и одна открытка П. Б., но уже из Белграда. Ответные письма И. А., очевидно, ютились в Белграде и пропали там с большей частью архива П. Б. ⁵⁾. Следу-

ющую группу составляют восемь писем и две открытки П. Б. к И. А., полученные мною от В. Н. Буниной и охватывающие период 1937-1941. Отсутствие писем за годы 1929-1936 представляется довольно странным. Возможно, что письма этого периода еще будут отысканы в архиве Бунина, хранящемся у Л. Ф. Зурова. В эти годы, правда, П. Б. не раз ездил в Париж, где время от времени бывал и Бунин, и они должны были встречаться лично. Вторая мировая война застала П. Б. в Белграде (в последний раз он был на Западе в 1938 г. перед Мюнхенским кризисом и после него). Вскоре после вторжения немцев в Югославию в апреле 1941 г. он был арестован и сидел сначала в помещении Гестапо в Белграде, а потом в тюрьме в Граце, откуда был освобожден еще летом того же года. Но только в 1942 году он и его жена, Нина Александровна, после нескольких повторных отказов, получили разрешение на выезд в Париж, где проживали два их сына ⁵). От последнего, парижского, периода жизни П. Б. сохранились два коротеньких письма И. А. к П. Б., три письма В. Н. Буниной (одно к П. Б. и два к И. А.), одна открытка от нее же к И. А. и открытка П. Б., обращенная к обоим Буниным — о смерти И. А.

В дальнейшем нами приводятся не все письма, и те, которые приводятся, не всегда целиком. В частности, в отдельных случаях в письмах И. А. Бунина, который был резок и даже невожатержан на язык, нами опущены подобные резкие отзывы о лицах, которые либо еще живы, либо имеют еще живых близких. За исключением первых писем и некоторых особых случаев мы опускаем также, в интересах экономии места, обращения и заключительные формулы.

* * *

1. 1920 - 1924 годы

— — —

Первое письмо П. Б. к И. А. написанное явно вскоре после их первой личной встречи в Париже, датировано 13 июня 1920 г. П. Б. писал:

Дорогой Иван Алексеевич!

Так как я Вас полюбил, то хочу видеть. Не можете ли Вы завтракать со мной во вторник или среду? Если да, то сообщите мне и мы, т. е. я и мой сын, заедем за Вами и за Верой Николаевной. Жду Вашего извещения (*pneumatique*) по адресу на конверте.

Мой сын нижайше кланяется Вам и В. Н. Я к сему присоединяюсь.

Ваш П. Струве .

П. Б. находился в это время, как уже было сказано, в Париже в командировке от правительства Вооруженных Сил Юга России. «Мой сын», о котором упоминает здесь П. Б., его второй сын, Алексей, живший с 1919 года во Франции. Как вспоминала позднее В. Н. Бунина, юна, И. А. и П. Б. с сыном часто в те дни завтракали или обедали вместе в ресторанах. П. Б. называл это «предаваться эксцессам».

Следующее письмо было написано уже из Севастополя, куда вернулся тем временем П. Б., и датировано 1 (14) августа 1920 г. В нем П. Б. писал:

Переговорив с А. В. Кривошеиным, мы решили, что такая сила как Вы гораздо нужнее сейчас здесь у нас на Юге, чем за границей. Поэтому я послал Вам телеграмму о Вашем вызове. Пишу спешно. О покрытии расходов переговорите с М. Н. Гирсом и Н. А. Базили.

Мой нижайший поклон В. Н. ")

Как ответил Бунин на это предложение, мне не известно. Едва ли перспектива возвращения на юг России после того, как он так недавно пережил эвакуацию из Одессы в Константинополь, прельщала его. Для того, чтобы решиться на такой шаг, нужно было иметь большую веру в победу Добровольческой Армии. Во всяком случае переселение Буниных в Крым не состоялось. А через два с половиной месяца большевические войска прорвали Перекопский перешеек, и судьба белого Крыма была решена. П. Б. оказался на время в Константинополе и оттуда писал Бунину 17 января 1921 г.:

Восстановление «Русской Мысли» — дело решенное, и я взываю к поддержке Вашей. Пусть хоть теперь создастся настоящий

духовный союз изящной словесности с публицистикой и наукой. Обращаюсь через Вас к А. И. Куприну.

Мой привет Вере Николаевне. Через два дня я выезжаю через Софию в Париж.

Обнимаю Вас.

П. Б. договорился с возникшим в Софии Русско-Болгарским книгоиздательством о возобновлении выпуска издававшегося и редактировавшегося им до революции ежемесячного журнала «Русская Мысль». В Софии вышло пять книг журнала (двойными и тройными номерами). В 1922 г. издание было перенесено в Прагу, а в 1923-24 гг. журнал редактировался в Праге, но печатался в Берлине. После весны 1924 г. издание прекратилось за отсутствием средств. В 1927 г. в Париже П. Б. попробовал его возобновить, но удалось выпустить только один номер. В первый же номер софийского издания Бунин дал свой прекрасный, но старый, напечатанный еще в России (под другим названием) рассказ «Исход». Позже он напечатал в «Русской Мысли» несколько стихотворений.

О «Русской Мысли» же шла речь и в следующем письме, написанном уже из Fontenay-aux-Roses под Парижем, где П. Б. поселился на время у своей племянницы, И. Н. Ревелиотти, и датированном 29 января:

Я не успел поговорить с Вами относительно работы в «Русской Мысли». Если бы Вы могли давать ежемесячно 1 печ[атный] лист, то это давало бы Вам не менее 650 крон чех. слов. в месяц и при других благоприятных условиях жизни в Чехословакии обеспечивало бы Вам некоторую часть Вашего расходного бюджета.

Мне хотелось бы, чтобы Вы написали рецензию на изданный берлинским «Словом» сборник «Собачья доля» и, в частности, пробрали издательство за то, что оно напечатало его по новой орфографии.

Дайте и на эти вопросы ответы в обещанном на понедельник письме *).

В приписке П. Б. добавлял: «Пишу сейчас Крамаржу по Вашему делу». Речь, вероятно, шла об исхлопотании Бунину стипендии от чехословацкого правительства. Карел (Петро-

вич) Крамарж (1860-1937) — известный чешский государственный деятель, первый премьер независимой Чехословакии (1918-1919) и главный представитель ее на Версальской мирной конференции. Известен был своим руссофильством и в это время находился в оппозиции президенту Масарику. Женатый на русской, он до конца своих дней занимал непреклонную антибольшевицкую позицию. П. Б., знакомый с Крамаржем еще по России, часто встречался с ним в Париже во время Версальской конференции. В дальнейшем П. Б. подымал перед Крамаржем вопрос о кандидатуре Бунина на Нобелевскую премию (см. ниже).

Через три дня после этого (1 февраля) П. Б. писал И. А., что будет у него на следующий день, и прибавлял:

Скажите Д. С. Мережковскому, что я в принципе охотно возьму у него 2 листа об Египте, а именно если он не будет стеснять меня сроком, и сейчас уплачу за лист по 650 чех. с.л. крон.

Сотрудничество Д. С. Мережковского в зарубежной «Русской Мысли» не состоялось.

10 февраля П. Б. посылает И. А. *pneumatique*, чтобы переменить час назначенного на следующий день свидания, так как ожидает к себе Г. Д. Гребенщикова. Возможно, что к тому же приблизительно времени относится записочка без даты (помечен только год: «921») о том, что П. Б. принял для «Русской Мысли» роман Е. Н. Чирикова «Исповедь» и написал ему об этом. Там же П. Б. пишет: «Все стремлюсь зайти к Вам, но очень занят».

Последнее парижское письмо П. Б., до переезда в Прагу, датировано 17 ноября 1921 г. В нем П. Б. писал:

Простите, что я, взяв билет, не пошел на Ваш вечер. Но я не в настроении — быть на людях, и Вас и Веру Николаевну хочу увидеть не в этой обстановке, а в непосредственном общении. Сговорюсь с Вами специально, а пока шлю дружеский привет Вам обоим.

Уже по переезде в Прагу, после более чем годового перерыва, в письме от 18 декабря 1922 г. П. Б. писал И. А., прося его прислать ему точные указания «о том, как, кому и кто мо-

жет указывать Нобелевских кандидатов». Эта часть письма была мною напечатана в первом томе «Записок Академической Группы в США» ¹⁾. Дальше П. Б. возвращался к вопросу о сотрудничестве И. А. в «Русской Мысли» и писал:

Воспользоваться Вашим произведением для «Р. М.» я не могу, по недоступности для журнала указываемого Вами гонорара. Я смогу продолжать журнал только при переходе к гораздо более низкой оплате, чем та, которая практиковалась до сих пор и которая не соответствует главному и определяющему рынку для русских печатных произведений, — Германии и вообще низко-валютных стран.

Следующее письмо датировано из Праги 18 марта 1923 г.:

Сын мой пишет, что Вы могли бы дать и давать для каждой книжки «Русской Мысли» рассказ. Я очень хотел бы вступить с Вами в соглашение на этот предмет. Я, конечно, не могу платить много, но полагаю, что, выражаясь на французо-русском языке, это все-таки «устраивало бы» нас обоих в материальном отношении и было бы очень приятно в других. Я бы мог в то же время устраивать появление Ваших рассказов в чешском переводе с рукописи, что оплачивалось бы лучше, по газетному тарифу, я думаю в 0,75 кр. за строчку. (А. С. Изгоев так в короткое относительно время заработал около тысячи крон).

Я по-прежнему продолжаю думать, что Вам следовало бы переселиться в Чехословакию. Это все-таки материально дало бы Вам всего больше, и, избавив от периодически возобновляющихся забот о самом насущном, дало бы возможность спокойно работать. Приезжайте хоть временно сюда и приезжайте поскорее, и я уверен, что в личной беседе я смогу Вас убедить в правильности рекомендуемого мною решения.

В заключительной части этого письма П. Б. возвращался к вопросу о Нобелевской премии — см. эти строки в уже цитированной заметке в первом томе «Записок».

От пражского периода жизни П. Б. сохранилось еще три письма его к Бунину. 10 февраля 1924 г. он пишет:

Дело, о к[ото]ром писали мне Вы и Дм. Серг., к моему радостному изумлению, получило весьма благоприятное направление и

разрешение. Технически и более подробно я пишу одновременно Дм. Серг. Желательно, чтобы об этом пока не говорилось. Весьма хорошо было бы во всех отношениях, чтобы Вы приехали в Прагу, хотя бы на время. Весной здесь очень хорошо.

Душевный привет от Н. А. и меня Вам и Вере Ник.

Здесь речь идет несомненно о стипендиях для русских писателей, в первую очередь для пользовавшихся международной известностью И. А. Бунина и Д. С. Мережковского, о которых П. Б. хлопотал перед чехословацким правительством. Хлопоты эти велись, вероятно, через К. П. Крамаржа, как можно судить по следующему письму (от 16 марта 1924), в котором речь идет о том же деле:

На днях, вчера или третьего дня, я написал Дм. Серг. Мережковскому. Я навел справки и узнал, что Ваше дело получило благоприятное решение. К. П. Крамарж просил меня Вас успокоить. Когда Вы получите извещение от Чехословацкого посольства в Париже, не откажите послать выражение благодарности министру-президенту Швегле и министру Народного Просвещения Бехине. Об этом мне говорил К. П., придавая этому действию с Вашей стороны большое значение.

Н. А. и я шлем поклон В. Н. и Вам. Прошу также поклониться Мережковскому и Шмелеву и передать им содержание настоящего письма.

В записке от 18 декабря 1924 П. Б. благодарит И. А. «за дар с милой надписью» (очевидно на нововышедшей книге) и сообщает, что ему, может быть, удастся быть в Париже в январе.

Ответы Бунина на письма от 18 марта 1923 и 10 февраля 1924 г. должны находиться среди бумаг П. Б., которые из Праги попали в Москву. Едва ли тогда мысль о переселении из Парижа, столицы русского Зарубежья, в «провинциальную» Прагу могла особенно прельщать Бунина. Во втором письме сам П. Б. говорит уже только о приезде в Прагу «хотя бы на время».

* * *

2. 1925 - 1927 годы

— — —

Ездил ли П. Б. в самом начале 1925 года в Париж, я не помню, но следующее его письмо к И. А., датированное 11 мая 1925, написано уже из Парижа. Привожу его полностью:

Пишу Вам вот по какому делу. Только для Вас. Мне предлагаю редактировать русскую газету в Париже, в качестве главного редактора и политического руководителя.

Я имею возможность предложить Вам функции редактора литературной части с постоянным ежемесячным вознаграждением в 1500 francs и с построчным вознаграждением в frs. 0,25 за строку. Это вместе с фиксом может дать в месяц около 2000 frs. Газета гарантирована на год. Если Вы имеете какие-нибудь особые желания, обдумайте их и сообщите. В литературном и политическом отношении я выговорил себе полную независимость, и Вы будете в этих отношениях иметь дело **только со мной**.

Жду от Вас ответа. Необходимо будет приехать к выпуску газеты, 1-го июня, в Париж и так или иначе наладить дело.

Целую руки Вере Ник. и обнимаю Вас.

С этого момента и до 1927 года находящаяся в моем распоряжении переписка становится двухсторонней, хотя возможно, что не все письма уцелели. На приглашение участвовать в газете, которую П. Б. просили редактировать (это было будущее «Возрождение», созданное на деньги богатого нефтепромышленника Абрама Осиповича Гукасова), Бунин ответил следующим письмом без даты:

Чрезвычайно рад Вашему письму, — тому, что наконец-то будет газета под Вашим руководством, — и очень благодарю Вас за приглашение, счастлив работать с Вами. Но я Вас не понял: неужели я должен **немедля** переселиться в Париж? Я готов сделать это осенью, но теперь это совершенно невозможно: я снял (и без права передачи!) дачу на все лето и уже заплатил за нее вперед, я должен многое написать (а писать я могу только в тишине и только летом). Я не могу даже временно приехать в Париж: это выбьет меня

из колен и будет стоить тысячу франков (если даже ехать в 3-м классе и пожить дней десять в Париже даже по собачьи).

Вообще все это будет весьма вредно для меня — и для Вас: сотрудник должен быть здоров, работоспособен.

Главное-же то, что я (для пользы газеты) не вижу смысла ни в немедленном переселении моем в Париж, ни в поездке туда, — **все можно сделать отсюда**, — т. е. письменно созвать штат беллетристов и критиков, — и **все рукописи можно посылать сюда**.

На 1500 фр. редакторских, — за имя и за труд, — я согласен. Мало того: я известную часть этого редакторского гонорара отношу в мой гонорар, как сотрудника-беллетриста, стихотворца и писателя всяческих заметок, и посему согласен и на Ваши 25 сантимов за строчку (на каковые я никак-бы не мог согласиться вообще, я, например, в «Русе» получаю 1 франк за строчку прозы и 2 фр. за строчку стихов).

Но вот что меня смущает: мне кажется невозможным привлечь **прочих** беллетристов и поэтов за 25 построчных сантимов. Беллетрист с именем ни один не возьмет меньше 50 или даже 75 сантимов *). И вообще кто будет уговариваться насчет гонорара с беллетристами, поэтами и критиками? Вы или я?

Вот пока все, что могу сказать Вам сейчас. Жду Вашего ответа, обнимаю Вас и весь дом будущего знаменитого (я в этом не сомневаюсь) букиниста *).

Получив письмо Бунина, П. Б. пишет ему снова 16 мая:

Очень рад Вашему согласию и весьма признателен за него и за доброе ко мне отношение. Я думаю, что **все Ваши оговорки и пожелания будут приемлемы для издателя**. Наперед могу сказать вот что: размер гонорара в каждом случае будет нуждаться в моей санкции и в согласии издателя, поскольку этот размер будет превосходить 25 cts.

С соображениями Вашими по существу я согласен и явлюсь за них «ходатаем» перед издателем. У меня только полнота редакторской власти и определенная минимальная смета, в которую входит

---

*) А ведь надо кроме того всех хороших беллетристов отбить из всех других органов!

Ваш (именно Ваш) фикс в 1500 frs. и минимальный Ваш гонорар в 25 сант.

Сегодня или завтра напишу еще.

На следующий день, вдогонку, П. Б. шлет Бунину еще одно, более длинное письмо:

Я обдумал Ваше письмо и все обстоятельства дела, «обговорил» их с издателем и пришел к следующему решению или предложению. Мы заинтересованы всего больше в Вашей собственной литературной «продукции» (извините за это скверное иностранное слово!). Мы не желаем Вас тревожить. Но с другой стороны, редактирование материала для ежедневной газеты со стороны и вне непрерывного личного контакта с главным редактором — вещь почти невозможная. Поэтому я предлагаю впредь до водворения Вашего в Париж, а, может быть, и вообще — это будет зависеть от Вас — такую комбинацию:

Вы получите 1500 frs. в месяц фикса (с 1-го июня) и дате за этот фикс в месяц такое же количество строк, какое получаете франков, но, сверх того, каждая Ваша строчка в пределах этих 1500 frs. и за этими пределами оплачивается 25 сантимами, т. е. дав 1500 строк в месяц, Вы получите $1500 + 375 = 1875$ frs., дав 2000 строк — 2000 frs. и так далее. В случае, если Вы в месяц дадите меньше 1500 строк, но не менее 800 строк (т. е. двух фельетонов по 400 строк), Вы получите 1500 франков в месяц и никаких сантимов.

Согласны ли Вы на эту комбинацию? Мне кажется, что, выражаясь на французско-нижегородском наречии, она Вас всего больше «устраивает». По крайней мере, поскольку Вы живете вне Парижа и хотите работать в «тишине», она избавляет Вас от забот и хлопот. Вам не нужно будет условливаться о гонорарах и т. п. неприятных и трудных вещах. А Ваше участие в газете мы анонсируем лишь в такой общей формуле: «Литературный отдел при ближайшем участии почетного академика И. А. Бунина».

Это будет предполагать прежде всего Вашу собственную литературную «продукцию» в очерченных размерах; Ваши указания о желательности привлечения тех или иных сотрудников и о желательной оплате их труда; éventuellement и в редких случаях — Ваши за-

ключения о тех или иных авторских предложениях или даже рукописях. Я не буду в этом отношении злоупотреблять Вашим временем. Я сам писатель и ученый, т. е. «продуцент», и если взялся за редактирование газеты, то не как литературно-публицистический режиссер, а как политический деятель, по мотивам политическим, для действия политического. Эгого желал Вел[ичкий] Князь °); на этом настаивали мои политические друзья.

Напишите мне, согласны ли Вы на мое новое предложение, которое в материальном смысле ничего не меняет и очень облегчает Вас в смысле труда и ответственности.

Жду ответа. Целую руку Веры Ник. и обнимаю Вас.

В ответ на это письмо И. А. сначала посылает П. Б. (19 мая) телеграмму по-французски, гласящую:

Hier soir reçu votre télégramme aujourd'hui votre troisième lettre Espère donner pour premier numéro petit récit dont titre ne sais pas encore Votre nouvelle proposition acceptée avec plaisir Remercie et embrasse—Ivan Bounine

а потом письмо, без даты, но написанное либо в тот же день, либо на следующий:

В ответ на Ваше третье письмо (от 17-го) ответил телеграммой, смысл которой: согласен и благодарю. Что до рассказа для 1 №, то я сказал нерешительно: **надеюсь** дать маленький рассказ. Теперь спешу сообщить, что надежда эта не осуществляется. Я ведь вообще не думал, что сотрудничество мое, как **беллетриста**, понадобится **сию-же минуту**, для **первых-же** номеров, и Ваша телеграмма (просьба дать заглавие вещи для анонса) застала меня врасплох. Мне, конечно, все таки очень хотелось исполнить Вашу просьбу и на минуту мне показалось, что что-нибудь более или менее **подходящее** я отыщу для Вас в своих бумагах. Но, увы, не вышло: именно подходящего-то и не нашлось. А ведь для **первого** № это нужно **особенно**, дать в него что попало, какие-нибудь «незабудки» ни к селу ни к городу — неловко, он обязывает на что-нибудь бьющее в глаза и так или иначе связанное с тем «лицом», который в нем должен проявиться. Возможно, что в **другое** время я все таки какнибудь вывернулся (бы): понатужился бы и написал бы что-нибудь «по особому заказу». Но есть еще и **другая** беда: я **очень** болен своей

обычной болезнью (потерей крови), что всегда связано с дурной погодой, а такой погоды, как в этом мае, истинно старожилы не запомнят. И как раз эти дни особенно скверно: почти с утра до вечера лежу, ослабел и поглупел на редкость.

Дорогой, не сердитесь на меня, войдите в мое положение и, если уж нужна «изящная» литература для 1 №, обратитесь к Шмелеву, к Зайцеву . . . Утешаю себя тем, что она не очень нужна, — думаю, что № будет по горло сыт статьями, необходимыми в первую голову, «программными». С «незабудками» еще успеется.

Сердечно Вас обнимаю, Вера очень благодарит за память.

27 мая И. А. открыткой извещает П. Б., что посылает ему фельетон, который называется «Окаянные дни», а на следующий день пишет:

Слыхали-ли Вы о Марии Александровне Каллаш? [Следует ее адрес]. Посылаю Вам ее письмо ко мне, из которого Вы увидите, в чем дело, и буду очень рад, очень, если дело выйдет. Это очень талантливый и во многих отношениях очень ценный и интересный человек.

Кого из беллетрист[истов] Вы еще пригласили? Очень было бы хорошо, если бы все видели, что у Вас много хороших писателей! Сургучова пригласили? Он в Париже.

Кто будет критич[еские] заметки давать? Это меня очень беспокоит! Вчера послал Вам «Окаянные дни». На днях вышлю еще фельетона на два.

Эту следующую порцию «Окаянных дней» И. А. послал при следующей записке без даты на телеграфном бланке:

. . . вот Вам моя «контрибуция». Думаю, — это на 2 фельетона? Известите, как вообще будете меня печатать? Раз в неделю? Мало. Хорошо бы эти два подряд — пожалуйста. Сдать ли эти «Окаянные дни» еще? Вообще напишите.

Печатание «Окаянных дней» началось в «Возрождении» с первого же номера, т. е. 3 июня. П. Б. отозвался коротеньким письмом от 30 мая, в котором писал:

Спасибо за письма, за рукопись и за все. С М. А. Каллаш сважусь. Всех стоящих стараюсь завербовать Критич[еский] отдел

меня заботит. Я писал Ю. П. Айхенвальду, но не имею от него ответа. Сургучова позовем . . .

И М. А. Каллаш (под псевдонимом «М. Курдюмов»), и И. С. Сургучев вскоре стали постоянными сотрудниками газеты. Ю. И. Айхенвальд от сотрудничества в «Возрождении» уклонился — вероятно потому, что был уже в то время присяжным литературным критиком берлинской газеты «Руль». Направление «Возрождения» он сочувствовал.

В следующих двух письмах (от 30 мая и 3 июня) Бунин «представляет» за трех потенциальных сотрудников газеты: А. В. Амфитеатрова, А. П. Шполянского (Дон-Аминадо) и И. С. Шмелева. О Шмелеве он в письме от 3 июня писал:

Письмо от Шмелева (все думают, что я беллетристич[еский] редактор). Спрашивает подробностей о «Возрождении» и сколько оно может платить — он в большой нужде.

«Хотел бы иметь что-нибудь верное» — очевидно, фикс -- «мог бы давать хоть 2 раза в месяц по 200-250 строк . . .»

Я был бы очень рад, истинно счастлив, если бы «Возрождение» помогло ему. И кроме того ведь он очень ценный сотрудник.

Шмелев и сам, еще до того (18 мая), написал П. Б. и предложил ему для газеты ряд очерков под названием «Сидя на берегу» и вскоре же начал печататься в «Возрождении»¹⁾. А. В. Амфитеатров тоже написал П. Б. еще до письма Бунина и вскоре стал одним из самых постоянных и плодovitых сотрудников газеты (в хранящемся у меня архиве П. Б. имеется много его писем). Дон-Аминадо сотрудником «Возрождения» не стал, продолжая сотрудничать в «Последних Новостях» П. Н. Милюкова. В «Возрождении» его *pendants* стали менее талантливые Л. Г. Мунштейн (Лоло) и В. В. Клопотовский (Лери).

В письме от 4 июня Бунин, посылая еще «кусочек» «Окаянных дней», спрашивает, сколько раз в неделю и по сколько строк газета будет их печатать, и просит посылаемый кусок «пихнуть . . . сразу, а если нет, то одну половину, скажем, нынче, а другую завтра. А то прерывается впечатление». В том же письме он делает приписку: «Что ж Мережковский? Боится? Хорошо бы все таки посылать ему газету».

30 июня Бунин выражает в письме к П. Б. недоумение по поводу полученной им за фельетоны в июне суммы гонорара, пишет, что писал и в редакцию и в контору, но ответа не получил и «принужден еще раз беспокоить Вас, ибо и не понимаю ничего и очень нуждаюсь». П. Б. ответил на это следующим письмом от 4 июля:

Расчет с Вами произведен и произведен, кажется, правильно. Посылаю Вам о сем письмо издательства, которое прошу мне вернуть.

Пишите и пишите побольше. Это очень важно сейчас для газеты, и я думаю, и материально для Вас существенно.

Из приложенного к этому письму письма конторы «Возрождения» явствует, что за июнь Буниным было написано 1525 строк, но что переведенный ему сверх фикса гонорар покрывал, повидимому, период по 19 июля.

Следующие четыре письма в моем собрании все от И. А. к П. Б.. Привожу выдержки из этих четырех писем:

4-VII-25

Вот Вам еще три фельетона. Не смущайтесь, что опять «Окаянные дни», публике нравится, мне это и говорят и из Парижа пишут, главное же — есть немало ядовитого, далеко не скучного (хотя бы, например, банкет в первом фельетоне).

. . . Дорогой, нам, академикам, надо непременно «реагировать» во французской печати на счет юбилея Академии.

Подумайте, напишите несколько строк. Скоро, вероятно, М. П. Ростовцев придет. *)

5-VII-25

Еще раз спасибо — как раз нынче и деньги и Ваше письмо.

Послал Вам позавчера сразу 3 фельетона. Думаю, что я правильно поступаю, давая «Окаянные дни» — в них и беллетристика и все прочее, нужное, еще очень нужное для времени. Как жаль, что нет в «Возрождении» Айхенвальда! Ради Бога, между нами: невероятно огорчает меня Лоллий Львов! °) Куда ему к черту писать критич[еские] заметки! И еще совсем между нами: какое знаменательное и ужасное явление книга Кесселя и Извольской! *) Ведь

---

*) "Les rois aveugles".

это прямо убивает французов: дочь посла, фрейлина — значит, уже все настоящее. А какая пошлость (и бездарность) колоссальная! Я никак не могу написать. Дайте Калаш написать.

Вверху этого же письма — приписка:

И еще между нами: Мережковские остервели до последнего. Вы их всех чудесно бьете! Бейте крепче!

14 июля Бунин посылает на имя П. Б. телеграмму с жалобой на то, что уже неделю как не получает «Возрождения»; а 18 июля он пишет:

Дорогие Гг. Струве, помогите хоть кто-нибудь: два раза телеграфировал и один раз писал, что не получаю «Возрождения» с 7-го июля, — и до сих пор не получаю!!

Через два дня (20 июля) И. А. посылает еще один фельетон «Окаянных дней» при следующем письме:

Вот Вам еще один фельетон. Не бойтесь — он не велик, он только очень разгонисто переписан. Пожалуйста, всуньте в один №, если можно. В нем не больше, должно быть, 400 строк.

Обнимаю Вас, всем Вашим сердечнейший привет наш.

И приписка:

Очень благодарю за хорошую корректуру. Г. корректору кланяюсь в попки.

В письме от 12 августа П. Б. пишет И. А. — очевидно, в ответ на какую-то не сохранившуюся его просьбу — что газета старается не давать по понедельникам «отборных» фельетонов, «ибо понедельничные №№ заготовляются впрок и, в силу этого, больше других носят характер 'залежей'». В этом же письме он сообщает, что послал И. А. номер издававшейся Г. А. Алексинским газеты «Родная Земля» с полемической статьей самого Алексинского против него, П. Б., — статьей, которую он называет «полемикой глупой и грязной в одно и то же время». Посылку этой газеты П. Б. объясняет так:

Просто Вы должны знать, что печатается в газете, которой

Вы состоите сотрудником. Людям, состоящим на содержании, досадно, что есть люди независимые вообще и, в частности, независимые от какой-либо «организации».

На следующий день (13 августа) П. Б. написал длинное письмо о Шмелеве:

Я просто совершенно ничего не понимаю в неудовольствиях Шмелева.

I. Дарового экземпляра «Возрождения» никто, кроме Вас *), не получает (даже я, по крайней мере, *de facto* — платный подписчик и покупатель в розницу) — этого мой сын не мог не разъяснить племяннице Шмелева.

II. Все вещи Шмелева печатаются, и если он почему-либо неаккуратно получает гонорар, на что он, впрочем, не жалуется, то он должен написать об этом в контору. В конторе же он должен подписаться на газету.

III. Редакция не есть контора и редакция только сдает конторе гонорарный лист каждого №, подписанный мною. Дальнейшее все есть дело конторы, и если я стану в это входить, то я перестану выполнять свои обязанности как редактор и стану рассылным или корреспондентом между конторой и редакцией.

IV. И. С. Шмелев получает один из самых высоких гонораров в «Возрожд[ении]». Его вещи очень быстро печатаются, хотя не принадлежат ни к злободневной, ни к занимательной литературе. Это доказывает, что мы очень дорожим его сотрудничеством.

Что же я еще могу привести в объяснение?!

Выводы:

Шмелеву нужно подписаться в конторе на «Возрождение» или заявить, что он просит считать его подписчиком с такого-то числа, с вычетом из гонорара. На меня как на редактора Шмелев мог бы быть в претензии, если бы я:

- 1) «солил» его статьи, чего нет;
- 2) не доводил аккуратно до сведения конторы о причитающемся ему гонораре. Это делается, наоборот, чрезвычайно аккуратно.

---

*) Об исключении, которое сделано для Вас, я НЕ пишу Шмелеву.

Я об этом пишу Шмелеву, хотя именно это, я думаю, и было объяснено его племяннице моим сыном.

Вам скажу между нами, что я сделал попытку устроить Шмелеву финс, но издатель на это не пошел.

Возможно, что это письмо о Шмелеве было ответом на то, что И. А. писал в письме, на котором нет даты:

Между нами: очень огорчается Шмелев; насколько я понимаю, ему хотелось бы получать не построчно, а чохом — франков 100-150 за очерк. Это, думаю, очень окрылило бы. А ведь разница грошовая.

На письма П. Б. от 12 и 13 августа И. А. ответил обстоятельно в письме от 15 августа:

Получил Ваше письмо на счет Шмелева. Еще раз простите, что беспокоил Вас этим делом. Ведь как же мне было не написать, раз человек пишет мне уже **третий** раз строк **по сту**, да каких! — истинно полных лютой обиды и страдания? (Ведь Вы знаете, какой он!) А потом: 1) я писал ведь ради пользы «Возрождения» и 2) совсем не знал того, что узнал сейчас от Вас. Ах, богатые люди, богатые люди! Ах, русские люди, русские люди! Что только они делают! Нет, уж куда ж нам тягаться с евреями! Евреи все знают и все понимают. Вот, например, хоть с этим получением газет: Милюков десять раз звал меня в «Последи[ие] Нов[ости]» и я всякий раз твердо отказывал — и все таки уже шестой год (дай Бог не сглазить) получаю газету бесплатно. Так же получаю и «Дни», и «Звено», и «Руль», и «За Свободу». Получает и Шмелев. Да и как-же может быть иначе? А уж про газету, в которой пишешь или хотя бы в которую дал свое имя, и говорить нечего! И я скорее представляю себе, что луна упала с неба, чем то, что писатель подпишется на газету, в которой он сотрудничает! А сотрудничать и не видеть газеты, в которой сотрудничаешь, — это верх невозможности.

Да, очень горько, очень горько. Это имело-бы огромное значение, если бы чуть не все писатели были в «Возрождении». Если бы хоть раз в месяц появлялись они в нем. Неважно даже то, что именно давали-бы они — важны **имена**.

Какую гнусность написала опять Гиппиус про «Возрождение»! А ведь если-бы Вы знали, что говорили Мережковские про Милюкова

год, полтора тому назад! «Большевик, хуже большевика!» — и т. д. И как было бы хорошо, если бы «Возрождение» не трактовало Гиппиус в серьез!

С [. . .] Алексинским не знаю, что и делать. Пришел зимой и вытянул имя! А как теперь взять его обратно? Если бы Вы знали, как я не люблю скандалов! Нынче напишу ему просто покорнейшую просьбу, что бы он мое имя зачеркнул. Боюсь, однако, что он этого не сделает.

[. . .]

P.S. Еще про писателей. Я был у Зайцева — он тоже прямо поражен, что не получает газеты, в которой его имя. Тэффи — тоже. И как это Гукасов не знает самых основных правок литературной среды?

19 августа И. А. пишет П. Б.:

Шлю Вам три вещички. Хотелось бы, чтобы «Окаянные дни» прошли в августе, а прочее — в сентябре *). Если можно, пожалуйста сделайте именно так. А за всем тем — воля Ваша.

На это П. Б. отвечал 21 августа:

Спасибо за присылку рукописей. «Окаянные дни» пойдут в августе, а «Обуза» и «Сион» в сентябре. У меня к Вам просьба. Напишите статью о И. И. Левитане по случаю 25-летия его смерти. Он этого заслуживает, и Вы можете это сделать.

Посылаю Вам, для Вашей собственной информации, копию письма, которое я недавно получил. Автор письма предлагает мне «расследование», но для меня расследование совершенно ненужно — мои глаза видят и мой нюх обоняет это ¹¹).

2-го сентября И. А. пишет П. Б.:

Вот Вам еще фельетон. Если можно, пустите его поскорее. Мне кажется, — простите за нескромность, — он интересен.

Вероятно речь шла еще об одном фельетоне «Окаянных дней», о которых И. А. писал и в следующем письме:

---

*) в самом начале

10-IX-25

Вот Вам наконец и последний пук «Окаянных дней». Следующий фельетон будет об А. К. Толстом (пятидесятилетие его смерти).

Надеюсь, что Вы уже вернулись и в добром здравьи, вопреки сведению «Посл[едних] Нов[остей]».

В сохранившемся редакционном архиве «Возрождения» есть письмо И. А. Бунина от 14 сентября 1925 г., адресованное К. И. Зайцеву, в котором он пишет о том же «последнем» фельетоне «Окаянных дней»:

Дорогой Собрат,

простите, не знаю Вашего отчества, —

Благодарю Вас за письмо. Я послал, на rue de la Convention, на имя П. Б., еще один — последний — фельетон «Окаянных дней». Будьте добры пустить его в субботу 19-го Сент[ября]. А ту вещь, что называется «Плач о Сионе», напечатайте уж в субботу 26-го.

Пятидесятилетие смерти гр. А. К. Толстого — 28 Сентября старого стиля, т. е. 11-го Октября нового. Думаю, что именно 11-го Окт[ября] и нужно будет поместить мою статью о нем. Не правда ли?

В письме из Праги от 19 сентября 1925 г. П. Б. писал И. А.:

Пересылаю Вам письмо Н. А. Цурикова, к[ото]рому Ваша открытка мне о нем доставила большую радость¹²).

Б. Зайцев благополучно оказался в «Днях». Что тут оказалось решающим: гонорар или убеждения? [. . .]

13 октября Бунин пишет П. Б., что на посланном им расказе "Notre Dame de la Garde" он просит надписать сбоку над заглавием его посвящение: «Ив. С. Шмелеву».

А 15 октября П. Б., вернувшись в Париж, пишет:

Хорошо было бы, если Вы немножко отечески проучили бы Марину Цветаеву за ее статью против Цурикова, напечатанную в «Днях» и Вам посылаемую.

Ваш фельетон "Notre Dame de la Garde" идет в субботу, день вообще «резервированный» для Вас.

В постскриптуме П. Б. прибавляет, что фельетон И. А. об Алексее Толстом имеет большой успех.

На просьбу насчет Цветаевой Бунин ответил открыткой от 18 октября:

Пожалуйста, простите — подумал крепко и вижу, что про Цветаеву [. . .] написать не могу. Простите и за следующую субботу — ничего не могу прислать, разве что (и то **может** быть) пришлю стихи. Оч[ень] рад, что о Толстом правится. Правится и тут, на Юге. И все бранят меня, что я бросил печатать «Окалянные дни».

Целую Вас всех.

Возможно, что именно после этого Бунин решил пополнить свои ючерки, хотя раньше и писал, что посылает «последний пук»¹³). В письме без даты он писал:

Вот два последних фельетона «Окалянных дней». Все разбачиво, но грязно — испортилась машинка, а кроме того мы с Верой с ног сбились, ища здесь квартиру, — хотели побыть на юге еще хоть с месяц, ибо я за последнее время совсем расклеился. Ничего не нашли, все мало мальски пристойное не по деньгам. А в Париже у нас тоже нет помещения, — просто хоть плачь! Почти все шансы за то, что в конце этой недели все таки выедем в Париж. Однако адрес остается пока прежний: **Villa Belvédère, Grasse, (A.M.)**.

Напишите мне, когда будете, — т. е. по какому стилю, — выпускать рождественский номер, — нужно приготовить для него что-нибудь.

В открытках без даты, с почтовыми штемпелями от ноября 1925 года, Бунин сообщает, что какой-то господин из Америки прислал ему жалобу на то, что редакция «Возрождения» не отвечает ему о судьбе его рукописи «На службе у капитала», а также дважды запрашивает о судьбе рукописи В. П. Семенова-Тянь-Шаньского. В ответ на это П. Б. пишет 7 декабря, что рукопись он получил и постарается ее использовать, и затем добавляет: «Рождеству у нас в газете будет **православное** (т. е. по старому стилю). Непременно давайте нам беллетристику, и почаще».

Через несколько дней (10 декабря) П. Б. пишет Бунину длинное письмо:

Издатель «Возрождения» запросил меня, возьмете ли Вы на себя редактирование беллетристических сборников в размере 20 листов, из лучших беллетристических произведений, с оплатой за редакторские труды, которые сведутся почти исключительно к кличу и прочтению произведений, в размере 500 frs. в месяц.

Если Вам это улыбается, напишите самому Абраму Осиповичу Гукасову по адресу: 2, rue de Sèze.

Засим у издателя есть проект, к[ото]рый он ставит во вторую очередь: сатирического журнала. Я считаю (это мое мнение!), что это предприятие может быть оздоровительно в высшем духовном и политическом смысле, если редактором его будете Вы и только Вы. У А. О. Гукасова сомнения в возможности периодического «острословия» надлежащего качества и в нужном, при периодичности, количестве. Об этом втором проекте напишите свои соображения сначала мне, ибо у издателя проект, повидимому, не вызрел. Я же считаю, что только Ваша редакция удержит дело это в надлежащих рамках на достойной высоте, направив острие его против «врага рода человеческого».

Мне напишите по получении этого письма в Прагу: Бубенеч, ч. 505. Рукописи же пока направляйте К. И. Зайцеву по адресу редакции . . .

Потому ли, что ответ Бунина на это интересное письмо был направлен в Прагу, или по какой-нибудь другой причине, но ответ этот в архиве П. Б. за этот период не сохранился. Гукасовский проект сатирического журнала не осуществился. Что касается издательского проекта, то «Возрождение» вскоре начало — совершенно независимо от газеты — довольно широкую книгоиздательскую деятельность, выпуская и беллетристические и мемуарные произведения. Кажется, к «редактированию» этих изданий Бунин не имел отношения, но в числе изданных «Возрождением» книг были и его произведения.

К концу октября (судя по упоминанию о напечатании расказа "Notre Dame de la Garde") относится и следующее письмо без даты:

Читали-ли Вы эту высокомерную ахиною под названием «Способным к рассуждению» — статью Гишпиус в «Последн[их] Нов[остях]»? Отделайте ее получше — главное, за непозволительный, идиотски-надменный и наставительный тон. Ведь это можно сделать и с опозданием.

Очень благодарю, что напечатали "Notre Dame de la Garde" новым шрифтом. А то прежний читать было невозможно.

Очень хороша была статья Амфитеатрова на счет амнистии, Осоргина («Листки»). Только разрешите, дорогой, словечко: за что-же Вы Амфитеатрова так обижаете, — гоните на третью полосу? Обидно и самому старику, и нам, читателям.

Всем Вам поклон!

В открытке без даты но с почтовым штемпелем «15-XII-25» И. А. почему-то просит П. Б. подождать печатать рецензии о двух только что вышедших книгах: «Чортовом мосте» М. Алданова и «Записках прапорщика» Ф. Степуна. О «Чортовом мосте» появилась в «Возрождении» рецензия В. А. Амфитеатрова-Кадашева.

К 1925 году относятся, вероятно, и две открытки, на которых нет даты, а штемпель неразборчив, и одно письмо без даты. В одной из открыток И. А. просит П. Б. («очень прошу», причем слово «очень» подчеркнуто даже дважды) «принять и выслушать молодого писателя (белого офицера, в тяжелой нужде) Николая Яковлевича Федорова», прибавляя: «он, думаю, очень пойдет Вам». Н. Я. Федоров стал довольно близким сотрудником «Возрождения», печатая в нем и рассказы, и очерки, и хроникерские заметки под псевдонимами «Н. Рошин» и «Р. Днепров». Одно время он жил у Бунина на вилле «Бельведер» в Грассе. После Второй мировой войны он был выслан из Франции, вернулся в СССР и стал сотрудничать в советских газетах и в «Вестнике Московской Патриархии». Выяснилось, что за несколько лет до войны он стал советским агентом. В другой открытке И. А. рекомендует П. Б. писателя В. Корчемного: «Помогите, если можно, напечатайте». Корчемный тоже стал сотрудником «Возрождения», и позднее одна его книга была выпущена издательством Гукасова. В письме без даты Бунин пишет, что Е. М. Лопатина, сестра известного филосо-

фа, пишушая под псевдонимом «К. Ельцова» и сотрудничавшая в «Русской Мысли», шлет ему свое произведение. Бунин прибавляет:

Будьте добры, обратите внимание. Она и бедна очень и в произведении этом оч[ень] много истинно прекрасного, золота настоящей русской литературы.

В том же письме уже цитировавшиеся фразы о Шмелеве (см. выше, стр. 36).

От 1926 года сохранилось почему-то очень мало писем. Может быть, других и не было. Со стороны П. Б. имеется только одно коротенькое письмецо от 11 января, обращенное к обоим Буниным и содержащее новогодние поздравления и приветы:

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю всего самого лучшего[го]. Ваше милое письмо пересылаю Нине Александровне.

Обнимаю Ив. Алекс. и целую ручки Вере Николаевне. Аля присоединяется ¹⁴).

От Бунина имеется четыре письма. Из них три не датированы. Самым ранним, вероятно, является письмо без даты по поводу выхода книги Бунина «Митина любовь» — книга эта вышла в начале года, и в «Возрождении» от 25 февраля появился о ней отзыв Н. К. Кульмана. Бунин писал П. Б.:

Дней через десять выходит в Париже моя новая книга под общим заглавием «Митина любовь». Я беден, нужно, чтобы книга шла, а значит — нужна реклама.

В качестве таковой не перепечатаете ли то, что уже было однажды (года 2 тому назад) напечатано в «Днях» в Берлине, — по случаю смерти Ренэ Гиля? Вот, мол, как интересовался он русской культурой и как интересно умел высказываться . . .

Если не напечатаете, пожалуйста эту вырезку верните мне.

P.S. Заметили ли Вы, что я подражаю Вам в почерке?

В почерке этого письма действительно есть некоторое сходство с почерком П. Б.

Без даты же, но может быть приурочено к апрелю, следующее письмо, написанное из больницы в Вильжюиф под Па-

рижем, где Бунин выздоравливал после операции, и обращенное одновременно к П. Б. и к К. И. Зайцеву:

Посылаю для пасхального № вариант одного моего рассказа (опубликованного под другим заглавием в 1913 году). Для Пасхи лучше и не придумать: тут и Пасха и весна и Христос и Русь светлая, прекрасная. Много хохлацких слов, но это ничего: среди наших читателей (не бар), небось, три четверти с юга.

Необходима строжайшая корректура. Если меня выпустят из больницы в четверг и если будут силы, буду сам читать **вторую** корректуру. Если нет, мне окажет, надеюсь, услугу Н. К. Кульман ¹⁶⁾.

Речь шла о рассказе «Лирник Родион». Он был напечатан в пасхальном номере «Возрождения» от 2 мая. Первоначально рассказ этот назывался «Псалма» и появился в апреле 1913 г. в газете «Русское Слово», а потом в сборнике «Иоанн Рыдалец» (1913). Рассказ был написан, когда Бунин жил на Капри.

Третье письмо, датированное 31-V-1926», написано как поздравление к первой годовщине «Возрождения»:

Дорогой Друг,

Поздравляю Вас от всей души, да благословит Бог наш общий праздник, первую годовщину «Возрождения», и да даст Он Вам сил и бодрости для дальнейшей работы. Самый сердечный привет Вам, дорогому Кириллу Иосифовичу и всей редакции.

Письмо это, без имени К. И. Зайцева, было напечатано в газете.

В письме от 20 сентября 1926 г., обращенном к П. Б. и к К. И. Зайцеву, И. А. просит о поэте Ю. С. Левицком (печатался под двойной фамилией Рогаля-Левицкий; напечатал несколько стихотворений в «Возрождении»; после Второй мировой войны С. П. Мельгунов напечатал в журнале «Возрождение» довольно странную статью его о русской зарубежной поэзии):

Тот милый и несчастный поэт, о котором я когда-то писал Вам и стихи которого «Возрожд[ение]» увы не печатает! — а именно Юрий Сергеевич Левицкий, большой чахоткой и живущий в Швейцарии, пишет мне, что доктора посылают его на юг Франции. Он пишет: «Мне надо быть на Ривьере не позднее октября. Но чтобы попасть туда, нужна виза, а для визы нужно указать "but de voyage" — и просит меня вызвать его к себе — в Ниццу или в Грасе. Но что ж я? Сделайте милость, вызовите его **Вы** — как сотрудника

«Возрождения», для литературных дел. Вы, дорогой Кирилл Позифович, кажется, хотите ехать отдыхать. Уверен, что Вы остановитесь на самой мудрой мысли — поехать сюда, на юг, — чему мы будем страшно рады, — вот и напишите на бланке «Возрождения» по-французски, что Вы зовете Левицкого для литератур[ных] дел . . .

В этом же письме Бунин просил вычеркнуть слова «от преждевременности родов» в его «Маленьком романе» (этот рассказ появился в номере «Возрождения» от 23 сентября).

Почему-то совсем не сохранилось писем, ни П. Б., ни И. А., за первые семь месяцев 1927 года. Эти месяцы были периодом кризиса в жизни созданной П. Б. газеты. Здесь не место входить в подробности этой истории — она в свое время была достаточно детально рассказана в печати. Начавшийся еще в ноябре 1926 года кризис закончился вытеснением П. Б., увольнением его Гукасовым с поста редактора и назначением на его место Ю. Ф. Семенова, давнего знакомого П. Б., им приглашенного в газету и постепенно — по наущению Гукасова, как говорил сам П. Б. — вытеснившего его с редакторского поста. В знак солидарности с П. Б. из газеты ушли все ближайшие редакционные работники (за исключением секретаря редакции, А. А. Бормана) и многие видные сотрудники. Первое сохранившееся письмо П. Б. к И. А. Бунину за 1927 год написано в разгар конфликта внутри редакции и почти накануне развязки. Оно датировано 15 августа и написано, в отличие от других писем, на машинке:

До Вас дошли сведения, конечно, о продолжающемся или, вернее, обострившемся конфликте в «Возрождении». Поведение Ю. Ф. Семенова было таково, что я должен поставить о нем вопрос в упор. Препровождаю Вам, как одному из ближайших сотрудников, приглашенному мною при самом основании газеты, ту записку, которую я составил о поведении Ю. Ф. Семенова.

Сейчас некоторые друзья «Возрождения» делают попытку создать компромисс. Я, как и прежде, иду этому навстречу, но, конечно, никакой компромисс невозможен для меня, если в газете останется Ю. Ф. Семенов. Я очень хорошо понимаю, что он является фигурой совершенно не самостоятельной, но нельзя быть ре-

дактором, задача которого являться проволочным заграждением против главного редактора.

Я совсем не уверен, что компромисс, для меня приемлемый и достойный, осуществится. Если он не осуществится, я в той или иной форме покину «Возрождение» и предам гласности обстоятельства моего вытеснения из газеты, которую я создал.

Через неделю, 22 августа, когда увольнение П. Б. стало совершившимся фактом, он писал И. А.:

Не знаю, читаете ли Вы все газеты, но считаю нужным уведомить Вас, что не я сам ушел из «Возр[ождения]», а меня попросили уволить и устранить. Это мое разъяснение я должен был, после отказа «Воз[рождения]» напечатать, огласить в других газетах, «Последн[их] Новостях», «Руле» и т. д. Семенов, конечно, все время был жалкое орудие в руках Гукасова, и все, что было произведено против меня, было сделано последним и по его наущению. Тем не менее я считал бы большим достижением общественным, если бы общественное мнение и после моего ухода заставило Семенова уйти, кто бы ни стал на его место из оставшихся сотрудников (и даже если бы редактором открыто стал сам Гукасов).

Кланяюсь Вере Ник. и обнимаю Вас.

Если бы в полярбе писатели сплоченно противопоставились Гукасову, кризис был бы, может быть, избегнут и «Возр[ождение]» было бы освобождено от произвола и мерзостей.

Я открываю еженедельную газету «Россия» и приглашаю Вас поскорее прислать для нее что-нибудь, **хоть самое маленькое.**

За день до этого (21 августа) Бунин узнал о том, что произошло в «Возрождении», и написал П. Б. следующее коротенькое письмо:

Только нынче узнал о том, что произошло в «Возрождении». Прилагаю копию заявления, которое я посылаю в «Возрождение» и в «Последние Новости».

Обнимаю Вас и благодарю за ту честь и радость, которые я имел в сотрудничестве с Вами.

P.S. Будьте добры передать мой самый сердечный привет Кириллу Носифовичу Зайцеву.

К письму была приложена копия следующего «Письма в редакцию» за собственноручной подписью И. А. Бунина:

Позвольте заявить, что, в виду выхода из «Возрождения»
П. Б. Струве, я свою работу в «Возрождении» тоже оставляю.

Ив. Бунин

На письмо Бунина П. Б. ответил следующим письмом, против обыкновения не носящим даты (вверху письма карандашом помета, как будто рукой В. Н. Буниной: «август 1927 г.»):

«С прямым талантом лезть и пизосль несовместна»
Откуда?

Дорогой Иван Алексеевич!

Благодарю Вас за Ваше милое и хорошее письмо, к[ото]рое меня очень обрадовало и утешило. Ваше решение о прекращении сотрудничества в «Возр[ождении]», конечно, не могло Вам легко даваться и тем более оно многозначительно. Мне, так как я не ушел, тяжело и прямо мучительно давались уступки: даже писателю в За-рубежье, даже ради дела, нелегко сносить издевки, оскорбления и унижения.

Обнимаю Вас и целую руки Вере Ник.

Выход И. А. Бунина из «Возрождения» нашел себе отражение в дневнике Г. Н. Кузнецовой, которая жила у Буниных в Грассе, в двух записях. Под 24 августа 1927 г. Г. Н. записала: «И. А. тоже не работает. Впрочем, его волнует история с 'Возрождением', откуда он ушел из-за вынужденного ухода П. Струве. В доме по этому случаю бесконечные дебаты». Смысл последней фразы несколько приоткрывается в следующей записи, датированной 29 августа. Тут мы читаем: «Вчера после прихода почтальона меня позвали в кабинет, и там я застала горячие обсуждения только что полученного от Шмелева из редакции 'Возрождения' письма. Шмелев пишет, что не уходит из газеты, национальный облик которой необходимо сохранить. Это превышес, как он пишет, личных счетов. В. Н., которая особенно горячо настаивала на уходе И. А., очень возмущалась этим письмом, находя его лицемерным, горячась, бранила Шмелева. Ей очень поддакивал Роштин». (См. Галина

Кузнецова. Грасский дневник. Вашингтон, 1967, стр. 28-29).

И. А. Бунин, уйдя из «Возрождения», стал сотрудничать в «Последних Новостях» П. Н. Милюкова. Бранивший Шмелева Рошин остался в «Возрождении» и скоро стал советским агентом, что выяснилось лишь позже. После войны он был выслан из Франции, уехал в СССР и стал советским журналистом. И. С. Шмелев продолжал сотрудничать в «Возрождении», но сотрудничал и в газетах П. Б. Струве — «Россия» и «Россия и Славянство». Перед Г. Н. Кузнецовой вопрос об уходе не вставал: она и до того печаталась в «Последних Новостях».

30 августа П. Б. пишет И. А.:

Пришлите что-нибудь поскорее для «России» — беллетристику или не беллетристику, строчек на 200. «Россия» заплатит Вам по 1 фр. за строку.

То, что было проделано со мной и над «Возрождением» неграждает, со стороны Лукасова, бессмысленностью. Получаю разные отклики.

Привет наш Вере Ник. и Вам.

В открытке, штемпель которой не вполне разборчив, но как будто 2 сентября 1927, И. А. писал:

... простите, что ничего не могу сейчас послать Вам для «России» — Ваша просьба застаёт меня врасплох. Прикажете посылать мне газету, постараюсь быть Вам полезным хоть чем-нибудь.

13-го сентября новая открытка от Бунина: просит «тысячу раз» простить его, ему «очень нездоровилось», и прибавляет: «Помню Вас крепко и скоро пришлю что-нибудь». Вероятно, к тому же приблизительно времени относится следующее письмо без даты:

Не рубите повинную голову — то оч[ень] нездоровилось, то вот сижу, не разгибаясь, за беллетристикой — взял аванс в «Совр[еменных] Записках» (делишки у нас теперь весьма не важны) и надо его отработать. Шлю пока стишки — чем богат, тем рад.

Всех Вас весьма целуем.

Сотрудничество Бунина в «России» и в сменившей ее позже еженедельной же газете «Россия и Славянство» носило довольно ограниченный характер. Чтобы зарабатывать себе на

жизнь, он должен был переключаться в «Последние Новости» П. Н. Милюкова, куда его давно сманивали, но все же время от времени он посылал что мог в газету П. Б. В частности, там был напечатан один из первых, если не первый, отрывков из его нового романа «Жизнь Арсеньева».

26-го октября 1927 г. П. Б. послал И. А. следующее письмо:

Очень прошу Вас для номера «России», посвященного проклятому десятилетию, написать что-нибудь либо «лирически-патетическое» либо «крепкое словцо» и притом прислать **возможно скорее**. Это очень важно — этот номер будет очень читаться.

Жду срочного присыла статьи или стихотворения.

Целую руку В. Н. и обнимаю Вас.

На это письмо Бунин ответил в годовщину русской конституции (как будто неслучайно его письмо датировано и по старому и по новому стилю, чего он обычно не делал: 17/30 октября 1927 г., а после даты поставлено: Приморские Альпы) следующим письмом:

Я слишком поздно получил Ваше письмо, Вашу просьбу отозваться на «проклятое», по Вашему выражению, десятилетие, которое будет на днях «праздновать» Россия. Кроме того, что я могу сказать? Все слова давно сказаны и мое отношение не только к большевикам, но и ко всей «великой и бескровной» хорошо известно. Я лишь могу еще раз всеми силами души присоединиться к великому хору проклятий этому десятилетию, ибо все таки найдутся, слава Богу, миллионы не только русских, но и вообще человеческих душ, которые паки и паки проклянут этот юбилейный день, да, может быть, и день собственного своего рождения в том мире, где оказалось возможно такое десятилетие, подлее и преступнее которого не было еще в нем с самого его сотворения.

Да помянет Господь всех убиенных в эти годы, да благословит Он всех погибших и боровшихся за Россию и за подобие Божие, данное человеку: не будь их, усумнилась бы душа в этом подобии и со стыдом отреклась бы от принадлежности к России.

Обнимаю Вас с сугубой сердечностью, дорогой Друг и соратник!

В левом верхнем углу письма Бунин надписал: «Если угод-

но и если еще не поздно — и для печати». Письмо было напечатано в «юбилейном» номере «России» (5 ноября 1927) под заголовком «Проклятое десятилетие. Письмо Ив. А. Бунина».

В начале декабря (даты на письме нет) И. А. писал П. Б.:

... итак «Возрождение» совершенно сменило вехи? Особенно поразило меня вот это место (то, что шлю Вам!).

Вот так история! А название газеты все то же. Форменный сб-ман публики.

К письму И. А. была приложена вырезка — часть статьи З. Н. Гиппиус из «Возрождения» от 4 декабря 1927. Следующие две фразы в вырезке были подчеркнуты: «... и мне не только не по пути с теми, кто эту революцию (февральскую) отрицает или проклинает» и «святая (да, **святая**) белая борьба успеха иметь не могла, и не будет иметь, если возродится в прежней форме и с прежним содержанием». К подчеркнутому Гиппиус слову «святая» Бунин сделал примечание: «— Лукаво!», а ко всей фразе: «— Ловко и **нарочно безграмотно!** ('не могла и не будет иметь, если ...')».

На это письмо П. Б. отвечал 10 декабря:

«Возрождение», конечно, превратилось в торговое заведение, т. е. в «парламент мнений», сиречь «свободную трибуну». Это даже не «смена вех», а нечто худшее.

Сейчас конфуз и скандал завершился вступлением «за фикс» в газету, а заодно и в РЦО Ник[олая] Ник[олаевича] Львова, к[ото]рый тем самым потубил себя. Обо всем этом очень грустно писать.

Тем не менее я не устаю бороться и отстаивать свою независимость, как политического деятеля и писателя. Устою ли, выдержу ли, или изнемогу, — не знаю.

Если можете, примите к русскому рождественскому номеру «России», к[ото]рый выйдет уже в 1928 году, что-нибудь хорошее, не позже, чем через две недели от сего числа, т. е. числу к 25-27 Дек[абря] н. с. ...

С письмом П. Б., очевидно, разминулось письмо И. А. к П. Б. от 10-го же декабря, в котором он писал:

Чем богат, тем и рад. Вот Вам несколько страничек для 25 Дек[абря] нов[ого] стиля. Дал бы больше, но погибаю от бедности и посему экономлю. Да и Вам легче. По бедности же остаемся здесь до 1 февр[аля], — благо Фондаминский уезжает в Египет до февраля¹⁷).

Всех Вас очень целую

и открытка к Н. А. Струве с почтовым штемпелем «12-12-27» — такого содержания:

Дорогая, милая Нина Александровна, чрезвычайно прошу Вас не беспокоиться, просто забыть, что «Россия» мне что-то должна. Я об одном сокрушаюсь, что не могу писать в каждом ее номере совершенно бесплатно. Львов (Н. Н.) и меня глубоко поразили и огорчили. Целую Вас всех от всей души.

На письмо П. Б. от 10 декабря И. А. отвечал открыткой (почтовый штемпель: 14 декабря), в которой писал, что непременно постарается исполнить просьбу насчет рождественского номера. А 27 декабря, с некоторым запозданием против срока, указанного П. Б., писал:

Посылаю Вам стихотворение для русского рождественского номера. Больше ничего нет сейчас — что было (из «Жизни Арсеньева») принужден был дать в «Дни» и в «Посл[едние] Нов[ости]» — мы это время переживали крайнюю нужду.

Дальше И. А. опять просил не беспокоиться относительно гонорара за уже напечатанное («успеете отдать, когда газета побогатеет») и повторял, что юни остаются до февраля в Грассе.

Вероятно, к концу 1927 или началу 1928 года относятся два письма И. А. без дат, касающиеся дневника А. Вырубовой, который стала печатать газета «Дни». В первом письме Бунин писал:

«Дни» объявляют, что будут **полностью** печатать «Дневник» Вырубовой, отрывки из которого они уже печатали.

Что это за «Дневник»? Судя по отрывкам, это самая грубая, самая лубочная подделка. Если это так, поднимите скандал. С величайшим удовольствием прочел Ваш прекрасный ответ Львову.

Во втором письме И. А. писал:

Дневник Вырубовой нельзя было печатать ни при каких обстоятельствах. Вообще печатание таких вещей — показатель такого ужасающего морального падения, которому имени нет. Нападают разбойники и архи-мерзавцы на человека, отнимают у него самое интимное — и публикуют это интимное, — непременно при этом «обработав» с самой подлейшей бессовестностью, — а мы продолжаем их дело ! ! .

«Возрождению» возражать, по моему, не надо. Слишком уж глупо оно брякнуло!

Отклика П. Б. на эти письма среди его писем к Бунину не оказалось.

К концу 1927 года может относиться и следующее недатированное письмо:

Будьте добры передать Нине Александровне прилагаемую записочку и послать письмо Вилимовичу ¹⁸⁾, приписав на конверте страну, где находятся эти Любляны. Я не знаю.

Кроме того прочтите пожалуйста это мое письмо к нему: я думаю, я прав.

Фраза, начинающаяся со слов «приписав», подчеркнута П. Б. карандашом — очевидно, его удивило, что Бунин не знает — или делает вид, что не знает — где находится Любляна. Возможно, что это письмо относится и к более раннему времени.

* * *

3. 1928 год

Следующее письмо П. Б., помеченное «25. 1. 928. Татьяна День!», касается занимавшего в это время П. Б. проекта создания издательского общества. Из этого проекта ничего не вышло, но в бумагах П. Б. сохранился разработанный им план (позднее, уже в Белграде, в гораздо более скромных размерах, П. Б. при содействии некоторых своих друзей осуществил некоторые намеченные им издания). Вот что писал П. Б. Бунину:

Н. К. Кульман должен был написать Вам о проекте издательского общества. Мы много с ним говорили об этом и отчасти плодом этих бесед явилась прилагаемая записка, в которой Ваше имя упомянуто в предположении Вашего согласия, в котором мы, т. е. Н. К. и я, не сомневаемся.

Если Вы пришлете русский оригинал Вашего письма к Роллану, я его тотчас напечатаю. Самый же факт был уже оглашен в печати и его неудобно преподносить после этого без повода. Напечатание же оригинала письма будет поводом ¹⁹).

Вероятно, ответом на это письмо было следующее письмо И. А. Бунина, на котором нет даты:

Может быть, используете это?

Во всяком случае, будьте добры возвратить мне этот клочек или сохранить его до моего приезда у себя.

Не могу послать Вам теперь моего письма к Роллану на русском языке — у меня его нет. Да и нужно ли печатать на русском языке? Можно и по французски.

После этого в уцелевшей переписке довольно большой пробел. К осени 1928 года П. Б. переселился в Белград. Основанную им газету «Россия» заменила еженедельная же газета «Россия и Славянство», получавшая поддержку от правительства Чехословакии. П. Б. не был ее редактором, она редактировалась коллегией, состоявшей из его ближайших сотрудников и личных друзей, вместе с ним покинувших «Возрождение», но он принимал в ней самое близкое участие, и самое ее существование определялось его близостью к ней. От 1928 года сохранились три письма П. Б. Все эти три письма касаются еще одного неосуществившегося проекта, к которому был причастен П. Б.: создания в Белграде нового русского журнала. Относящиеся к тому же периоду письма И. А. к П. Б. не сохранились: они, очевидно, погибли вместе с белградским архивом П. Б. Приводим основное содержание трех писем П. Б. от сентября и октября 1928 г.:

27. IX. 1928

Нина Александровна передала мне Вашу открытку. Я и без того собирался Вам писать. Но со мной приключилась беда — я

сделался «скорбещ» нутром или брюхом. Пришлось лечь в больницу, откуда я и пишу Вам. У меня колит — без повышения т°.

В связи с общим вопросом о журнале я хотел бы выяснить следующие вопросы:

1) Какие вещи могли бы Вы дать журналу к 15. XI или 1. XII, т. е. для первой книжки, которая должна выйти в конце декабря или в начале января? Можно ли рассчитывать на продолжающуюся большую вещь уже для первого номера? Можно ли как-нибудь особо обозначить Ваше ближайшее участие в журнале? 2) Кого из литераторов, т. е. беллетристов и небеллетристов, Вы могли бы сами «мобилизовать» и на кого Вы бы считали нужным мне особо указать? 3) Есть ли у Вас какие-нибудь общие соображения и общие пожелания относительно журнала? 4) Какие у Вас для себя пожелания относительно гонорара и форм и способов его выплаты?

Так как я заболел, то ни в какой мере не прикоснулся к Съезду писателей и журналистов. Никого, кроме своих друзей, на него приехавших, не видел, ибо вижу только тех, кто заходит ко мне в лечебницу. С Беличем беседовал два раза . . .

Из содержания этого письма следует заключить: 1) что П. Б. должен был быть редактором нового журнала, и 2) что либо было более раннее письмо П. Б. о журнале, почему-то не сохранившееся у Бунина, либо Бунин знал о журнале из другого источника и в своей упоминаемой П. Б. открытке запрашивал его о нем. Александр Белич (1876-1960) — известный сербский лингвист, позднее президент Сербской Академии Наук, в те годы имевший ближайшее отношение к помощи, которое правительство Югославии оказывало русским писателям и ученым. Как раз в это время в Белграде состоялся первый (и единственный) съезд русских писателей и журналистов за рубежом, о котором упоминает П. Б. Бунин на него не ездил.

В письме от 8 октября, в котором П. Б. сообщал И. А. свой новый адрес в Белграде, он писал:

Журнал еще не начался, но уже начались интриги, и они, весьма вероятно, заставят меня отказаться от этого дела. Кстати журнал не имеет в смысле ведения и проч. никакого отношения к книгоиздательству и по делу книгоиздательства я Вам советую обра-

титься прямо к А. И. Беличу (Франконанова 28-а, Белград).

О возможности получить Ваш «изборник» стихов, вещи М. А. Ландау и В. Ф. Ходасевича для книгоиздательства пишу А. И. Беличу.

Вот и все. Благодарю за советы, которые, к сожалению, обратиться в дело не могу, ибо дело стало предметом интриг.

Письмо Бунина, в котором он давал П. Б. свои «советы» по поводу журнала, до нас, как уже сказано, не дошло. В том же письме Бунин, очевидно, писал о том, что у него есть сборник стихов для печати, и о произведениях, имеющих у М. А. Ландау (Алданова) и у В. Ф. Ходасевича. Книгоиздательство, о котором идет здесь речь, возникло в связи с состоявшимся в Белграде съездом писателей и журналистов. В серии, озаглавленной «Русская Библиотека», оно выпустило в последние годы ряд произведений Бунина, Куприна, Шмелева, Мережковского, Ремизова, Б. К. Зайцева, Алданова и др. Но сборник стихов Бунина вышел в 1929 году в издательстве «Современных Записок» в Париже.

Следующее письмо П. Б., все на ту же тему, от 16 октября 1928 г.:

... Я ничего определенного не могу Вам написать. Верно только одно: то, что у Вас в Grasse и 16. IX в Белграде считалось решенным, оказалось теперь проблематичным. Я же нигуда и никому не желаю навязываться. Вот и все. Очень жаль, если дело важное и живое не выйдет; очень жаль, что люди не умеют рассуждать по существу и создают себе поэтому фальшивые ценности и разных идольчиков.

Я начал писать на Вашей открытке, но вижу, что она может быть не принята на почте, и потому влагаю ее в конверт. Относительно Ваших стихов, книг Алданова и Ходасевича секретарь Белича написал мне, что «в принципе» издание их решено. Что это значит, я не разумею.

Подоплека всего дела с намечавшимся журналом мне неизвестна. Можно предположить, однако, что за упоминаемыми П. Б. «интригами» крылись политические причины: для очень

многих русских в Югославии — и среди них были и влиятельные в сербских кругах лица — фигура П. Б., бывшего марксиста, «либерала» и т. д., была неприемлема.

* * *

4. 1937 - 1941 гг.

Вслед за приведенными выше письмами — еще более длинный пробел, и притом двухсторонний, т. е. почему-то не сохранились не только письма Бунина к П. Б. за период между 1928 и 1937 гг., но и письма П. Б. за тот же период ²⁰). Перед нами только несколько писем и открыток П. Б. от позднего лета и начала осени 1937 г. В открытке от 12 августа с портретом самого Бунина (открытка эта была выпущена Союзом Русских Писателей и Журналистов в Югославии в связи с присуждением Бунину Нобелевской премии) П. Б. сообщает Бунину, собиравшемуся побывать в Югославии, что б. русский посланник в этой стране, В. Н. Штрандман, с которым П. Б. был в хороших отношениях, обещал выхлопотать И. А. визу по телеграфу. П. Б. прибавлял: «Страшно рад, что Вы, наконец, собрались в Югославию». Через неделю П. Б. давал И. А. справки насчет разных мест на Адриатическом побережье Югославии, где Бунин хотел побывать перед Белградом:

Спешу ответить на Ваши вопросы и запросы.

Пляжи на итальянском берегу (Венеция, Римини) гораздо лучше, чем на югославянском. Лицо, очень хорошо знающее югославянское побережье, рекомендует Вам остановиться близ Дубровника в местности именуемой Лапад (Lapad). Там есть русский пансион Лавцевич (Lavcevich) *); есть там и более «шикарный» отель «Загреб». Дубровник — место достопримечательное во всех отношениях и там стоит пожить. Манарска попроще и там тоже много русских.

---

*) Адрес: **Lapad, Masarykov Put.** Лапад — 15 минут езды трамваем от самого Дубровника.

Сейчас, я думаю, достать даровой ж. д. билет по Югославии невозможно. Но я постараюсь действовать и в этом направлении и уведомя Вас о результатах в Дубровнике, где, я полагаю, Вы устроитесь недели на 3. На основании моего осведомления настойчиво рекомендую Вам Лапад.

Но уже через пять дней после этого Бунин был в Белграде, и П. Б. писал ему 24 августа::

Согласно нашему условию к Вам по моей просьбе в 7 ¹/₂ часов придет мой приятель Н. З. Рыбинский (сотрудник «Сегодня» и «Иллюстрированной России») ²¹ и повезет Вас к нашему общему приятелю Ф. С. Пельцеру, старому москвичу, где мы в самом тесном кругу приятно проведем вечер и обсудим, что мы, обыватели Белграда, можем сделать для того, чтобы Вы как можно лучше использовали свой заезд в Югославию.

В постскриптуме П. Б. писал:

Все это твердо решено и Ф. С. Пельцер, как хозяин, ждет нас к себе сегодня вечером.

Как долго Бунин пробыл в Белграде (и вообще в Югославии), мне неизвестно ²²), но уже 9 сентября П. Б. писал ему:

Пересылаю Вам единственное письмо здесь для Вас полученное. Очевидно, Вы не были на приеме у Князя-Наместника — здесь этим обстоятельством очень интересовались.

Совершенно непонятно, почему «Посл[едние] Нов[ости]» не напечатали сообщения своего корреспондента о Вашем пребывании здесь. Вряд ли это случайно, а скорее тенденциозно в каком-то отношении и смысле, понять к[ото]рый весьма трудно. Газетные нравы русского Зарубежья вообще весьма пали и «Посл[едние] Нов[ости]» соперничают с «Возр[ождением]» в этом отношении. Водворилась какая-то закулисная «хамократия», как, впрочем, во всем мире.

Целую руки Вере Николаевне и благодарю за ее милое письмо, на которое отвечаю особо. Обнимаю Вас и желаю отдыха от суеты и успеха в работе.

Обещанное письмо В. Н. Буниной П. Б. написал, повидимому, лишь больше месяца спустя — 30 октября. Он писал ей:

Дорогая и глубокоуважаемая
Вера Николаевна!

Я был очень тронут Вашим милым письмом. Вы совершенно правы в своей оценке Нины Александровны. Чем дольше я ее наблюдаю и живу с ней (в этом году 40-летие нашей свадьбы!), тем более я ценю ее как человека, не только доброго, но и добро и мило самоотверженного. Она тоже и о Вас говорит не только с уважением, но и с восхищением.

Окажите мне, пожалуйста, дружескую услугу. Иван Алексеевич мне обещал прислать свою книгу о Толстом, в которой есть многое, что совпадает с тем, что я, почти 30 лет тому назад, писал и говорил о Толстом, и при жизни и тотчас после его смерти. К сожалению, Ив. Ал., когда писал свою книгу, не знал или забыл содержание моей и не мог поэтому сослаться на мое не мнение, а свидетельское показание о Толстом (я за год до смерти один незабываемый день провел в Ясной Поляне)²³). Пожалуйста, устройте получение мною книги Ив. Ал.! Он, очевидно, забыл свое обещание.

Еще раз благодарю Вас за Ваше милое письмо и целую Ваши руки.

К этому письму к В. Н. было приложено небольшое письмецо к И. А., в котором П. Б. писал:

Посылаю Вам на днях отгиск своей довольно большой статьи о «Духе и Слове Пушкина». Очень был бы рад, если бы Вы прочли эту работу, плод любовного изучения русского языка, и при случае черкнули о ней несколько слов либо для печати, либо для меня лично.

Очень жду Вашей обещанной мне книги о Толстом.

В постскриптуме П. Б. прибавлял: «Бедный Аничков помер! Царство ему Небесное!»²⁴).

Отозвался ли как-нибудь Бунин на статью о Пушкине, которая была напечатана в белградском Пушкинском сборнике, мы не знаем. В печати он на нее, насколько нам известно, не откликался.

После этого в письмах П. Б. к Бунину опять большой перерыв. Следующее письмо датировано: «Субботица 13.V.939»²⁵

В нем П. Б. просил Бунина обратить свое «благосклонное внимание» на посланные ему из Белграда произведения г-жи С. В. Топор-Рабчинской, в которых, казалось ему, «есть кое-что заслуживающее внимания, и Вашего, и русской читающей публики». П. Б. спрашивал также И. А., где он собирается быть в июне месяце, когда он сам, может быть, будет в Париже, и прибавлял: «О многом хотелось бы перекинуться словом».

Поездка П. Б. во Францию в июне не состоялась, а в сентябре того же года началась война. Следующее сохранившееся у Бунина письмо П. Б. датировано уже 27 января 1941 г. Обращая в заголовке письма внимание И. А. на свой новый адрес (Милашева, д. № 11 — это была последняя белградская квартира моих родителей), П. Б. писал:

В день получения Вашего письма-Exprès я был у А. И. Белича и говорил о Вашем деле и затем через несколько дней еще раз был у него. Он мне сказал: 1) что в Ваше распоряжение Державной Комиссией предоставлено единовременное пособие в frs. 2000 и трудность заключается в том, как перевести эту сумму, при теперешних обстоятельствах; 2) что он, Белич, постарается добиться того, чтобы Вам было восстановлено старое ежемесячное пособие в frs. 1000.

Спешу Вас уведомить об этом и рекомендую Вам немедленно самому списаться с Александром Ивановичем Беличем (Франконова 30, Белград), сославшись на мое письмо.

Жизнь, в теперешних обстоятельствах, очень тяжела. Мы с Ниной Александровной были простужены (это теперь называется гриппом) и трудно поправляемся. Я было поправился, но опять простудился. Я много последнее время, вернее последние годы, работал. Пошлю Вам на днях свои отписки. Н. А., я и Адя шлем Вере Ник. и Вам свои сердечные приветы и пожелания. Да хранит Вас Господь!

Через 10 дней после того (6 февраля) П. Б. писал В. Н. Буниной:

Нина Александровна просит Вам написать, что она не смогла Вам до сих пор ответить, ибо по состоянию ее зрения писать ей вообще трудно, а разбирать ее письма еще труднее. Она благодарит и целует Вас.

На письмо Ив. Ал. я дал ответ, заказным письмом, в кратчайший срок, сделав все, что я мог сделать, и тоже в кратчайший срок.

Следующее письмо И. А. Бунину было датировано 30 марта 1941 г. и касалось того же вопроса о возобновлении помощи ему от югославянской Державной Комиссии. П. Б. предупреждал И. А., что из-за создавшегося в Югославии положения надежды на продолжение помощи в будущем надо оставить:

На Ваш последний экспресс я Вам не отвечал, потому что, по моим соображениям, деньги Вы должны были получить раньше моего письма. Так было, наверно. Что касается дальнейшего, то здесь собрались такие тучи, что, мне кажется, всякие надежды придется оставить, как это ни тягостно мне писать Вам. Мы идем навстречу событиям, внешним образом столь же грозным, как и те, какие пережила и переживает страна, Вас приютившая. Пишу, может быть, в последний момент нормального функционирования почтовых сообщений.

Н. А., мой младший сын и я шлем наши приветы Вере Николаевне и Вам.

Предчувствие П. Б. оправдалось: через несколько дней после этого письма Югославия стала жертвой гитлеровского нашествия, и это письмо было последним письмом П. Б. к Бунину из Белграда. Вскоре после этого П. Б. был арестован (см. об этом выше), а в 1942 году он и Н. А. выбрались в Париж.

* * *

5. 1942-1943 гг.

От 1942 года имеется только одна открытка В. Н. Буниной к Нине Александровне, написанная по-французски. В этой открытке, от 12 октября, В. Н. кратко пишет о их жизни и просит сообщить новости о всей семье Струве. За 1943 год есть три письма В. Н. Буниной (два к Н. А. и два к П. Б.), два коротеньких письма И. А. и одна открытка П. Б., обращенная к обоим Буниным. Привожу небольшие выдержки из писем

В. Н., дающие некоторое представление о жизни Буниных в Грассе во время войны. В письме от 9 мая В. Н. писала:

Христос Воскресе!

Дорогая и милая Нина Александровна, очень благодарю Вас за Ваше прелестное письмо. Вы, действительно, счастливая женщина, но кроме того Вы и очень хорошая. И понятно, почему у Вас такие сыновья! Наследство, и духовное, и душевное, и умственное они получили большое и от матери и от отца. Простите, что долго не отвечала, но у меня накопилось много писем неотвеченных, а сесть вообще за письменный стол в нашей жизни не так легко, тем более, что мне надо много отдыхать, что [бы] быть работоспособной.

. . . . .

У нас в мае стала погода хуже. Но розы все же цветут в изобилии.

Сегодня обнаружилось, что у нас на огороде были воры — покрали бобы (feves) — кило четыре. Жаль зуровского труда и неприятно, что, значит, кто-то уже перелезал через забор.

Передайте от всех нас всем Валгим наш пасхальный привет. Ведь христосоваться можно до Вознесения.

Ив. Ал. чувствует себя не очень хорошо — распухает правая рука, — так что писать трудно, — ревматизм.

Храни Вас Господь. Целую Вас трижды.

За подписью следовала приписка:

Буду ждать от Вас весточки. Кланяйтесь Вашей сестре (т. е. сиделке, ухаживавшей за больной Н. А. — Г. С.) и поблагодарите ее за писание Вашего письма.

В письме от 10 мая к П. Б., по всей вероятности вложенном в тот же конверт, В. Н. писала:

Дорогой Петр Бернгардович, очень мне хотелось бы услышать Ваш голос, хотя бы через письмо. Ив. Ал. все намеревается Вам написать, но вообще он писать не любит, а главное теперь у него болят правая рука, — распухают пальцы, и больно ими двигать. Состояние душевное у него грустное, но скорее спокойное.

Живем мы очень уединенно, редко кто теперь поднимается к нам на нашу гору. Иногда мы спускаемся к морю в разные места,

тогда узнаем что-нибудь из хроники тех мест. Теперь нам запрещено ночевать не дома, а с 11 ч. вечера мы не можем выходить.

Ездить на автобусах очень трудно от тесноты, а если хочешь иметь навверное сидячее место, то нужно за два дня встать до зари и уже в 6 ч. утра занять очередь перед бюро, где выдают билеты, и ждать до 8 ч., когда начинается эта выдача. Приходят со складными стульчиками, с вязаньем, в 7 ч. кто-нибудь один идет и покупает газеты, читают в полутьме — бюро в первом этаже, и хвост спускается по лестнице. Иногда бывают общие разговоры, конечно о продуктах, возмущаются черной биржей и т. под. Важно занять первое или второе место, чтобы получить обратный билет. Три раза в неделю из Ниццы дают шесть билетов на всех, а три раза только три! Я, конечно, это делаю для Ив. Ал., который раз в 10 дней туда ездит. Для себя у меня не хватило бы терпения, хотя за эти годы мы, кто стоит в хвостах, прошли хорошую «школу терпения». Я уже полтора часа могу стоять безропотно [. . .] .

Мы радуемся, что Вы можете работать. Дай Бог Вам здоровья и всяких сил. Мы очень волновались за Вас года два тому назад. Были слухи о Вашей болезни [. . .]

Людей нашего круга мы почти не видим.

Читаем много. Я должна часами лежать, чтобы быть более или менее здоровой, поэтому могу читать и толстые книги. Иван Алексеевич обнимает Вас. Л. Ф. шлет сердечный привет . . . ²⁰)

Возможно, что и небольшая записка И. А. к П. Б., датированная 14 мая, была вложена в тот же конверт. И. А. писал:

Дорогой, милый, родной Петр Бернгардович, люблю Вас по-прежнему, пет, даже больше, горячо прошу Бога, чтобы Он сохранил Вас всячески и сердечно целую Вас всех, — и Вас, и дорогую Нину Александровну, и всех чад, и все потомство Ваше.

Весь Ваш

Ив. Бунин.

Следующее письмо В. Н., начатое 21 и оконченное 23 мая, обращено опять к Н. А. Оно начинается с благодарности и ей и П. Б. за быстрые ответы (этих ответных писем П. Б. и Н. А. не было среди тех, которые я получил от В. Н., но возможно, что они сохранились в ее бумагах). Затем В. Н. юткликается на сообщение о смерти Серафимы Павловны Ремизовой:

Ваше сообщение о кончине Сераф. Павл. нас огорчило очень. Я мало ее знала. Но она нравилась мне своей приветливостью. Какая болезнь была у нее? Вероятно, тоже похудела, и это отразилось на сердце? О Ремизове жутко думать, каково ему теперь одному. Конечно, друзья не оставят, но друзья не могут заменить самого близкого человека.

Дальше, после нескольких вопросов чисто семейного характера, В. Н. писала о своем чтении:

Я только что кончила читать очень длинную книгу в 922 стр. большого формата *Kristin Lavransdatter Sigrid Undset*. Я читала ее по-английски, но есть и французский перевод. Если Вы не читали этот роман, пусть Вам его прочтут. Редкая книга! Эпоха за 600 лет до нашего времени. А как будто все происходит теперь, вернее вне времени, хотя, вероятно, исторически все правильно. Только Толстой умел так писать, давать жизнь не нашего времени, а как будто ты сама в ней живешь. И что за прелестная страна, и какие души. А главное, что ценно, что все время чувствуешь, что пишет женщина, но «не по-женски», а женщина с большой душой, с острым умом, с широким образованием и сознанием того, о чем пишет. У героини там 8 сыновей. Вероятно, многое Вам будет близко то, о чем она повествует. Советую всем прочесть, кто не читал. Книга проникнута религиозным духом. Это — когда там было еще католичество.

Сегодня серый день. Стало прохладнее, но соловьи все же поют. Много роз, но они уже отцветают.

23. V. Не могла закончить сразу письма и удалось сейчас только сесть за письменный стол. За это время уничтожен III Интернационал, туда ему и дорога. Сейчас вернулись с прогулки с И. А. Тишина воскресная. 10 часов вечера. Редкие встречи. Итальянские солдаты иногда.

Письмо кончается пожеланием выздоровления и приветами П. Б. и всем близким. Это письмо почти наверное уже не застало Н. А. в живых: она скончалась 26 мая, и П. Б. в тот же день писал Буниным в открытке:

Дорогие Вера Николаевна и Иван Алексеевич!

Сегодня утром Нина Алекс. скончалась и так кончилась наша

46-летняя совместная жизнь и более чем 50-летнее знакомство. Милые строки Ив. Алекс. я получил и от всей души благодарю.

Последняя фраза, вероятно, относится к письму И. А. от 14 мая, приведенному выше.

На сообщение о смерти Н. А. Бунины отозвались письмами от 29 мая. В. Н. писала:

... сегодня пришла Ваша тяжелая вестъ. Мы после открыткн Ляли жили в тревоге за Нину Александровну.

Вы знаете, что мы всей душой с Вами, понимаем и разделяем Ваше горе. Жалеем, что мы так далеко от Вас.

Я, к моему большому сожалению, мало встречалась с Ниной Александровной. По настоящему говорила с ней всего один раз, когда она была у меня. Но в тот вечер я почувствовала ее и сразу ею пленилась. Мне понравился ее голос, основной тон речи, ее радостное отношение к жизни, любовь к цветам. И мне стало грустно, когда ей надо было уходить домой. Я и не подозревала, что она такая прелестная. Потом мы виделись всего еще один раз в день ее отъезда, — Ляля пригласил меня к завтраку. И мне сейчас так горько, что я никогда не увижу и не услышу ее в этом нашем тяжелом мире.

Передайте Ляле, Аде, Екатерине Андреевне, Тане, Пете и Нике мое глубокое сочувствие ²⁷).

Мне жаль очень бедного Глеба ²⁸), как тяжело ему будет узнать об этом вдали от всех Вас. Да и когда эта вестъ дойдет до него?

Отцу Савве ²⁹) все же легче. Напишите и ему от нас соболезнование.

Храни Вас всех Христос, да поможет Он Вам всем нести Ваше горе.

Обнимаю Вас с большой нежностью.

На третьей странице письма В. Н. несколько строк от себя написал Иван Алексеевич:

Дорогой, милый Друг, Вы все нам давно как родные, поэтому нечего говорить о моих чувствах к Вам в Вашем горе. Обнимаю Вас от всего сердца — всех, всех.

Более поздних писем от Буниных, относящихся к периоду между концом мая и смертью самого П. Б. в феврале 1944 года, в архиве П. Б. не обнаружено. Не было и писем П. Б. за этот период среди тех, которые были получены мною от В. Н. Буниной после смерти И. А.

* * *

Я отдаю себе отчет в том, что, печатая здесь письма И. А. Бунина к моему отцу, я в каком-то смысле и в какой-то мере нарушаю волю самого И. А. В записке, озаглавленной «К моему завещанию» и датированной «Май 1942 года», Бунин писал:

Все мои письма (ко всем, кому я писал во всю мою жизнь) не печатать, не издавать. С просьбой об этом обращаюсь и к моим адресатам, то есть к владельцам этих писем. Я писал письма почти всегда душно, небрежно, наспех и не всегда в соответствии с тем, что я чувствовал, — в силу разных обстоятельств. (Один из многих примеров — письма к Горькому, которые он, не спросив меня, отдал в печать).

В той же записке Бунин касался и писем, адресованных к нему, и писал:

В России осталось много всяких писем ко мне. Если эти письма сохранились, то уничтожьте их все, не читая, — кроме писем ко мне более или менее известных писателей, редакторов, общественных деятелей и т. д. (если эти письма более или менее интересны).

Почему Бунин упоминал тут только письма, оставшиеся в России, мы не знаем.

В другой записке, озаглавленной «К моему литературному завещанию» и помеченной «Париж, 1951 г.», Бунин возвращался к вопросу о своих письмах и писал:

После меня явится, может быть, у кого-нибудь мысль печатать мои письма, дневники, записные книжки. О письмах я уже писал в другом месте («К моему завещанию»): я чрезвычайно прошу не печатать их, — я писал их всегда как попало, слишком небрежно и порою не совсем кое-где искренне (в силу тех или иных обстоя-

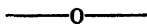
тельств), да и просто неинтересно; из них можно взять только кое-какие отрывки, выдержки — чаще всего как биографический материал. (Если бы нашелся умный и тонкий человек, который мог бы выбрать эти отрывки!) . . . ³⁰⁾

В. Н. Бунина в письме к пишущему эти строки от 21 января 1957 г. тоже говорила о том, что не может согласиться на печатание писем И. А., и ссылалась на его «литературное завещание». Но делала оговорку: «Во всяком случае слишком малый срок прошел со дня его кончины для того, чтобы опубликовывать его письма». С тех пор прошло больше десяти лет, а со смерти И. А. Бунина пятнадцать лет — срок немалый. И сам И. А. говорил о возможном исключении для писем, представляющих биографический интерес.

Но в переписке большого писателя, как бы «дурно», «небрежно», «наспех» и «неискренне» он ни писал свои письма, все письма представляют интерес и с точки зрения биографии, и для характеристики его личности. В отношении зарубежного периода в жизни Бунина тем более важно сохранить и огласить его переписку, что вокруг Бунина уже создано много всяких легенд (чего стоит один напечатанный в книге Бабореко рассказ Богомолова о визите Бунина в советское посольство) ³¹⁾ и многое из написанного им в этот период не было и не будет опубликовано, пока существует советский режим.

Надлежит отметить и то, что много писем Бунина уже напечатано, как в Советской России, так и за рубежом. Поэтому мы считаем себя вправе предать огласке, с небольшими купюрами, и большую часть уцелевших его писем к П. Б. Струве.

Глеб Струве

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹⁾ Как дальше будет видно, в письмах П. Б. к И. А. Бунину имеется один странный большой пробел (между октябрём 1928 г. и августом 1937 г.), который едва ли может объясняться относительно редкими личными встречами во время наездов П. Б. в Париж, тем более, что Бунин большую часть времени жил на юге Франции. Какие-то письма могли пропасть, но возможно, как мне сказал душепри-

казчик Буниных, Л. Ф. Зуров, что они еще отыщутся среди не до конца разобранных бумаг Бунина. В редакционном архиве "Возрождения" сохранились два письма, четыре "пневматички" и две открытки от Бунина к К. И. Зайцеву, относящиеся к 1925 и 1926 гг.

²⁾ Кривошеин, Александр Васильевич (1858-1923) — до революции министр земледелия и землеустройства; в то время возглавлял правительство Вооруженных Сил Юга России в Крыму. Гирс, Михаил Николаевич (1856-1932) — дипломат, 6. посол в Риме, в эмиграции — председатель Совета послов в Париже. Базили, Николай Александрович (1883-1962) — в Первую мировую войну начальник дипломатической канцелярии при ставке главнокомандующего; в то время товарищ Управляющего внешними сношениями в Крымском правительстве. Находился в тот момент в Париже.

³⁾ "Собачья доля" — сборник рассказов А. Ремизова, Е. Замятина и др. Отзыва Бунина о "Собачьей доле" как будто не было в "Русской Мысли".

⁴⁾ "Историко-литературные заметки: 2. К истории получения И. А. Буниным Нобелевской премии", стр. 140-144.

⁵⁾ "Букинист" — сын П. Б. Струве Алексей.

⁶⁾ "Великий Князь" — Великий Князь Николай Николаевич, вокруг которого сгруппировалась в то время часть русской политической эмиграции.

⁷⁾ Первая вещь Шмелева в "Возрождении" была напечатана уже 7 июня. Переписку И. С. Шмелева с П. Б. Струве и К. И. Зайцевым см. в моей публикации в "Мостах", № 1 (1959), стр. 399-415.

⁸⁾ Ростовцев, Михаил Иванович (1870-1952) — знаменитый историк древности, академик (как и П. Б. Струве, с 1917 года); после революции провел один год в Оксфорде, а затем переселился в США и кончил свои дни профессором Иельского университета.

⁹⁾ Львов, Лоллий Иванович (1888-1966) — один из членов редакции и ближайших сотрудников "Возрождения", а потом "России" и "России и Славянства".

¹⁰⁾ Племянница Шмелева — Ю. А. Кутырина.

¹¹⁾ О каком "расследовании" идет речь, мне неизвестно.

¹²⁾ Цуриков, Николай Александрович (1888-1956) — один из ближайших сотрудников и политических единомышленников П. Б. в эмиграции. Имеются в виду, по всей вероятности, отрывки из воспоминаний, печатавшиеся время от времени под псевдонимом "Иван Беленихин". Бунин, помнится, лестно отзывался о них. Цурикова. Открытка с этим отзывом не сохранилась. Цуриков был земляком Бунина.

¹³⁾ "Оканные дни" — записи о жизни в Москве и в Одессе в 1918-1919 гг. — продолжали печататься в "Возрождении" до весны 1926 года. Отдельно никогда не издавались, но вошли в 10-ый том 15-томного собрания сочинений Бунина, выпущенного "Петрополисом" в 30-х годах. В советские издания Бунина не включаются.

¹⁴⁾ Адя — младший сын П. Б. Аркадий (1905-1951).

¹⁵⁾ Кульман, Николай Карлович (1871-1940) — известный историк литературы, бывший профессор Педагогического Института, преподававший после революции русскую литературу на русских курсах при Сорбонне. Был постоянным сотрудником редактировавшихся П. Б. Струве газет. Много писал о Бунине, с которым его связывали дружеские отношения.

¹⁶⁾ Львов, Николай Николаевич (1870-1944) — известный общественный деятель, 6. член Гос. Думы, близкий друг и единомышленник П. Б. Струве. РЦО — Российское Центральное Объединение, эмигрантская политическая организация, в которой П. Б. до того принимал близкое участие, но из которой он вышел после конфликта в "Возрождении".

¹⁷⁾ Фондаминский (Бунаков), Илья Исидорович (1880-1942) — общественный деятель, публицист, один из редакторов "Современных Записок". Ему принад-

лежала вилла в Грассе, на которой жили Бунины. Погиб во время войны в одном из гитлеровских лагерей.

¹⁸⁾ Билимович, Александр Дмитриевич (1876-1963) — известный экономист, профессор Киевского университета, а в эмиграции профессор в Любляне; сотрудник "Возрождения", "России" и "России и Славянства".

¹⁹⁾ Речь идет, очевидно, о письме И. А. Бунина и К. Д. Бальмонта к французскому писателю Ромулю Роллану, напечатанном в парижской газете *l'Avenir*.

²⁰⁾ После смерти Ивана Алексеевича В. Н. Бунина писала мне, что письмо П. Б., поздравляющее И. А. с присуждением Нобелевской премии, хранилось ею в особой папке, озаглавленной "Нобелевские дни", и обещала прислать его позже, но так этого и не сделала. На присуждение Нобелевской премии П. Б. отозвался также речью, произнесенной в Белграде 20 ноября и оглашенной на чествовании Бунина в Париже 29 ноября. Речь эта была напечатана в "России и Славянстве".

²¹⁾ Рыбинский, Николай Захарович — журналист, писатель. Был белградским корреспондентом "России" и "России и Славянства". П. Б. сблизился с ним в белградский период своей жизни.

²²⁾ О поездке Бунина в Белград почему-то ничего не говорит его советский биограф А. К. Бабореко, рассказывающий довольно подробно о поездках Бунина в другие страны годом раньше и годом позже.

²³⁾ Статьи П. Б. о Толстом вошли в его сборник "Patriotica", а заграницей в переработанном виде были изданы отдельной книжкой в Софии в 1921 г. П. Б. имеет в виду это издание. Они были также в новой редакции напечатаны по-немецки.

²⁴⁾ Аничков, Евгений Васильевич (1866-1937) — известный литературовед, б. профессор Психоневрологического Института в Петербурге. В эмиграции жил и преподавал в Югославии. Был одним из редакторов белградского Пушкинского сборника.

²⁵⁾ После переселения в Белград П. Б. в 1933 г. был набран профессором Белградского университета, где должен был вести семинар по социологии на французском языке. Его вступительная лекция была сорвана коммунистами, и преподавание в Белграде не состоялось. Позже П. Б. стал читать курс по социологии в университете в Субботице, куда ездил раз в месяц.

²⁶⁾ Л. Ф. — Зуров, Леонид Федорович (р. 1902), писатель, автор нескольких романов; много лет прожил с Буниными в Грассе, а потом жил с ними в Париже и сейчас продолжает жить в их квартире. Душеприказчик Буниных.

²⁷⁾ Ляля — сын П. Б. Алексей; Адя — сын П. Б. Аркадий; Екатерина Андреевна — жена Алексея Петровича Струве, ур. Кагуар; Таня, Пети и Ника (Никита) — их дети.

²⁸⁾ Глеб — старший сын П. Б. Жил в то время в Англии.

²⁹⁾ О. Савва (1900-1949) — третий сын П. Б. Константин, принявший, по окончании Богословского Института в Париже, монашество и живший потом в обители св. Иова Почаевского в Ладомировой (Владимировой), в Подкарпатской Руси. Во время войны ушел со словацкими партизанами.

³⁰⁾ Оба этих завещательных документа были напечатаны Л. Ф. Зуровым в "Новом Журнале" (кн. 66, декабрь 1961, стр. 169-171). Они перепечатаны также в девятом томе советском Собрании сочинений Бунина (т. 9, 1967, стр. 480-483).

³¹⁾ См. А. Бабореко, И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). Изд-во "Художественная Литература", М., 1967, стр. 237.

THE CORRESPONDENCE BETWEEN IVAN BUNIN AND PETER STRUVE

The year 1970 marks the centenary of the birth of two outstanding men: Ivan Alekseevich Bunin, the great writer, the first Russian to be awarded (in 1933) the Nobel Prize for literature, and Pjotr Berngardovich Struve, a great scholar and a noted public figure in Russian life between the early 1890's, when he was one of the leaders of the so-called "legal Marxism", and 1920, when he headed the Foreign Affairs Department in the last non-Bolshevik Russian government, that of General Wrangel in Crimea.

It was in the summer of 1920, when Bunin had already become an exile and was living in Paris, and Struve came there from Sevastopol to negotiate the recognition of General Wrangel's government by France, that the two met for the first time and that their personal friendship and correspondence began. Though intermittent and irregular, this correspondence lasted for over 20 years, ending in 1943, not long before Struve's death (on February 26, 1944) in Paris. Their epistolary exchange was particularly lively between 1925 and 1928 when Bunin was a regular contributor to the two papers edited by Struve: the daily **Vozrozhdenie** (1925-27) and the weekly **Rossija** (1927-28). Most of Bunin's letters for this period have been preserved among Struve's papers left behind in Paris when he went to live in Belgrade in 1928. They are now in possession of his eldest son, Professor Gleb Struve, of the University of California, Berkeley. Bunin's earlier letters, written between 1921 and 1924, were deposited in the Russian Historical Archives in Prague (where Struve lived from 1922 to May 1925) and are now apparently in Moscow (some of them may be published in the Bunin volume of **Literaturnoe Nasledstvo**, which is being prepared for the centenary of his birth). As for Bunin's letters to Struve written between 1928 and 1941, they perished, for the most part, with the other Struve papers in Belgrade during World War II.

Struve's letters to Bunin cover, on the other hand, the whole period from 1920 to 1943, but there are in them some strange chronological gaps which Bunin's widow could not explain when, after Bunin's death in 1953, she presented the originals of those letters to Gleb Struve.

In the present publication, most of the letters are printed in their entirety, but a few are summarized or quoted from. The letters have been prepared for publication and provided with some explanatory comments by Professor Gleb Struve.

М. А. Полторацкая *)

АКАДЕМИК Л. В. ЩЕРБА И ЕГО ТРУДЫ

---

1. ВВЕДЕНИЕ

Приближается 25-ая годовщина со дня кончины и 89-ти летняя — со дня рождения крупнейшего русского филолога — Льва Владимировича Щербы.

Лев Владимирович скончался в разгаре войны, в городе Перми, куда был эвакуирован в числе других академиков в дни осады Ленинграда. Умер он далеко от своих любимых детищ — Института Русского Языка Академии Наук и Фонетического Института Петербургского Университета.

Последние годы он был прикован к постели смертельным недугом, перенес две операции, жил в глухом северном городе, часто нуждался в самом необходимом. Мучился телесно, но жил творческой мыслью и работал для науки почти до последних дней своей жизни.

Похоронен там же, в Перми, далеко от родного города, где протекла его жизнь и куда стремились его думы. И над его еще не разрушившейся могилой хочется вместе со старшим поколением русских филологов вспомнить, а младшему поколению рассказать, как велико значение его трудов в русском языковедении и как много он сделал для всеобщей науки.

---

*) М. А. Poltoratzky, Ph. D., Prof. N. Y. State U-y, Albany, N. Y.

Особнено этот долг падает на меня: я была ученицей Льва Владимировича с первого курса в университете, затем в Педагогическом Институте Иностранных языков, прошла Академическую аспирантуру под его руководством и начала свою научно-исследовательскую и университетскую деятельность в числе его младших сотрудников.

А главное, что усиливает мой долг, — это мое пребывание теперь в свободном мире, где я могу открыто говорить о моих учителях — замечательных ученых, попавших в тяжелый кризис русского общества и науки. Но они не пали, не согнулись под советским гнетом, а продолжали стойко прокладывать путь подлинной науке и просвещению, не щадя себя.

* * *

2. ЗАСЛУГИ Л. В. ЩЕРБЫ ПЕРЕД РУССКОЙ НАУКОЙ И ПРОСВЕЩЕНИЕМ .

(1880 - 1944)

С первых лет своей научной и педагогической деятельности, т. е. с начала нашего столетия, и до конца своей жизни Лев Владимирович был полностью поглощен педагогической работой.

Впервые, как педагог и ученый, он выпустил перед все-русской аудиторией в 1904 году, на съезде преподавателей русского языка военно-учебных заведений. Его доклад был озаглавлен: «О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета».

В последующие годы Лев Владимирович целиком отдавался педагогической работе. Тогда еще молодой — приват-доцент, он преподает в СПб 1-ом кадетском корпусе, в гимназиях и на высших женских курсах — Бестужевских и Раевских, и с 1916 года в звании профессора — в Петроградском Университете. В то же время он составлял и редактировал учебники русского и иностранных языков, разрабатывал учебные планы, программы, методические руководства и т. п.

С неутомимой педагогической деятельностью Л. В., еще в ранние годы, соединял и глубокие научные исследования по многообразным областям филологии: по славистике, романистике, по философским проблемам языкознания, по изучению языков в современном их состоянии и в их далеких исторических корнях, и т. п.

В 30-ые и 40-ые годы, когда я была аспиранткой и сотрудницей Льва Владимировича, он стоял во главе кафедр русской и всеобщей филологии во всех Научно-Исследовательских институтах: в ИЯМ'е (Институт Языка и Мышления Академии Наук), в ЛНИИЯЗ'е (Ленинградский Научно-Исследовательский Институт Языкознания), в Научно-Исследовательском Методическом Институте, заведовал Университетским Фонетическим Институтом, председательствовал в Всесоюзном Методическом комитете и др.

Л. В. преданно служил гуманитарным наукам всю жизнь.

Возвратимся в прошлое и укажем, что в 1915 году он опубликовал «Особое мнение по вопросу о роли языков в средней школе», доказывая важность филологического образования для русского юношества.

На первом Всероссийском съезде словесников в Москве (1916-1917 г.г.) Л. В. выступал с докладом «Филология, как одна из основ общего образования». Один из участников этого съезда — проф. Н. П. Автономов, редактор-издатель журнала «Русский язык в Американской школе» — свидетельствует, что «наибольшую деятельность проявила вторая секция, рассматривавшая вопросы преподавания в младших классах. Эту секцию возглавлял профессор Л. В. Щерба».

Резолюции, принятые съездом, отражают собой, по словам Н. П. Автономова, положения, выдвинутые Л. В. в его докладе. Ввиду того, что эти резолюции не утратили своего значения и теперь, я считаю возможным привести их здесь:

1. Признавая, что сущность филологии сводится к работе над литературным текстом в смысле углубленного понимания его как со стороны формы, так и содержания, Съезд считает филологию одной из основ общего образования.
2. Ввиду того, что филологические задачи в школе не могут быть

с полным успехом достигнуты лишь на уроках русского языка и словесности, Съезд признает общеобразовательное значение за новыми языками, почему необходимо предоставить им достаточное число часов.

3. Съезд признает, что для будущих преподавателей русского языка и словесности чрезвычайно существенным представляется преподавание в высшей школе синтаксиса, стилистики, истории слов, а также объяснение литературных текстов по образцу западно-европейской высшей школы.

Лев Владимирович стойко защищал филологию в годы самых больших нападков на гуманитарное образование, что происходило в советской действительности в 20-ых и в начале 30-ых годов.

И в последние годы своей жизни Л. В., уже больной, все же не оставляет своей борьбы за филологию и продолжает добиваться восстановления ее в средней школе, и подъема ее в университетах.

Эти усилия Л. В. принесли положительные результаты, но главные его идеи и планы остаются заветом для светлого будущего русского образования, ожидающего своего полного культурного возрождения после долгих лет ломки в угоду советской политике.

3. ЗАСЛУГИ Л. В. ЩЕРБЫ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ И ОРФОЭПИИ.

Главными проблемами в области теоретического и прикладного языкознания, которым Л. В. отдавался всей душой, были **фонетика** и **орфоэпия**. И не только русского, но и ряда других языков Европы, в особенности славянских и романских.

Лев Владимирович оставил много ранних своих трудов по звуковому составу и орфоэпическим особенностям языков — чешского, лужицкого, сербского, кашубского, французского, итальянского, и др., а во второй период своей деятельности он много внимания уделял фонетическому исследованию языков

и других систем, напр., языков Дальнего Севера, Средней Азии и Кавказа.

По общему признанию, Л. В. является одним из главных основоположником «теории фонем» *).

Для своей магистерской диссертации Л. В. избрал вокализацию русского языка, озаглавивши свое исследование «Русские гласные в качественном отношении» (1912, **Записки Историко-Филологического факультета**, СПб). Труд — непревзойденный в русской фонетике до настоящего времени.

Несколько отвлекаясь от серьезной темы доклада, хочется привести здесь анекдот, пущенный академиком Веселовским и живущий до сих пор в академических кругах...

Диссертация Л. В. о русских гласных была отпечатана в нескольких сотнях экземпляров и выставлена на полках книжного магазина Сытина. Но увы! Широкая публика не заинтересовалась русскими гласными: ни их качеством, ни их количеством. Время шло, книги покрывались магазинной пылью и прахом забвения, не привлекая взора покупателя. И вдруг, в один хмурый петербургский день, академик Веселовский, зайдя в магазин, остановился, пораженный необыкновенным зрелищем: «Русские гласные с полок поспешно перемещаются в глубокие ящики, тщательно упаковываются и выносятся на улицу. Изумленный Веселовский спрашивает: «Что это значит»? И получает ответ: «Приехал городской голова из Царевококшайска и закупил все книги для руководства гласным Городской думы Царевококшайска, чтобы поднять их «в качественном и количественном отношении».

Был ли это каламбур, сочиненный академиком Веселовским, или «быль», но только «русские гласные» Л. В. Щербы, действительно, исчезли с книжного рынка и стали редкостью.

Свою докторскую диссертацию Л. В. пишет тоже на фонетическо-орфоэпическую тему, изучая на этот раз восточно-лужицкое наречие. Для проведения своих исследований, он поселяется на два года среди лужичан, славянской народности,

---

*) Самый термин "фонема" введен французскими лингвистами и был использован И. А. Бодуэном де-Куртене для уточнения понятия "звук речи". Но теория фонем наиболее полно была разработана Л. В. и опубликована в печати в 1912 году.

обитавшей приблизительно в числе 150.000 человек в Германии, в верховьях реки Шпре, в Саксонии и в Пруссии.

Исключительный по своим научным достоинствам труд Л. В. «Восточно-лужицкое наречие» появляется в печати в 1915 году (Записки Историко-филологического факультета, Петроград).

К своим крупным диссертационным работам в области фонетики и орфоэпии Л. В. прибавил еще ряд книг и статей. Привожу их в хронологическом порядке:

1. 1910 г. — О чешском произношении (Известия Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук).
2. 1911 г. — "Court exposé de la prononciation russe" с сравнительной таблицей русского и французского языков.
3. 1915 г. — О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова.

Эта работа признается всеми филологами крупнейшей вехой в истории теоретического восприятия фонетики и орфоэпии.

4. 1920 г. — Notes sur la transcription phonétique. (Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1928, v. XXIX).
5. 1935 г. — О диффузных звуках (Сборник Академии Наук СССР).
6. 1936 г. — К вопросу об орфоэпии (Журнал Русский язык в средней школе. № 5).
7. 1937 г. — Фонетика французского языка и Очерк французского произношения сравнительно с русским. (Предисловие к Русско-Французскому Словарю — Л. В. Щербы).

Эта книга надолго останется образцовым руководством в изучении орфоэпии.

4. ТРУДЫ Л. В. ЩЕРБЫ В ОБЛАСТИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ.

Лев Владимирович очень много сделал для реформ русской орфографии и до последнего года жизни продолжал работать над рационализацией и упорядочением новой орфографии.

Систематизируя труды Л. В. в этой области, остановимся на основных из них, в порядке их опубликования.

Так, в 1905 году была напечатана в **Русском Филологическом Вестнике** статья Л. В.: Несколько слов по поводу «Предварительного сообщения орфографической подкомиссии».

В 1911 году в том же журнале — «Дополнения и поправки к Русскому правописанию Я. К. Грота».

В 1930 г. в журнале **Русский язык в средней школе** — «К вопросу о реформе орфографии».

Два последние года своей жизни Л. В. посвятил составлению «Теории русского правописания» — капитальному труду в 2-х частях, к которому он готовился уже давно — с начала 30-ых годов.

Сотрудники Института Языка и Мышления помнят, как в эти годы Л. В. стремился найти научно-обоснованные и практически-применимые пути сближения звучания речи с ее письменным выражением. Часами он сидел перед фонографом, вслушиваясь в тончайшие оттенки звукописи и стараясь закрепить их транскрипцией. Сосредоточенно вслушивался в индивидуальную речь своих студентов, собеседников и тут же советовался с ними, какая форма написания точнее передавала бы всю сложную модуляцию звуков речи.

Книга Л. В. «Теория русского правописания» еще не вышла из печати, но по отзыву его ближайшего ученика и последователя проф. Б. А. Ларина (ныне тоже покойного) она «представляет замечательное по замыслу и ювелирно отделанное в деталях произведение»... «Эта книга является блестящим завершением почина, сделанного учителем Л. В. Щербы — знаменитым языковедом И. А. Бюдуэном-де-Куртенэ в известной работе «Об отношении русского письма и русского языка».

Но в отличие от отвлеченного содержания работы Бодуэна-де-Куртенэ, в книге Л. В. вскрыта система русской орфографии, дана апология высоких достоинств русских орфографических традиций, и намечены пути кодификации орфографии на основе возможно большего приближения письма к живой речи, но в пределах морфологических принципов.

В этой книге так же обильно представлены поучительные и интересные сопоставления русской орфографии с материалами из истории орфографии других европейских языков.

По словам Б. А. Ларина, «теория Л. В. позволяет как бы осязать закономерность орфографических норм. Для учителя и для студента эта книга будет важнейшим настольным руководством».

* * *

5. ТРУДЫ Л. В. ЩЕРБЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ПИСЬМЕННОСТИ ДЛЯ НЕПИСЬМЕННЫХ НАРОДОВ.

Л. В. Щерба многое сделал также для распространения письменности среди неписменных и малописьменных народов Советского Союза, немалое внимание уделяя и реформе правописания в письменности кавказских и средне-азиатских народностей.

Так, в 1926 г. Л. В. руководил Бакинским съездом филологов, посвященным вопросам письменности и реформам устаревших орфографических норм тюркских народов.

С 30-ых годов Л. В. принимал деятельное участие в создании письменности для неписменных, первобытных еще палеоазиатских языков (эвенского, нивхского и др.) и в разработке орфографической системы для иранских языков (таджикского, вершикского и др.).

* * *

6. ЗНАЧЕНИЕ Л. В. ЩЕРБЫ В СОЗДАНИИ НОРМАТИВНОЙ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ И СЛОВАРЯ.

Лев Владимирович неустанно, на протяжении всего творческого периода своей жизни, работал над вопросами построения нормативной русской грамматики и словаря.

Широкой популярностью пользуется вышедший под его редакцией стабильный учебник для средней школы — «Грамматика русского языка»: часть 1-ая — Морфология, часть 2-ая — Синтаксис. Этим учебником руководимся и мы в американской школе.

Но в научном отношении гораздо важнее отредактированная Л. В. «Нормативная грамматика Русского Языка», издание Академии Наук СССР с широко разработанным им отделом фоноетики.

Многое сделано Л. В. в области общего построения синтаксиса и установления системы русского синтаксиса, но далеко не все его труды по этим вопросам опубликованы. Институт Русского Языка Академии Наук занимается разработкой архива его рукописей, и, возможно, в недалеком будущем будут напечатаны его ценнейшие синтаксические изыскания.

Свой взгляд на два аспекта частей речи в русском языке — морфологический и синтаксический и их взаимосвязанность — Л. В. изложил в статье «О частях речи в русском языке». (Журнал **Русская Речь**: книга 1-ая, Петроград, 1923 г.).

Эта статья как бы начинала коренную ломку наших синтаксических традиций и оказала большое влияние на дальнейшие теоретические работы по русскому синтаксису (напр. в труде проф. В. В. Виноградова «Современный русский язык», 1936-й г.).

Что касается нормализации русского словаря, то, руководя вместе с академиком С. П. Обнорским изданием Академического Словаря современного русского языка, Лев Владимирович придал ему характер нормативного. Это выразилось в том, что Академический Словарь отражает существующие в наше время связи слов и понятий с их специальной и стилистической обусловленностью.

Большое участие Л. В. принимал также в составлении Исторического Словаря Языка Академии Наук, совместно с Б. А. Лариним *).

Свой большой словарный опыт Л. В. изложил в статье

---

*) О запрещении издания этого исключительного труда в дни Ждановщины — я писала в своей книге "Русская Лексикология и Лексикография" 1967 г.

«Опыт общей лексикографии». (Известия Академии Наук, 1940, № 3).

И если русская лексикография в последнее время сделала значительные успехи, то большая заслуга в этом принадлежит Л. В. Щербе как теоретику и практическому руководителю.

* * *

7. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ Л. В. ЩЕРБЫ.

Свои методологические взгляды Л. В. изложил в статье «О тpioяком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (Известия Отделения общественных Наук Академии Наук, 1931г.).

Исходя из социальных положений своего учителя — И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, но отказываясь от его излишнего психоанализа, Лев Владимирович изложил в этой статье основы своей теории языка, — как системы, составляющей величайшее культурное достояние народа. Л. В. возражает против «индивидуального языка» — понятия, выдвинутого крупнейшими языковедами прошлого столетия (начиная с Г. Пауля в Германии и кончая Шахматовым), и кладет в основу своей теории понятие «языковой системы». Он определяет ее как то, что «объективно заложено в данном языковом материале», и что продолжается в «индивидуальных языковых системах», возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале выражается единство языка внутри данной общественной группы.

В исследовании языкового материала необходим эксперимент — в области не только фонетики, но и грамматики, словаря, стилистики. (Это утверждение Л. В. Щербы было совершенно новое до тех пор неизвестное в науке языковедения). Языковой эксперимент возможен, главным образом, на живых языках и очень ограничен в применении к мертвым языкам. Поэтому Л. В. обращается сам и призывает других языковедов к изучению в первую очередь живых языков, к изучению бесписьменных языков и к изучению языков далеких, не родственных по строю. Этот призыв не остался одной лишь

декларацией: Л. В. много лет деятельно помогал научной разработке языков Дальнего Севера, а также иранских, тюркских и других.

Л. В. Щерба не был сухим кабинетным ученым. Напротив, всей своей кипучей натурой он деятельно входил в жизнь и неустанно вел наблюдения над живыми языками.

* * *

8. Л. В. ЩЕРБА КАК ДИАЛЕКТОЛОГ.

В связи со своими взглядами на главенствующую роль изучения живых языков, Л. В. очень увлекался диалектологией.

В народных диалектах он видел проявление живой языковой деятельности народа. Из диалектов он черпал также материалы для истории языка и для современных форм его.

В 1936-ом году Л. В. был назначен председателем Всесоюзной Диалектологической Комиссии при Академии Наук, куда была назначена и я от Северо-Кавказского края. Под его руководством работа этой комиссии приобрела огромный размах.

Диалектическими экспедициями был охвачен чуть ли не весь Советский Союз. Так, в 1936 г. систематически проводились фольклорно-диалектологические экспедиции в районах Дона, Кубани и всего Северного Кавказа. В этих экспедициях мне удалось обнаружить в плавнях Кубани поселения казаков-некрасовцев, весьма интересных для науки. Некрасовцы ушли из России в Турцию в начале 18-го столетия (в царствование Петра Великого) и стали возвращаться в Россию только с 1914 года. Они сохранили в своем быту русскую речь 17-го и начала 18-го веков *).

В Ростовском издательстве вышел мой Словарь Казаков-Некрасовцев, 1941 г.

Организация северно-кавказских экспедиций исходила из Ростовского на Дону университета, где в это время я руководила научно-диалектологическими исследованиями края, но об-

---

*) В настоящее время значительная часть казаков-некрасовцев переселилась из Турции в США благодаря Толстовскому Комитету. Наука должна заняться ими здесь.

щее руководство принадлежало Л. В. Щербе, и его ближайшему сотруднику Б. А. Ларину.

Ежегодно, в летние каникулы, профессора и студенты филологических факультетов Ленинградского Университета и Педагогического Института имени Герцена выезжали в северные и центральные районы страны и возвращались осенью с богатым фольклорно-диалектологическим материалом. Ленинградскими экспедициями в последние предвоенные годы были охвачены — Поморье (Ломоносовские места), места «древлего благочестия» (Белое озеро — Кириллов, Белозерск), верховья Великопо Водного Пути «из Варяг в Греки», область Господина Великого Новгорода и другие исторические места северных поселений русского народа.

Куйбышевский (Самарский) Педагогический институт руководил диалектологическим изучением Волжского бассейна. Иркутский Педагогический институт занимался изучением сибирских городов и т. д.

Все материалы экспедиций направлялись в Академию Наук. Во многих диалектологических экспедициях и конференциях я сама участвовала и могу утверждать, как велико было научное значение их.

На основании этих материалов было предпринято составление общего Диалектологического словаря. Инициатором и редактором этих капитальных трудов был Л. В. Щерба и его ученик в прошлом, а в то время энтузиаст — ученый Б. А. Ларин.

Но война и преждевременная кончина Л. В. прервали диалектологическую работу, и долгое время она не возобновлялась.

* * *

9. ТРУДЫ Л. В. ЩЕРБЫ ПО РУССКОЙ СТИЛИСТИКЕ.

Глубокий интерес всегда проявлял Л. В. к русской стилистике. Вообще, нет такого раздела языкознания — теоретического и практического — где Л. В. не оставил бы своего богатого наследства.

В 1928 году он основывает журнал «Русская речь», и в предисловии к первому выпуску раскрывает сущность русского литературного языка.

Приведем точные слова Л. В.: «Журнал «Русская речь» ставит своей задачей исследование русского литературного языка во всем многообразии его форм, а также в его основных источниках. В связи с этим главный интерес сборника направлен на семантику, словоупотребление, синтаксис, эстетику языка — вообще на все то, что делает наш язык выразителем и властителем наших дум». И далее подчеркивая, что наука о языке есть ведущая, живая часть филологии (**а не сухая узко-лингвистическая канва**). Л. В. обращается к широким кругам общества: «Журнал **Русская речь** адресуется не только к лингвистам, но и ко всем тем читателям из широких слоев общества, в которых жива любовь к слову, как выразительному средству». (**Русская речь**, Петроград, 1923 г.).

В этом журнале Л. В. помещал свои лингвистико-стилистические этюды — совершенно новый вид филологических интерпретаций, замечательных по научной оригинальности и по изяществу изложения.

Главнейшие из напечатанных: «Опыт лингвистического толкования стихотворения Пушкина «Воспоминание» и анализ стихотворения Лермонтова «Сосна» в сопоставлении с одноименным стихотворением Г. Гейне. Но до сих пор не опубликованы работы Л. В. по стилистике «Медного всадника», «Полтавы», «Капитанской дочки», «Героя нашего времени» и басен Крылова.

Анализом этих произведений Л. В. занимался с аспирантами Института Языка и Мышления и поражал слушателей широтой своего филологического кругозора, тончайшим эстетизмом и оригинальностью выводов.

Но отступаю снова в область личных воспоминаний... Не могу не упомянуть, в каких иногда тяжелых условиях — условиях полного непонимания и партийной «бдительности» приходилось работать Льву Владимировичу. Вспоминаю такую картину из своих аспирантских лет...

Фонетический Институт. Кабинет Льва Владимировича. На стене над письменным столом величавая фигура Льва Влади-

мировича с подлинно львиной головой — белые длинные волосы откинутае назад, белая борода и кроткие, детские глаза, мягкая улыбка, молодой полнозвучный голос — классический облик старого русского профессора. Перед Львом Владимировичем полукругом расположились аспиранты.

Л. В. анализирует стиль «Медного Всадника».

... Чернеют избы здесь и там —

Приют убогого чухонца ...

Какой диапазон образов! Восхищенно восклицает он... Только Пушкин мог объединить великое с обыденным в одну цельную художественную картину. Сделай это другой, получилось бы жодульно, кричаще ... но у Пушкина — жизнь, правда!

«Приют» — слово высокого стиля, к нам пришедшее из церковно-славянского языка. Какие представления оно вызывает у нас? — Только возвышенные: »Привет тебе, приют священный ...»

«Приют богов... приют любви и вдохновений»... И от высокого подъема — мгновенный скачок к низкому стилю, к обыденным словам: изба, чухонец... И тут спохватившись (мелькнула мысль, что в его аудитории преобладают партийцы) стал ходатайствовать за Пушкина.

«Но не думайте, что Пушкин был великодержавным националистом. Нет, нет... Он не хотел обидеть финнов. Дело в том, что слово «финн» тогда было книжным, официальным, а «чухонец» — живым, разговорным.

Но как я уже писала в своей статье «Советская аспирантура» — его голос оставался «вопиющим в пустыне». Нередко его невежественно и грубо обрывали аспиранты — партийные выдвиженцы и красные партизаны, и политически искажали его эстетический идеализм. Они же потом назначались на ответственные посты. Выдвиженка из симферопольского женотдела, утверждавшая, что «чухонцы живут в Чехословакии», и что около Дворцового моста лежат «кобеля» *) (потому пароходам там нельзя останавливаться), — была назначена в Ярославский Педагогический Институт. А партизан Захар Старов,

---

*) Кабели.

в солдатской шинели 20-ых годов, с оборванным хлястиком, и с клетчатой кепкой на голове, — директором ИПККНО (Институт Повышения Квалификации Кадров Народного Образования).

Не все были таковы. Была среди выдвиненцев и одаренная, любящая и воспринимающая науку молодежь.

* * *

10. НАУЧНАЯ ШКОЛА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ Л. В. ЩЕРБЫ.

Своими глубокими теоретическими исканиями Лев Владимирович Щерба создал научную школу. Около него сгруппировалось много крупных ученых — Владимирцев, Баранников, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, С. П. Бархударов, М. Г. Долобко, Л. П. Якубинский, С. К. Боянус, Я. К. Лоя, О. Н. Никонюва, М. И. Матусевич, С. И. Бернштейн и многие другие, а также выросло вокруг него второе поколение филологов — из аспирантуры Ленинградского университета, Педагогического института имени Герцена и Академии Наук.

Свои теоретические положения Лев Владимирович завершил в предсмертном своем труде «Очередные проблемы языковедения». Он написал этот труд в больнице, в последние дни своей жизни, между двумя операциями. И этой своей стойкостью духа и неослабевающей даже перед лицом смерти любовью к науке он снова показал высокий пример следующим за ним поколениям.

В первой части предсмертного труда Л. В. изложены его взгляды по общим вопросам языкознания: об изучении языка животных, о различии строя языков и обусловленности этого различия, о Морфологической классификации языков и т. д.; затем — о понятии слова, синтагмы, предложения; далее — об изучении языка жестов и речи афатиков, о проблеме понимания и др.

Вторая часть содержит и размышления над современным русским языком и его научной разработкой. Наиболее актуальной задачей для современного русского языкознания Л. В.

считает создание русской грамматики и словаря, которые от-вечали бы живой языковой действительности.

Третья, она же заключительная часть, посвящена различию грамматики пассивного и активного аспектов, что является важнейшей проблемой современной лингвистики. Эта проблема впервые в науке выдвинута Л. В. Щербой. Особенное значение Л. В. придавал активному аспекту.

Грамматика активного аспекта, по мысли Л. В. должна систематически освещать вопросы о выражении катепорий мысли, напр., предикативности, логического суждения с его «S» (субъектом) и «Р» (предикатом), предикативного качественного определения и т. п.

Этот интереснейший по своей научной оригинальности труд оживляется еще обилием материала из русского юбиходного языка текущего времени, и таким образом становится своеобразным документом эпохи.

* * *

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Жизненный путь Льва Владимировича Щербы был покрыт терниями. В разрушительной буре революции и последующей диктатуре советского режима русскому обществу достались тяжелые испытания. И такому выдающемуся человеку, такому целеустремленному к научной истине, к высотам разума, такому глубоко честному во всем, каким был всю свою жизнь Лев Владимирович, пришлось очень тяжело.

Советская власть притесняла его, временами травила за его «идеализм», за «чистый психоанализ», за приверженность к изгнаннику из Советского Союза — И. А. Бодуэну-де-Куртене, за «интеллигентскую мягкость», и за многое другое, что было прирождено русскому интеллигенту, и что так преследовалось коммунистическими идеологами.

Особенно тяжело жилось Л. В. Щербе в годы славы Марра. Лев Владимирович не соглашая почти ни в чем с принципами Яфетидологии. В целом, он считал эту теорию не научной, надуманной исключительно в угоду политическому момен-

ту; многие положения Марра называл «коминтерновскими лозунгами, перенесенными в науку», не верил в четыре первичных звукокомплекса: (сал, бер, рош, ион) — от которых, якобы, произошли языки всего мира.

Н. Я. Марр написал специальный труд на эту тему, озаглавивши «Берская лошадь от моря и до моря». Он стремился доказать, что все названия лошади от Атлантического океана и до Великого происхождения от первичного элемента «Бер»; как например: англ. horse, франц. cheval, нем. Pferd, итал. cavallo, русское — лошадь, конь (древнее — комонь), татарское: лишма, китайское и японское: «ма» и др. — все от различных вариаций звукового элемента «Бер». Но, признавая положительным утверждение о социальном примате в развитии человеческой речи (язык и общество, язык и народ, мысль и язык — как обобщенное целое), Л. В. Щерба открыто полемизировал со всемогущим тогда Н. Я. Марром, и результатом этого было обычное для советской действительности: «снятие с работы» — отстранение от университетской кафедры и от Академии Наук. И только в 30-ых годах, когда стал намечаться поворот генеральной линии партии в сторону внешнего национализма, когда заговорили о «великом русском языке», — тогда только Л. В. снова был призван и в университет и в Академию Наук. Но и тогда еще последователи Марра (которые были «Марристы» больше, чем сам Н. Я. Марр) продолжали травить его. Так вплоть до 40-ых годов Л. В. оставался все лишь Членом-Корреспондентом Академии Наук. При каждой баллотировке в Действительные члены Академии Наук «марристы» выступали против Л. В. Щербы, приклеивая ему стандартный советский ярлык — «идеалист».

Правдивый и яркий образ крупнейшего филолога нашей современности нарисовал академик Б. А. Ларин в некрологе на годовщину смерти Льва Владимировича.

... «Такой высокий человек, негибаемый в верности своим принципам, борец и искатель, жил беспокойно, напряженно, порой бедственно. Этой полнотой превратности и несчастливой жизнью он напоминал нам Рыцаря Печального Образа; в его биографии были не раз встречи с разбойниками на большой дороге. Но он знал и счастье побед, дожил до своего

признания. Только надо было больше беречь этого хрупкого и сильного духом человека. Мы потеряли его слишком рано. Заветы Льва Владимировича нам дороги и долго еще будут вдохновлять нас. Идеи его будут жить и станут достоянием многих».

Как понятен этот ютзвй всем тем, кто хорошо знал Льва Владимировича и испытал на себе и его научное влияние и обаятельность его личности!

Чем привлекал к себе Лев Владимирович своих учеников? Благодаря чему он создал свою научную школу с многочисленной плеядой русских филологов-языковедов?

Ответ на этот вопрос ясен.

Лев Владимирович восхищал своих учеников и коллег острым критическим анализом многих устаревших уже догм как западной, так и русской науки — с одной стороны, а с другой — что было особенно изумительно — стойкий, негибкой волей в борьбе против крайностей марксизма и вообще против диктатуры материализма в науке. Привлекал к себе Лев Владимирович силой своей творческой мысли, изяществом и законностью своих научных положений, стилистическим вкусом, благородным эстетизмом. К этому надо добавить блеск его педагогического и исследовательского таланта и высокий моральный облик.

Лев Владимирович был Учителем в полном смысле этого слова. И даже большевики не могли не признать исключительных заслуг Л. В. и разрешили издать сборник: «Памяти академика Л. В. Щербы (1880-1944): сборник статей». Л., изд. ЛГУ. 1951, стр. 322.

SUMMARY.

Professor M. A. Poltoratzky — author of the given article considers it her obligation to preserve for the history of Russian science the image of an outstanding philologist of the 20th century — the Academician L. V. Scherba.

The article serves as a memorial tribute for the 25th anniversary of the death of L. V. Scherba. The author describes the entire pedagogical and scientific career of the Academician L. V. Scherba. She enumerates his most significant works in various fields of philology (Russian, General Slavic, Romance, North-Caucasian, Transpolar, etc.), analyzes them and indicates their philosophic importance.

The article shows on the basis of data how much L. V. Scherba contributed to Russian scholarship. It also shows how he created his own school in philological science, in spite of continual Soviet political opposition.

In addition, prof. Poltoratzky, on the basis of personal observation, describes the difficult life of Russian intellectuals under the conditions of the Soviet breaking-up of Russian society.

Marianna Poltoratzky

State University of New York
at Albany

Н. Д. Лобанов *)

Творчество русских художников для театральной сцены.

— • —

Огромный расцвет русской живописи начала 20-го века проявился между прочим в творчестве русских художников для театральной сцены. Прежде чем написать обстоятельную историю этого замечательного развития русской театральной живописи в России и за пределами ее, нужно постараться установить все главнейшие факты, т. е., в первую очередь, собрать материал, касающийся отдельных художников: главные данные из биографий и обзор-перечень их главных работ для театра. Составление такого обзора представляет немалые трудности в значительной степени и оттого, что деятельность этих художников протекала в **различных** странах. Из 37 художников, перечисленных ниже, 32 работали в эмиграции ¹⁾, нередко в условиях тяжелой эмигрантской жизни, материальных трудностей, что не помешало им создать изумительные шедевры, обогатившие главные театральные сцены почти всего мира. При этом они нередко переезжали из страны в страну. Но главными центрами их деятельности были все же Париж (Гранд Опера) и Нью-Йорк (Метрополитан Опера), впрочем и Лондон, Берлин, Рим, Милан (Ла Скала) и Монте Карло («Русский балет»). Их произведения украшали театральные сцены и выставки Амстердама, Брюсселя, Стокгольма, Каунаса, Риги, Вены, Праги, Неаполя, Барселоны, Мюнхена, Кельна, Единбурга, а вне Европы — Бостона, Филадельфии, Чикаго, Монреалья,

---

*) Nikita D. Lobanov-Rostovsky, B. A. Oxon, M. S. Columbia.

¹⁾ Из них двое вернулось в Сов. Союз.

Торонто, Сан Франциско, Холливуда, Буэнос-Айреса, Сиднея, Токио и Каира. Тем более важной и необходимой является задача закрепить хотя бы в кратком обзоре память об основных фактах творческой деятельности этих художников, пока это представляется возможным.

Кстати, творчество многих из них уже достигло высокой степени развития еще до отъезда их (в 20-ых годах) из России ²⁾; оно протекало таким образом и в России и за пределами ее.

Прилагаемый очерк составлен из двух частей: в первой дается краткий обзор общего развития новой русской театральной живописи, начиная с конца 19-го века. Во второй части в алфавитном порядке перечислены тридцать семь руководящих русских художников, посвятивших часть своей творческой деятельности именно театральной живописи (даты биографий, хронологический перечень произведений). Это — пока справочный внешний материал, но вместе с существующими уже изданиями он поможет будущему исследователю написать подробную историю этой блестящей страницы русской культуры — победоносного шествия русского театрального искусства, в частности русской театральной живописи, из края в край, начатого уже Дягилевым и его сподвижниками.

Настоящая работа является компиляцией, составленной не только на основании имеющихся уже печатных работ на русском, английском, французском и немецком языках, но также и на основании собранной автором коллекции старых театральных программ, афиш и его разговоров и переписки с рядом русских художников или членами их семей.

Краткий общий исторический очерк и обзор художников предлагается на английском языке, чтобы дать возможность читателю, не знающему русского языка, найти нужную историческую справку.

* * *

---

²⁾ 5 из перечисленных в обзоре художников не покидало России. Один из перечисленных — Врубель, умер в 1910 году.

RUSSIAN PAINTERS AND THE STAGE

I INTRODUCTION

REASONS FOR PUBLISHING DATA ON THE WORKS OF RUSSIAN PAINTERS, MOSTLY OF THE "WORLD OF ARTS" GROUP, RELATED TO THE STAGE

"The ballets and operatic productions of Sergei Diaghilev that burst upon a daylighted Paris in 1908-1909 provoked changes in theatrical scenery and costume design that were both revolutionary and lasting. The legendary artistry of Russian dancers and choreographers was to be brilliantly enhanced and carried forward to Western eyes by the work of her best painters who flourished in the early decades of our century.

Gone were the traditional interiors and landscapes, laboriously constructed to resemble a realistic environment. Instead, the Russian scenes suggested large scale water colors, though by no means mere enlargements of an easel painting, in which harmoniously clad figures danced, mimed and sang. European audiences were dazzled by Alexander Benois' decors and costumes for "Pavillion d'Armide", and "Petrouchka", Nicolas Roerich's for "Prince Igor", "Boris Anisfeld's for "Sadko", Alexander Golovine's for "Boris Godounov", and "Firebird", and those of Leon Bakst for "Cleopatra", "Le Carnaval", and "Scheherazade".

In 1909 and subsequent years, Diaghilev returned to Paris with ballets as well as opera, thus bringing the Russian painters — B. Anisfeld, L. Bakst, A. Benois, I. Bilibine, M. Dobujinsky, F. Fedorovsky, A. Golovine, N. Gontcharova, C. Korovine, M. Larionov, N. Roerich, V. Serov, S. Soudeikine, D. Stelletsky, C. Uon and G. Yakuloff to the

notice of the Western World. These artists rejected traditional modes of naturalism and perspective, while emphasizing rhythmic line and clear color. For the first time in a century, the decor of a show became as important as the music, dancing and acting¹⁾.

Despite this strong impact on the audience by the costume and stage designing art, there is, today, little published information about things as elementary as the painter's full name and his place and date of birth. Looking for more data, such as what production was done where, and when, is a labor of love, often resulting in a frustrating and fruitless search.

The facts presented here have been compiled from existing publications mostly in Russian, English, French and German. Additional information was obtained from correspondence and conversations with the artists, their relatives or friends.

We ask readers who will notice errors or omissions to please write to us indicating the corrections that should be made.

II BRIEF HISTORICAL REVIEW

RUSSIAN PAINTERS AND THEIR ACTIVITY FOR THE STAGE 1885 - 1935

REVIVAL

The renaissance of Russian theatrical painting dates back to the establishment in 1885 of a private opera house in Moscow by Sava I. Mamontov. This railroad millionaire had a great interest in opera, and an excellent eye for painting. Instead of using painter-technicians which were employed by all theatres of that time, he invited well-known easel painters to design the costumes and settings of his productions. V. Vasnetzov, the renowned painter of Russia's history, M. Vroubel, the giant of modern Russian painting and C. Korovine, the

---

¹⁾ G. Annenkov's introduction to the "Russian Stage and Costume Designs" opus cit. p. . . .

impressionist, were among his early collaborators. During most of the nineteenth century, scenery was just a background against which the actor, singer or dancer moved, but in Mamontov's opera house it was used to provide a beautiful picture in unity with the action on the stage, evoking a fitting scene of style and atmosphere.

In 1898, Stanislavsky and V. I. Nemirovitch-Dantchenko founded the Moscow Art Theatre. Like Mamontov, they used famous contemporary painters, such as V. A. Somov, N. Krimoff and M. Dobujinsky, to design their settings. These, in addition to their skills as painters, knew intimately the problems of working for the theatre and collaborated closely with the producer in staging a show.

THE "WORLD OF ART"

1899 will remain an important date in Russian art. In that year, S. P. Diaghilev established an art magazine called "Mir Iskustva" (World of Art). Among its staff and contributors were leading Russian painters such as A. Benois, Lev S. Bakst, M. V. Dobujinsky, C. Korovin, who became known as painters of the Mir Iskustva group. The aim of the magazine was to make Russians aware of their great cultural heritage and the value of their national arts, from Scythian treasures of the 6th Century B. C., to contemporary artistic trends.

The financial difficulties of the magazine, its death, and subsequent professional disappointments of Diaghilev turned his attention to the performing arts, where the new ideas he shared with his friends could be shown to the public right away.

PARIS

In 1908 Diaghilev brought "Boris Godounov" to Paris. He called upon a colorful and refined painter, A. Y. Golovine, to design its decor, while the costumes were done by I. Y. Bilibine, a stylized and graphic artist. Parisians were overwhelmed by the virility and dramatic intensity of Mussorgsky's music and the quality and color impact of the settings and costumes. Encouraged by this success, Diaghilev returned to Paris the following year, and in addition to opera, brought with him four ballets, at the urging of A. N. Benois. On the Paris stage appeared the brilliant colors and sensuousness of L. Bakst, the great refinement and charm of A. Benois, the neat colors and style of I.

Bilibine, the free sweeping brushwork of C. Korovine, the savage and grandiose quality of N. Roerich's work, the great mastery of V. Serov and the medieval style of D. Stelletsky. All these artists had rejected the traditional modes of naturalism and perspective. They emphasized rhythmic line and color. For the first time in a century, Western audiences saw the decor of a show holding a place on the stage as important as the music, dancing and acting.

During the next three years, Diaghilev showed his opera and ballet productions on European stages clad in the works of his aforementioned associates, as well as B. Anisfeld, M. Dobujinsky, F. Fedorovsky, C. Uon and S. Soudeikin. In 1914 he brought with him, N. Gontcharova and M. Larionov. The former's fantasy and clear joyous colors together with the latter's refined primitivism marked the transition in Diaghilev's productions from neo-romanticism to the distorted, from the curved form to an angular one.

RUSSIA

In the 1900's the Moscow and St. Petersburg stages were booming with activity, employing a large number of artists of different styles and manners of work. B. Anisfeld with his classical line, G. Annenkov with touches of cubism, N. Kalmakov, the eccentric sensualist, S. Soudeikine, the powerful colorist, were among those employed by V. F. Komisarjevska's Theatre in St. Petersburg. A. M. Arnshtam worked for the Passage Theatre. A. K. Schervashidze for the Maryinsky Theatre. Zimine's Opera House in Moscow used the talents of I. Bilibine and E. Dunkel among others.

NEW TRENDS

In the late 1910's and 1920's, the Russian stage came under the influence of cubofuturism, expressionism, and constructivism. The constructivist painters, lead by their founder V. E. Tatlin, rejected the principals of artistic realism and adopted the decor as a work bench on which actors performed and exposed to the viewer the mechanism of the stage settings. The Moscow Kamerny Theatre had as collaborators numerous painters of such tendencies, among them A. A. Exter and G. B. Yakoulov.

POST WAR EUROPE

The war years separated Diaghilev from his closest collaborators and advisors, like Benois, who had remained in Russia. This, and the constant search for novelty led him to change his decorative policy. Western artists had been influenced by the stage designs of their Russian colleagues, and Diaghilev began to rely heavily on them.

With the revolution, Russian emigres, including leading artists in all fields, settled in most European capitals. In Berlin, P. Tchelitchev was showing his mastery of combining light, energy, motion and color. I. Pougny and L. Zack were there too, working under the influence of cubism. G. A. Pogedaieff designed for the Russian Romantic Theatre. In Prague, M. F. Andreenko was creating constructivist sets for local and foreign theatres.

Paris, however, was the real center of attraction for Russian painters, and N. Balieff's Theatre de la Chauve-Souris (The Bat Theatre) was the largest competitor to Diaghilev's company in the amount of talent employed. On the Bat stage were seen and admired the settings of Nicolai A. Benois, working in the style and tradition of his father, as well as those of N. V. Remisov, V. I. Shouhaiev, S. Soudeikine, S. V. Tchekhonine and others.

In 1922, when Balieff visited the U. S., concurrently with the Moscow Art Theatre, many of his artists came with him. Among them were Remisov and Soudeikine who did not return to Europe, and who put their talents to work in U. S. ballet and opera companies. During the late 1920's and in the 1930's Paris remained the cradle for Russian painters. E. G. Berman, S. M. Lissim, and A. E. Iakovleff were there in addition to the older masters. Former Diaghilev collaborators had joined the numerous, splinter companies created after his death, such as the de Basil Ballet Co. and I. Rubinstein, V. Nemtchinova or B. Nijnska's ventures, or Maria Kuznetzova's Opera Prive de Paris, later renamed Opera Russe de Paris.

In the 1930's realism was established as the only acceptable form for the Soviet Stage, where N. P. Akimov and F. F. Fedorovsky were among the leading designers.

INGLUENCE

The vigor and variety of artistic imagination which Russian pain-

ters brought to the service of the stage, exerted considerable influence on Western painters and continues to animate contemporary productions.

American and European ballet, opera and theatre audiences may still view with delight the work of such Russian born painters as B. Aronson, Nicolai A. Benois, E. G. Berman, M. Z. Chagal, E. Dunkel, Rouben Ter-Arutunian and G. Wakevitch to name a few.

III ALPHABETIC SURVEY OF INDIVIDUAL PAINTERS

NICOLAI PAVLOVITCH AKIMOV.

His style is characterized by graphic precision and neatness of form.

Born April 3, 1901 in Harkov; died in Moscow August 7, 1968.

- 1915-1919 Studied under M. Dobujinsky, A. E. Iakovleff and V. I. Shouhaiev in Petrograd.
- 1922 First Theatrical work in Harkov Childrens Theatre.
Designed decors and costumes, among other for:
- 1926 "The End of Krivolsk", by Romashov, Leningrad Academy Theatre.
- 1928 "Man with the Briefcase", by Faiko, Moscow Theatre of the Revolution.
- 1940 "School for Scandal", by Sheridan, Moscow Art Theatre.
- 1945 "Marine Officer", by Krone, Moscow Art Theatre.

MIHAIL FEDOROVITCH ANDREENKO

Predominantly a constructivist stage designer.

Born Dec. 29, 1894 in Herson, Ukraine; now living in Paris.

- 1912 Starts studies in the school of the "Society for the Encouragement of Arts" in Petersburg, under Roerich, Bilibine and Rylov.

- 1915-16 Works as assistant stage designer in the Suvorinsky Theatre. Exhibits at the show of the Society of "Creative Artists". Begins working in the cubist style.
- 1917 Graduates from the law faculty of Petrograd University.
- 1919 Designs costumes and decors for "Electra" by Hofmannsthal, "Twins" by Plautus, "Action about Teofil" by A. Blok, and "Four Hearts" by K. Miklashevsky, all for the Kamerny Theatre in Odessa, under the direction of K. Miklashevsky.
- 1921 "Harlequin's Millions", ballet by R. Drigo, chor. B. Romanov, Royal Opera House, Bucarest.
- 1921-3 Works in Czechoslovakia in the following theatres: at the Czech National Theatre — Narodni Divadlo, on the plays: "Mazanek" by von Vizen, "Jan Hus" by A. Kotomkin and "Revoluce" by A. Fonel.
At the Neues Deutsches Theater: "Morer, Hoffnung der Frauen", "Santa Suzanna" and "Das Nusch-Nuschi" all three music by P. Hindemith.
At the Kleine Buhne Theater: "Cosi Fan Tutte" opera, music by Mozart.
At the Russian Kamerny Theatre, under the direction of S. Strenkovsky: "Secrets of the Forests" by E. Chirikov, "The Death of Paul I" by D. Merejkovsky, "Nobleman's Nest" by I. Turgenev, "Crime and Punishment" by F. Dostoevsky, "Life of a Man" and "Days of Our Life" by L. Andreev. "Love a Golden Book" by A. Tolstoi, "The Storm", "Bitter Heart" and "Wolves and Sheep" by A. Ostrovsky.
- 1924 Settles in Paris. "Crime and Punishment" by Dostoevsky, Odeon Theatre, Paris.
- 1925 "Les Maris Contents" by Mendes, under the direction of F. Komisarjevsky, Theatre l'Arc en Ciel, Paris.
- 1926 Exhibited in "International Theatre Exposition", N. Y. Executes the decors after Gontcharova's sketches for "Fire Bird" for Diaghilev. "Mouchoir de Nuages" by Tristan Tzara, Theatre de la Cigale, Paris.
- 1927 Exhibits at "Theater Exhibition", London.
- 1928 Stops working for the theatre and concentrates in easel painting. His style then changes from cubism to constructivism, surrea-

lism and realism. During the 1950's concentrates on abstract constructivist works.

BORIS IZRAELEVITCH ANISFELD (Boris Anisfeld)

Expert scenic painter who stopped working for the stage in the mid 1920's

Born October 2, 1879, in Bieltsy, Bessarabia, currently living in Chicago, Ill.

1895-1901 Odessa School of Art.

1901 Entered Academy of Arts, St. Petersburg.

1904 Married and took trip across Russia.

1905 Exhibits in Diaghilev's contemporary and retrospective exhibition of Russian Art in St. Petersburg.

1906 Some of his works shown in the Salon d'Automne, Paris. Designs costumes and decor for "The Feast of Balthazar" opera by A. N. Koroshchenko, St. Petersburg.

1907 Designs costumes and decor for "Zobeida's Wedding" play by Hugo von Hoffmansthal in V. F. Komisarjevskia Theatre, St. Petersburg.

1908 "Boris Godounov", decor in conjunction with Golovine.
"Egyptian Nights", mus. A. S. Arensky chor. Fokine, Maryinsky Theatre, St. Petersburg.

1909 "Ivan the Terrible", Paris, together with Golovine and Roerich.

1911 Costumes and decor for "Sadko", Diaghilev Ballet Russe, Châtelet Theatre, Paris, "The Ocean" play by L. Andreyev.

1912 "Islamey" music by S. M. Liapounov, chor. by Fokine, Maryinsky Theatre, St. Petersburg. "Azaide" mus. by Huttel, chor. by Mordkine, Moscow. Participates in International Exhibit, Malmoe, Sweden, Milan, London, Amsterdam.

1913 "Les Sylphides", music by Chopin; "Le Spectre de la Rose", music by Weber; "Seven Daughters of the Mountain King", ballet in one act, music by A. Spendiarov, chor. Fokine; "Les Preludes", music by Liszt, chor. Fokine (these four ballets for A. P. Pavlova Ballet Co., Berlin).

1917 Exhibited at "Venok" Exhibition, Moscow.

1918 Left for the U. S. A. via Vladivostok, Japan and Canada with a large collection of his work. Settled in New York. Exhibited at:

- Brooklyn Museum, New York, Boston Art Club, Albright Art Gallery, Buffalo, New York, Cleveland Museum of Art.
- 1919 "La Reine Fiammette", opera by Xavier Leroux and Catulle Mendès, Metropolitan Opera, Premiere, January 24; "The Blue Bird", opera by A. Wolff after Maeterlinck, Metropolitan Opera, first performance December 27.
- 1921 Costumes and decor for "Love of Three Oranges", music by Serge Prokofiev, Chicago Lyric Opera, and for "The Snow Maiden", music by Rimsky-Korsakov, Metropolitan Opera, New York City.
- 1923 Costumes and decor for "Le Roi de Lahore" by Jules Massenet, and "Mephistopheles" by A. Boito, Metropolitan Opera Co., New York.
- 1926 "Azaide", music by J. Giutel, chor. M. Mordkin, and "Carnival" music F. Liszt et al., chor. M. Mordkin, Mordkin Ballet Co., Philadelphia.
- 1928 Joins Chicago Art Institute as head of Advanced Painting Department until 1956.
- 1968 Retrospective exhibition of 75 stage designs, Vincent Astor Gallery, Lincoln Center, New York.

YOURY PAVLOVITCH ANNENKOV (Georges Annenkov)

A painter and writer who was active in the new theatrical trends of post revolutionary Russia.

Born July 11, 1889, Petropavlovsk, now living in Paris.

- 1908 Studies with Chagall in Seidenberg's school in St. Petersburg.
- 1911 Moves to Paris and takes lessons from Felix Vallotton.
- 1913 Starts working for the stage in the Deforming Mirror Theatre, St. Petersburg; first costumes and decor were for the play "Homo Sapiens" by Benedict.
- 1914 Costumes and decor for "Salamanca Cave" by Cervantes and "A Letter" by Teffi, Summer Theatre, Kuokkala, Finland; "A Christmas Carol" by Dickens and "A Scabrous Adventure" by Dostoevsky, Komisarjevskaja Theatre, Moscow.
- 1915 Costumes and decor for N. Balieff's Theatre, La Chauve Souris; for "The Chinese" and the "Rabbits" by Chekhov, plus four other plays.

- 1916 - 1918 Worked on eleven production of plays at the Deforming Mirror Theatre, the Grand Dramatic and Komisarjevska Theatres.
- 1919 Staged with his own costumes and decor "The First Distiller" by L. Tolstoi in the Model Hermitage Theatre, organized by Meyerhold. Published in "Theatre and Art" on article on the importance of the circus, under the title "The Gay Sanatorium". Its result was the opening of a State Theatre called "The People's Comedy", directed by Radlow, where artists of the drama circus and variety shows created for the first time a permanent united group. A year later Meyerhold proclaimed that the acrobatic development of the actor was a necessity and called it "Biomechanics".
- 1920 In May took part as a producer (with Kugel) and decorator (with Dobujinsky and Szczuko) in the creation of a "Mass Show" in the open, on the portal of the Stock Exchange, Petrograd, called "Hymn to the Liberated Labor" (2,500 actors; 35,000 spectators). In September staged with Evreinov, Petrov and Kugel with his own costumes and decor the realization of the most grandiose performance of the century — "The Seizure of the Winter Palace" (8,000 actors; 150,000 Spectators); staged on the Winter Palace Square.
- 1921 Costumes and decor for 7 plays, mostly for the Free Comedy Theatre, Petrograd.
- 1922 Costumes and decor for the "Aeolian Harp" and "The School of Stars" by Evreinov, Free Comedy Theatre, Petrograd.
- 1923 "The Revolt of Machines" by A. Tolstoy (costumes and decor), Great Drama Theatre, Petrograd.
- 1924 Emigrates to Paris. Since then has produced costumes and decor for 47 plays, 13 ballets, and 4 operas and 53 movies.
- 1946 Founded with G. Benda and Ch. Benard the section of "Costume Creations" within the syndicate of Technicians in French Cinematography. Remained its President until 1955.
- 1951 Published "While Costuming Stars", a book on the creation of costumes for the cinema; publ. Robert Martin, Paris.
- 1954 Received an honorary diploma from the Academy of Cinematographic Arts and Sciences of Los Angeles (Oscar) for his costumes in the play "Madame de".

ALEXANDER MARTINOVITCH ARNSHTAM

Primarily a Graphic Artist and Illustrator.

Born March 28, 1881, Moscow; now living in Paris.

Has made costumes & decors for:

- 1914 "Street Countess" Viennese operette, Nezlobin's Theatre, Petrograd.
- 1922 Costumes for concert series on contemporary Jewish music, Berlin.
- 1924 "Countess and Servant", "Carnaval", ballet based on music by R. Schumann, "Foxtrot in Heaven", by Fooks, "Circus", and other ballets in the Theatre Gloria-Palace, all in Berlin.
- 1936 "The Flood", Theatre Vendome, Paris.
- 1963 "Nana", mus. H. Tomasi, chor. J. Combe, based on E. Zola's book, Strasburg.

LEV SAMOILOVITCH ROSENBERG (Leon Bakst)

Characterized by Exuberant and exotic colors and sensuous designs.

Born May 10, 1866, in St. Petersburg, died December 26, 1924 in Paris.

- 1893 After graduation from the Academy of Arts, St. Petersburg, leaves to study in Paris.
- 1900 Returns to St. Petersburg, where he illustrates books and magazines. First theatrical production for "Le Coeur de la Marquise", a pantomime, Hermitage Theater, Petersburg.
- 1902 Starts working for Alexandrinsky Theatre, St. Petersburg. Designs decors and costumes for "Hippolitus" tragedy by Euripides.
- 1903 Decors and costumes for the "Fair of the Puppet".
- 1906 Curtain for "Balagantchik" by Blok, directed by Meyerhold, Komisarjevskaja Theatre Petersburg.
- 1908 Decors and costumes for some of Fokin's ballets.
- 1909 Expelled from St. Petersburg for being a Jew, and deprived of residency. Emigrates to Paris and joins Diaghilev's Ballets Co. Abandons painting and dedicates his work exclusively to the stage. Decors and costumes for "Cleopatra", drama in one act by Pushkin, music by A. Arensky, chor. Fokine; some costume for

- "Le Festin", music by Rimsky-Korsakov, chor. Fokine; in collaboration with V. Serov, decors and costumes for "Judith", opera by A. N. Serov, produced by Diaghilev, Chatelet Theater, Paris.
- 1910 Decors and costumes for "Carnaval" music by Schumann, chor. Fokine, for Diaghilev, Theater des Westens, Berlin; decors and costumes for "Sheherazade", chor. Fokine, music, R. Korsakov, for Diaghilev, Paris Opera; "Le Dieu Bleu", chor. Fokine, mus. R. Hahn; two costumes for "The Firebird"; decors and costumes for "Sadko", not produced.
- 1911 Decors and costumes for "Narcisse", chor. Fokine, mus. Tche-repnine; "Le Spectre de la Rose", chor. Fokine, mus. Weber, for Diaghilev, Monte Carlo; costumes for "L'Oiseau d'Or" chor. Petipa, mus. Tchaikovsky; "La Peri", chor. Fokine, not produced; and "Le Martyre de St. Sebastien", chor. Fokine, mus. Debussy, produced by I. Rubinstein, Theatre du Chatelet, Paris.
- 1912 Decors and costumes for "Thamar", chor. Fokine, mus. Balakirev; "Daphnis and Chloe", chor. Fokine, mus. Ravel; "L'Apres-Midi d'un Faune", chor. Nijinsky, mus. Debussy, all for Diaghilev at the Theater de Chatelet, Paris; "Helen de Sparte" for I. Rubinstein, Paris Opera.
- 1913 Decors and costumes for Act IV of "Boris Godounov"; decors and costumes for "Jeux", chor. Nijinsky, mus. Debussy, for Diaghilev at Theater des Champs-Elysees, Paris; "Phaedra" play by d'Annunzio, mus. I. Pizzetti, for I. Rubinstein, Theatre du Chatelet, Paris.
- 1914 Costumes for "Papillions", chor. Fokine, mus. Schumann for Diaghilev, Monte Carlo; "La Legende de Joseph", chor. Fokine, mus. R. Strauss, for Diaghilev, Paris Opera.
- 1917 Costumes and decors for "Les Femmes de Bonne Humeur". chor. Masine, mus. Scarlatti, for Diaghilev, Teatro Costanzi, Rome.
- 1919 Decors and costumes for "Nocturne de Chopin"; "Aladin ou la Lampe Marveilleuse", Revue Rip, Theatre Marigni, Paris.
- 1921 Decors and costumes for "The Sleeping Beauty", (La Belle au Bois Dormant) chor. Petipa, mus. Tchaikovsky for Diaghilev, Alhambra Theater, London.
- 1922 Costumes for "Artemis Trouble", bal. by L. Bakst, mus. P. Paray for I. Rubinstein, Paris Opera.

- 1924 "Istar" bal. by L. Staats, mus. V. d'Indy, for I. Rubinstein, Paris Opera.
- 1928 Costumes from "Daphnis and Chloe", subsequently used with a few new costumes for "Les Dieux Mendiants", chor. G. Balanchine, mus. G. F. Haendel, for Diaghilev, H. M. Theater, London.

ALEXANDRE NIKOLAEVITCH BENOIS

Had a gift of recapturing the essence of the most diverse periods and places.

Born May 4, 1870, St. Petersburg, died February 9, 1960, Paris

- 1894 Graduates from Moscow Law School.
- 1900 First theatrical costumes for "Love's Vengeance" by A. S. Taneev, Hermitage Palace Theatre.
- 1901 Creates magazine "Artistic Treasures of Russia". Designs decor for first act of "Sylvia", ballet by Delibes (not produced).

Designs costumes and decors for:

- 1902 "Twilight of the Gods", opera by Wagner, Maryinsky Theatre,
- 1907 "Pavillion d'Armide", ballet, music by Tcherepnine, Maryinsky Theatre, St. Petersburg. Costumes for Evreinov's play "The Fair", Old Theatre, St. Petersburg.
- 1908 "Boris Godounov", decor for act IV, for Diaghilev. "The Cheated Buyer", music by Clementi, chor. Fokine, Russian Merchant's Club, St. Petersburg. "The Ancestress", tragedy by Grillparzer, Komisarjevskaja's Theatre, St. Petersburg.
- 1909 "Les Sylphides" chor. Fokine; some costumes for "Le Festin", chor. Fokine; "Pavillion de Armide", chor. Fokine, all three for Diaghilev, Theatre du Châtelet, Paris.
- 1910 "Giselle", chor. Coralli and Perrot, for Diaghilev, Paris Opera.
- 1911 "Petrouchka", ballet by Stravinsky and Benois, for Diaghilev, Theatre du Châtelet, Paris.
- 1912 "Le Malade Imaginaire", comedy by Moliere, Stanislavsky's Moscow Art Theatre.
- 1913 "La Locandiera", play by Goldoni, and Moliere's play "The Unwanted Marriage", Moscow Art Theatre.
- 1914 "Le Rossignol", opera by Stravinsky, chor. B. Romanov, for Diaghilev, Paris Opera.

- 1915 "The Stone Guest", play by Pushkin, produced by Nemirovitch-Dantchenko, Moscow Art Theatre.
- 1916 "Boris Godounov", Paris; "Les Sylphides", Madrid; "Petruchka", Madrid.
- 1917 "Petrouchka", Maryinsky Theatre, Petrograd.
- 1919 "Pavillion d'Armide", Maryinsky Theatre.
- 1920 "Petrouchka", Bolshoi Theatre; "Tzarevitch Alexey", by Merjvekovsky and "Merchant of Venice", Bolshoi Theatre.
- 1921 "Queen of Spades", opera by Tchaikovsky, Maryinsky Theatre and two Molière plays at Bolshoi Theatre.
- 1922 "Les Noces d'Aurore", chor. Petipa, music by Tchaikovsky, for Diaghilev, Paris. "Julius Caesar", Bolshoi Theatre.
- 1923 "Le Bourgeois Gentilhomme", comedy by Molière, Academic Theatre, Leningrad; "La Dame Aux Camelias", for Ida Rubinstein, Theatre Sarah Bernhard, Paris; "Midsummer Nights Dream", Peoples' House Theatre, Leningrad.
- 1924 "Le Medicin Malgre Lui", music by Gounod, chor. Nijinsky, for Diaghilev, Monte Carlo. "Philemon et Baucis", opera by Gounod; (This was his last association with Diaghilev.), Monte Carlo, "Giselle", Paris Opera.
- 1925 "The Idiot", play by Dostoievsky, for I. Rubinstein, Theatre Vaudeville, Paris, "Napoleon", film by A. Hans.
- 1926 "Marriage of Figaro", comedy by Beaumarchais, Bolshoi Theatre, Moscow; Emigrates to Paris.
- 1927 "Le Coq d'Or", Paris Opera. "Ruy Blas", play by V. Hugo, Comedie Francaise, Paris. "The Marriage of Amour and Psyche", ballet by Benois, music, J. S. Bach and A. Honneger, for I. Rubinstein.
- 1928 "La Bien Aimee", music by Schubert; "Bolero", by Ravel; "Fairy's Kiss", music by Stravinsky; "David", music by A. Sanguet, chor. Massine; "Nocturne", ballet by Benois, music A. P. Borodin; "The Loved One", ballet by Benois, music F. Schubert; all six for I. Rubinstein, Paris Opera.
- 1929 "Boris Godounov"; "Alexina's Delight", ballet by Auric; "La Valse", music by Ravel for I. Rubinstein, Paris Opera.
- 1930 "Sadko", and "Petrouchka", Theatre des Champs Elysees, Paris. Name crossed from list of employees of the Hermitage, Leningrad. "Petrouchka", Copenhagen. "Michel Strogoff", film.

- 1931 "Amphion", music Honegger, chor. Massine, for I. Rubinstein.
- 1932 "Carmen", Theatre de L'Opera, Paris. "Bourgeois Gentleman", Monte Carlo.
- 1934 "Diane de Poitiers", music Ibert; "Semiramide", mus. by A. Honegger, both chor. Fokine, for I. Rubinstein, Paris Opera.
- 1935 "Psyche" mus. by C. Franck, Opera Comique, Paris.
- 1936 "Petrouchka", Ballet Russe de Monte Carlo. "Don Quijote", film.
- 1938 "Nutcracker" and "Le Jongleur de Notre Dame" by Massenet, for La Scala, Milan.
- 1939 "Boris Godounov", version of 1916 production; project.
- 1940 "Graduation Ball", ballet by Lichine, music J. Strauss, Ballet Russe de Monte Carlo, Theatre Royal, Sydney; "The Naked King", ballet, Paris.
- 1942 "Don Felipe", opera by K. Konstantinov, Theatre Pigalle, Paris.
- 1945 "Swan Lake", and "Raymonda", for S. Hurok, N. Y. City.
- 1946 "Falstaff", by Verdi, La Scala; "La Boheme", by Puccini, Cambridge Theatre, London.
- 1947 "Petrouchka", and "Lucia de Lammermor" by Donizetti, for La Scala.
- 1948 "Masked Ball", by Verdi, La Scala; "Giselle", Paris Opera; "Le Coq d'Or", Paris Opera.
- 1949 "Birch Trees", ballet by K. Konstantinov, Paris; "La Sagesse" by S. Miguel, Perugia; "Petrouchka", Paris Opera; "La Favorite", "Faust", "Swan Lake", "Troubadour", and "Falstaff", all for La Scala.
- 1950-4 Thirteen productions for La Scala including: "Les Sylphides", "Giselle", "Werther", "André Chenier", "Traviata", "Petrouchka", "The Sleeping Beauty", "Rigoletto", "Sonnambula", and "Eugene Onegin".
- 1956 "Petrouchka", Vienna Opera House. "Manon Lescaut", by Puccini, La Scala.
- 1957 "Petrouchka", for Copenhagen and Covent Garden. "The Nutcracker", London, and Copenhagen.

NIKOLAI ALEKSANDROVITCH BENOIS

Born May 2, 1901, Oranienbaum; currently resides in Milan, Italy.

List of Theatrical Works

- 1920-21 "Northern Heroes", by Ibsen, Bolshoi Dramatic Theatre, St. Petersburg. "Midsummer Night's Dream", by Shaekspeare, People's House, Petrograd.
- 1922-23 "Julius Caesar", by Shaekspeare, Bolshoi Dramatic Theatre, Petersburg. "The Seasons", ballet by A. Glazounov, State Academic Theatre, Petrograd.
- 1924-25 "Le Grand Opera Italien", Baliev's Chauve Souris, Theatre Femina, Paris. "Love Accdring to Rank"; "Dnieper Cossacks" inspired by Repin's picture; "Wedgewood Porcelain"; Les 4 Cadavres"; "Gostiny Dvor", all five for Baliev's Chauve Souris, Theatre Femina, Paris. "Invitation to the Dance", A. Pavlova Ballet, Covent Garden, London.
- 1925-26 "Khovanshchina", by Mussorgsky, Teatro alla Scala, Milan, "Crime and Punishment", by Pedrollo, Teatro alla Scala, Milan, (following Dostoievsky).
- 1926-27 "Boris Godounov" by Mussorgsky, Teatro alla Scala, Milan. "Sorochintsy Market", by Mussorgsky, Stadtische Opera, Berlin "Hansel and Gretel", by Humperdinck, Teatro Colon, Buenos Aires. "Tzar Saltan", by Rimsky-Korsakov, Teatro Colon, Buenos Aires. "Khovanshchina" (new set), by Mussorgsky, Stadtische Staatsoper, Dresden.
- 1927-32 Five Year contract with the Royal Opera, Rome.
- "Lucia de Lammermoor" by Donizetti
- "Norma" by Bellini
- "Mephistopheles" by Boito
- "The King" by Giordano
- "Boris Godounov" (with Chaliapin), by Mussorgsky
- "Lorelei" by Catalani
- "Rhinegold" by Wagner
- "Walkuere" by Wagner
- "Siegfried" by Wagner
- "Goetterdaemerung" by Wagner
- "Tristan and Isolde" by Wagner

- "The Drowned Bell" by Respighi
- "Ressurrection" by Alierano.
- "Iris" by Mascagni
- "William Tell" by Rossini
- "La Sonnambula" by Bellini

During this period N. Benois designed productions for other theatres.

- 1929-30 "Tsar Saltan" (in new setting), by Rimsky-Korsakov, Teatro alla Scala.
- "Khovanshchina" (in new setting), by Mussorgsky, Staatsoper, Dresden.
- "The Fire Bird" ballet by Stravinsky, Stadtische Opera, Berlin
- "Egyptian Mary", by Respighi, Augusta Theatre, Rome.
- 1931-32 "Balkis", by Respighi, chor. Myassin, Teatro alla Scala, Milan.
- "Romeo and Juliet", by Zandonai, Teatro alla Scala, Milan
- "Lorelei", by Catalani, Teatro dall'Arena, Verona
- "Scheherazade", ballet by Rimsky-Korsakov, Teatro dall'Arena, Verona.
- 1932-36 "Love for Three Oranges", chor. Sonzanio, Teatro alla Scala, Milan
- "La Boheme" by Puccini, Teatro alla Scala, Milan
- "Hernani" by Verdi, Teatro alla Scala, Milan
- "The Legend of the City of Kitej", by Rimsky-Korsakov, Teatro alla Scala, Milan
- "The Flame" by Respighi, Royal Opera, Rome
- "Oberon" by Weber, Royal Opera, Rome.

In 1936 Benois is appointed director of artistic setting and chief decorator of the Teatro alla Scala. From now on his artistic activity in this Theatre becomes more intensive and permanent.

- 1937-39 (main works only)
- "Sadko", by Rimsky-Korsakov, Teatro alla Scala
- "Moses", by Rossini, Teatro alla Scala
- "Boris Godounov" (new setting) by Mussorgsky, Teatro Comunale, Florence
- "Prince Igor", by Borodin, Narodno Divadlo, Prague.

- 1938 "Boris Godounov" (new setting), Teatro Comunale, Florence
"Macbeth", by Verdi, Teatro alla Scala, Milan
"La Boheme", by Puccini, Teatro alla Scala, Milan
"Debora and Jela", by Pizetti, Teatro alla Scala, Milan
"Sleeping Beauty", by Tchaikovsky, Teatro alla Scala, Milan
"The Legend of the City of Kitej", by Rimsky-Korsakov, Narodno Divadlo, Prague
"Spanish Capriccio", by Rimsky-Korsakov, Teatro alla Scala,
"Quiet Flows the Don", by Dzerjinsky, National Opera, Brno
"Aida", by Verdi, Caracalla Theatre, Rome
"Turandot", by Puccini, Caracalla Theatre, Rome
- 1939 "La Boutique Fantasque", ballet by Respighi-Rossini, Colon Theatre, Buenos Aires;
"Electra", by Strauss, Colon Theatre, Buenos Aires
"La Boheme", by Puccini Colon Theatre, Buenos Aires
"The Sleeping Beauty" (new setting), by Tchaikovsky, Royal Opera, Rome.
- 1940 "Fountains of Rome", ballet by Respighi, Teatro alla Scala, Milan; "The Golden Cockerel", by Rimsky-Korsakov, Royal Opera, Rome.
"Faust", by Gounod,
"Poliuto", by Donizetti, Teatro alla Scala
- 1941-45 "Orpheus", by Monteverdi, Teatro alla Scala
"The Tempest", by Latuada, Teatro alla Scala
"Mephistopheles", by Boito, see note, Como
"Turandot", by Puccini, see note, Teatro Lirico
"Talioni", ballet by Vitadini,
"Rigoletto", by Verdi

Note.— After destruction by bombs, on Aug. 16, 1943, the Scala Theatre gave performances in other cities (Como, Bergamo) and in the Teatro Lirico.

After the war, during reconstruction of the building, the Scala gave several performances in the Milan Palace of Sports. For some of these shows Benois created:

"Aida", by Verdi

"Coppelia", by Delibes

1946-47 (return to the rebuilt Teatro alla Scala)

- “La Boheme”, by Puccini
“Reminiscences”, ballet by Mangiagalli
1947-48 “Otello”, by Verdi, Teatro alla Scala
“Turandot” (new setting), by Puccini, Teatro alla Scala
“Ressurrection”, (new setting), by Alfano
“Joan of Arc”, by Honneger-Claudel, Colon Theatre, Buenos Aires
“Prometheus”, ballet music, by Beethoven, Colon Theatre, Buenos Aires
“Prince Igor” (new setting), by Borodin, Colon Theatre, Buenos Aires
“The Force of Destiny” (new setting), by Verdi, Colon Theatre, Buenos Aires
“Don Carlos”, by Verdi, Colon Theatre, Buenos Aires
“Daphnis and Chloe”, ballet, mus. by Ravel, Teatro alla Scala, Milan
“La Valse”, ballet, mus. by Ravel
1948-49 “Carillion Magico, by Mandiagalli, Teatro alla Scala
“La Forza del Destino”, by Verdi, Teatro alla Scala (new setting)
“Walkuere”, by Wagner, Teatro alla Scala (new setting)
“Prince Igor”, by Borodin
“Khovanshchina”, by Mussorgsky, both for Teatro alla Scala
1949-50 “La Boheme”, by Puccini,
“Boris Godounov”, by Mussorgsky,
“Peter and the Wolf”, ballet, mus. by Prokofiev,
“Rheingold”, by Wagner,
“Siegfried”, by Wagner,
“Goetterdaemerung”, by Wagner,
“Samson and Dalila”, by St-Saens,
“Moses”, by Rossini, all for Teatro alla Scala, (the last one new setting)
1950-51 “Parsifal”, by Wagner, Teatro alla Scala, Milan
“Le Sacre du Printemps” ballet by Stravinsky, Opera Theatre, Rome
“La Boutique Fantasque” (new setting), by Respighi, Teatro alla Scala
“Le Martyre de St-Sebastien”, by Debussy, Teatro alla Scala

- “Khovanshchina” (new setting), by Mussorgsky, Opera Theatre, Rome
- “The Legend of the City of Kitej” (new setting), by Rimsky-Korsakov, Teatro alla Scala
- “Vespri Sicilliani”, by Verdi, Teatro alla Scala
- “The Storm” (adapted from Ostrovsky), by Rocca, Teatro alla Scala
- “The Mastersingers”, by Wagner, Teatro alla Scala
- “Coppelia” (new setting), ballet by Delibes, Teatro alla Scala
- “Deborah and Lela” (new setting), by Pizzetti, Teatro alla Scala
- “Don Carlos” (new setting), by Verdi, Teatro alla Scala
- “Aida” (new setting), by Verdi, Teatro dell’Arena
- “Traviata”, by Verdi, Teatro La Fenice, Venice
- 1952-53 “The Enamoured River”, ballet by Bianchi ?, Teatro alla Scala
- “Macbeth”, (new setting), by Verdi,
- “Gioconda”, by Pcnchielli,
- “Cagliostro”, by Pizzetti,
- “Mazagnello”, by Napoli,
- “The King’s Daughter”, by Lualdi, Teatro Comunale, Florence
- “Boris Godounov”, (new setting), Teatro dell’Arena, Verona
- 1953-54 “Ballo delle Ingrate”, by Monteverdi, Teatro alla Scala
- “Wally”, by Catalani, Teatro alla Scala
- “Joan of Arc” (new setting), by Honneger-Claudel, Teatro alla Scala
- “Mephistopheles” (new setting), by Boito, Teatro Massime, Palermo
- “Les Noces”, ballet by Stravinsky, Teatro alla Scala
- “Esmeralda”, ballet mus. by Puni, London Festival Ballet, London.
- 1954-55 “David”, by Milhaud, Teatro alla Scala
- “Freischutz”, by Weber, Teatro alla Scala
- “La Forza del Destino” (new setting), by Verdi, Teatro alla Scala
- “Sorochintsy Market” (new setting), by Mussorgsky, Teatro alla Scala
- “Persephone”, by Stravinsky, Salzburg Festival
- “Boris Godounov” (new setting), by Mussorgsky, Teatro Massimo, Palermo
- “Aida” (new setting), by Verdi

- 1955-56 "Simone Boccanegra", by Verdi, Teatro alla Scala
"Boris Godounov" (new setting), Teatro alla Scala
"Fedora", by Giordano, Teatro alla Scala
"Retable", by de Falla, Small Scala Theatre
"Loumavich", ballet by Lualdi, Teatro alla Scala
"Amor Brujo", ballet by de Falla, Teatro alla Scala
"Anna Boleyn", by Donizetti, Teatro alla Scala
"Le Sacre du Printemps", ballet by Stravinsky, Nervi ballet Festival
"Cavalleria Rusticana", by Mascagni, Teatro dell'Arena, Verona
"Pskovityanka", by Rimsky-Korsakov, Teatro Massimo, Palermo
"Carmen", by Bizet, Arena Flegrea (Teatro San Carlo), Naples
"La Boheme" (new setting), by Puccini, Teatro dell'Arena, Verona
"Cain", by Bianchi, Teatro alla Scala, Milan
"The Girl from Golden West", by Puccini, Teatro alla Scala
"Tristan and Isolde", (new setting), by Wagner, Teatro alla Scala
"A Masked Ball" (new setting), by Verdi, Stadtische Opera, Zurich
- 1957-58 "A Masked Ball" (new setting), by Verdi, Teatro alla Scala
"Histoire du Soldat", by Stravinsky, Little Scala
"Tosca" by Puccini, Staatsoper, Vienna
"Ifigenia in Aulide" by Gluck, Teatro alla Scala
"The Legend of the City of Kitej" (new setting), by Rimsky-Korsakov, Opera Theatre, Rome
"A Life for the Tsar", by Glinka, Verdi Theatre, Trieste
- 1958-59 "Cavalleria Rusticana" (new setting), by Mascagni, Staatsoper, Vienna
"Turandot" (new setting), by Puccini, Teatro alla Scala
"Romeo and Juliet", ballet by Prokofiev, Teatro alla Scala
"Hernani" (new setting), by Verdi, Teatro alla Scala
"A Life for the Tsar", (new setting), by Glinka, Teatro alla Scala
"Tristan and Isolda", new setting, by Wagner, Teatro alla Scala
"Moses", by Gluck, Teatro alla Scala
- 1959-60 "Phaedra" (new setting), by Pizetti, Teatro alla Scala

- “Haensel and Gretel” (new setting), by Humperdinck, Teatro alla Scala
“Otello” (new setting), by Verdi, Teatro alla Scala
“A Masked Ball” (new setting), by Verdi, Teatro alla Scala
“Revizor”, by Echka, Little Scala
“Parsifal” (new setting), by Wagner, Teatro alla Scala
“Pskovityanka”, by Rimsky-Korsakov, Teatro Massimo, Palermo
“Khovanshchina” (new setting), by Mussorgsky, Teatro Verdi, Trieste
“Tosca” (new setting), by Puccini, Teatro alla Scala
“Palais de Cristal”, ballet by Balanchine, mus. by Bizet, Teatro alla Scala
1960-61 “Poliuto” (new setting), by Donizetti, Teatro alla Scala
“La Dame de Pique”, by Tchaikovsky, Teatro alla Scala
“Marie l’Egyptienne” (new setting), by Respighi, Little Scala
“Rigoletto” (new setting), by Verdi, Teatro alla Scala
“Il Trovatore”, by Verdi, Teatro la Fenice, Venice
1961-62 “La Favorita”, by Donizetti, Teatro alla Scala
“Graduation Ball”, ballet by Strauss-Lishin, Teatro alla Scala
“Rigoletto” (new setting), by Verdi, Teatro alla Scala
“Les Huguenots”, by Meyerbeer, Teatro alla Scala
“Atlantis”, by De Falla, Teatro alla Scala
“L’Africaine”, by Meyerbeer, Staatsoper, Muenchen
“Turandot”, by Puccini, Staatsoper, Vienna.
1962-63 “Semiramis”, by Rossini, Teatro alla Scala
“Rheingold”, by Wagner, Teatro alla Scala
“Siegfried”, by Wagner, Teatro alla Scala
“Goetterdaemerung”, by Wagner, Teatro alla Scala
“Walkure”, by Wagner, Teatro alla Scala
“Khovanshchina” (new setting), by Mussorgsky, Teatro Colon, Buenos Aires
“Don Carlos” (new setting), by Verdi, Teatro Colon, Buenos Aires
“Aida” (new setting), by Verdi, Teatro Colon, Buenos Aires
1963-64 “L’Africaine” (new setting), by Meyerbeer, Teatro San Carlo, Naples
“Mephisto” (new setting), by Boito, Teatro alla Scala
“Rienzi”, by Wagner, Teatro alla Scala

“Mephisto” (new setting), by Boito, Teatro Municipal, Rio de Janeiro

“Andre Chenier”, by Girodano, Teatro Municipal, Rio de Janeiro

“Boris Godounov” (new setting), by Mussorgsky, Teatro Verdi, Trieste

1964-65 “Simone Boccanegra”, by Verdi, Teatro alla Scala

“Il Trovatore”, by Verdi, Bolshoi Theatre, Moscow

“Raskolnikov”, by Sutermeister, Grand Theatre, Geneva

“Phaedra” (new setting), by Pizetti, Teatro dell’Opera, Rome

“Prince Igor”, by Borodin, Lyric Opera, Chicago (new setting)

“Graduation Ball”, ballet by Strauss-Lichine, Royal Theatre, Amsterdam

1965-66 “Joan of Arc” (new setting), by Honneger-Claudiel, Grand Theatre, Geneva

“La Forza del Destino” (new setting), by Verdi, Teatro alla Scala

“Midsummer Night’s Dream”, by Britten, Bolshoi Theatre, Moscow

“Boris Godounov” (new setting), by Mussorgsky, Lyric Opera, Chicago

1966-67 “Nabucco”, by Verdi, Teatro alla Scala

“Khovanshchina” (new setting), by Mussorgsky, Teatro alla Scala

“Cavalleria Rusticana” (new setting), by Mascagni, Teatro dell’Arena, Verona

“Polovtsian Dances”, by Borodin, Teatro dell’Arena, Verona

1967-68 “Boris Godounov” (new setting), by Mussorgsky, Teatro alla Scala

“Il Trovatore” (new setting), by Verdi, Teatro dell’Arena, Verona

NOTICE : At the present moment N. A. Benois is preparing the setting of Glinka’s opera “Ruslan and Ludmila”, staged by Balanchine for the Hamburg State Opera.

EVGENY GUSTAVOVITCH BERMAN (Eugene Berman)

His work shows his interest in architecture and sometimes has a surrealistic touch.

Born Nov. 4, 1899, St. Petersburg; now living in Rome.

- 1918 Left Russia and after short stays in Finland and England, settled in Paris, where he resided until 1939.
- 1919 Entered Academie Ranson, studying with his brother Leonid and Berard as fellow students — under Vuillard and Maurice Denis.
- 1924 First exhibition in Paris, Galerie Druet, with Berard, Tchelitchev and others.

Has designed decors and costumes for :

- 1937 "The Threepenny Opera", music K. Weill, Theatre de l'Etoile, Paris. "Icare", chor. S. Lifar, orchestrated by Szyfer mostly for percussion instruments, Ballet Russe De Monte Carlo, N.Y.C.
- 1938 "Twelfth Night", project for a play, for Jouvet's Theatre de L'Athenee, Paris
- 1939 "Devil's Holiday" mus. V. Tommasini, chor. F. Ashton, Ballet Russe de Monte Carlo, N. Y. City.
- 1940 "The Italian Symphony" project for ballet by D. Lichine.
- 1941 "Concerto Barocco" chor. G. Balanchine, mus. J. S. Bach, The American Ballet Co., N. Y. City.
- 1942 Projects for "The Island God" mus. Gian-Carlo Menotti; "Mirages", ballet by D. Lichine; "Giselle", and "Nuages" ballet by N. Theilade.
- 1943 "Romeo and Juliet", mus. F. Delius, chor. A. Tudor, the American Ballet Co., N. Y. C. Project for "Quo Vadis" for MGM production.
- 1944 "Danses Concertantes" mus. I. Stravinsky, chor. G. Balanchine, Ballet Russe de Monte Carlo, N. Y. C. "Le Bourgeois Gentilhomme", mus. R. Strauss, chor. G. Balanchine, Ballet Russe de Monte Carlo, N. Y. C.
- 1946 "Giselle" mus. A. Bolm, chor. A. Tudor, Ballet Theatre, N. Y. C.
- 1951 "Rigoletto", Metropolitan Opera Co., N. Y. C.
- 1952 "Forza del Destino", Metropolitan Opera Co., N. Y. C.
- 1953 "Il Barbiere di Siviglia", Metropolitan Opera Co., N. Y. C.
- 1965 "Cosi Fan Tutte", for the opening of the Piccola Scala, Milan. Folio prints "Homage a Mozart".
- 1967 "Don Giovanni", Metropolitan Opera Co., N. Y. C.
- 1963 "Otello", Metropolitan Opera Co., N. Y. C.
- 1966 "Le Renard" mus. I. Stravinsky, Rome Philharmonic Society, Rome.

ALEXANDER IVANOVITCH BILIBINE

Born February 4, 1903, St. Petersburg, now living in London. Son of Ivan Y. Bilibine.

Dates and places unknown:

“Boris Godounov” music by Mussorgsky.

“Masque of Death”, chor. M. Fokine.

IVAN YAKOVLEVITCH BILIBINE

His work is stylized, graphic and very colorful.

Born August 4, 1876, St. Petersburg; died from hunger during siege of Leningrad, February 7, 1942.

1898 Graduated from School for Encouragement of Arts, St. Petersburg.

1898-01 Attends Repin's Studio

1902-03 Trips to Northern Russia in search of old Russian Art.

1907 Decor and costumes for Ruteboeuf's “Miracle of Theophile”, Old Theatre, St. Petersburg

1908 Costumes for “Boris Godounov” for Diaghilev, Paris Opera

1909 Costumes and decor for “Le Coq d'Or”, S. I. Zimin's Opera, Moscow; some costumes for “Le Festin” ballet by Fokine, Diaghilev Co., Paris

1910 Some costumes for play “Honor & Vengeance” by Sologoub, in Loukomorye Theatre, St. Petersburg.

1911 “Fuente Ovejuna” drama by Lope de Vega, Old Theatre, St. Petersburg.

1913 Costumes and decor for “Ruslan and Ludmilla”, People's House, St. Petersburg; some costumes with Bakst for revival of “Boris Godounov”, for Diaghilev Co., Drury Lane Theatre, London.

1914 Some costumes for “Sadko”, People's House, St. Petersburg; costumes and decor for A. N. Vestovsky's opera “Askold's Tomb”, Solodovnikov's Theatre, Moscow.

1920-25 Emigrates to Egypt; first Cairo, then Alexandria.

1923 “Romance of the Mummy” ballet by N. N. Tcherepnine, chor. I. Hlustin and “A Russian Tale”, mus. N. N. Tcherepnine, chor. I. Hlustin, both for A. P. Pavlova, Cairo.

1925 Settles in Paris.

- 1929 Decor and costumes for "Tsar Saltan", Russian Opera, Paris.
1931 "The King's Bride" opera by Rimsky Korsakov and "Boris Godounov", Theatre des Champs Elysees, Paris.
1936 Returns to Soviet Union.
1937 Costumes for "Tsar Saltan", Kirov Theatre, Leningrad. Professor, Academy of Arts, Leningrad.

1907 - 1957

Scenic work of

MSTISLAV VALERIANOVICH DOBUJINSKY

Born August 2, 1875 in Nijni Novgorod; died November 20, 1957, New York.

Data compiled by Rostislav M. Dobujinsky.

Translated and edited by Nikita D. Lobanov.

CONVENTIONAL SIGNS :

- R. Performances actually produced. All decor or costumes, or both according to sketches by M. V. D.
P. Performances produced with some decor or costumes due to M. V. D.
N. R. Decor and costumes realized, but the performance did not take place.
N. Decor and costumes were partly completed, but the performance did not take place.
S. Sketches, planning, and details were entirely completed, but not carried out.
S. P. Part of the sketches were completed, but the staging was not carried out.
U. Sketches in initial stages, mostly uncompleted.
F. First ideas, drafts, plans.

Margins give date and place on initial performance. In brackets are time and place of the creation of sketches.

The scenic work of M. V. D. is divided into four sections:

DRAMA : Tragedies, dramas, comedies.

SONG : Opera, musical comedies, recitals, sketches.

DANCE : Ballets, recitals.

CINEMA .

DRAMA

- 1907 R. Dec. 4 St. P. "Satanic Operation on a Certain Man", play by A. Remizov, staging started by Meyerhold, finished by Komisarjevsky. Dramatic Theatre of V. Komisarjevskaya, St. Petersburg. Two decors, some costumes in Bakhrushin Museum, Moscow.
R. Dec. 15 St. P. "Robin and Marion", pastoral by Adam de la Halle, staged by Evreinov, Old Theatre, St. Petersburg. One decor, some costumes in Bakhrushin Museum, Moscow.
- 1908 R. Sept. St. P. "Francesca da Rimini", drama by D'Annunzio, staged by Evreinov, Komisarjevskaya Theatre, St. Petersburg. One decor and costumes, Bakhrushin Museum, Moscow.
- R. Dec. St. P. "Petroushka", sketch by Potiomkin, staged by Meyerhold. Club Theatre "Loukomorye", St. Petersburg. One decor, five (?) costumes.
- P. Dec. St. P. "The Fall of the House of Usher", sketch inspired by Poe, staged by Meyerhold, Club Theatre "Loukomorye", St. Petersburg, with participation of Chambers. One decor, some costumes.
- S. (June, Moscow) Undesided play by Maeterlinck, two decors, some costumes, Likiardopoulou collection, Moscow.
- 1909 R. Dec. 22 Moscow "A Month in the Country", by Turgenev, staged by Stanislavsky, Moscow Art Theatre (M. A. T.). Four decors, costumes in Tretyakov Gallery; Hermitage; National Library, Vienna; M. A. T. Museum.
- 1910 SP. June "Lunch at the Nobility Marshal", by Turgenev, staged by Stanislavsky, M. A. T. Decor, costumes.
- 1911 R. Mar. 5 St. P. "When Thin it Tears", by Turgenev, staged by Stanislavsky, M. A. T. The initial decor was replaced by a new version. One (2) decor, some costumes at Hermitage and M. A. T. Museums.
- R. Mar. 5 St. P. "The Hanger On", by Turgenev, staged by Nemirovich-Danchenko, M. A. T. Decor and costumes were composed for two acts, but only the first act was produced. Two decors, some costumes.
- R. Mar. St. P. "A Provincial Woman" by Turgenev, staged by Stanislavsky at M. A. T. One decor, four costumes.
- R. St. P. "A Lesson to Mothers" by Zagoskin, staged by Ozarovsky,

- Countess Shouvalov's Mansion, St. Petersburg. Two decors, some costumes.
- 1912 R. St. P. "A Hut Saved by a Cossack" by Vatatzi, staged by Ozarovsky, Countess Shouvalov's Mansion, St. Petersburg. Four decors, some costumes.
- 1913 U. (1912-1913 Moscow) "The Sea-Gull" by A. Chekhov, in collaboration with Stanislavsky, M. A. T. Seven decors, one sketch owned by A. Kennaway, London.
- S. (1913-1914 Moscow) "Perfidy and Love" by Schiller, staged by Stanislavsky, M. A. T., four decors, some costumes.
- Nov. 5 Moscow "Nicholas Stavroghin", play by Nemirovich-Danchenko inspired by "The Possessed" by Dostoyevsky, staged by Nemirovich-Danchenko & Khoutsky, M. A. T. Ten decors, some costumes.
- 1914 R. Oct. 27 Moscow "Wit works Woe" by Grobiyedov, staged by Stanislavsky, M. A. T. Renewed with new decor and some costumes by Simov. Four decors, some costumes.
- 1916 R. Feb. 26 Moscow "Joy Will Come" by Merezhkovsky, staged by Nemirovich-Danchenko, M. A. T. Four decors.
- R. "Puppet Theatre" by P. and U. Sazonov, Petrograd. Scene portal and one costume of the prologue.
- N. April "Maitre Pathelin", French farce of the XV Century, staged by Sazonov, but not produced; all puppet heads were carried out. Three (?) decors, 11 costumes.
- 1917 I. Petrograd "Wit Works Woe" by Griboyedov, staged by Dolinov, Alexandrinsky Theatre, Petrograd, four decors, some costumes. Theatre Museum, Leningrad, 2nd version.
- R. Sept. 26 Moscow "Stepanchikovo Village", inspired by Dostoyevsky's novel, staged by Nemirovich-Danchenko, M. A. T., six decors, some costumes.
- 1918 N.R. (1917-1918 Pet.) "The Rose and the Cross", by A. Block, staged by Stanislavsky, M. A. T. The performance was not carried out though all the work was accomplished. Seven (?) decors, some costumes.
- R. Pet. "King Oedipus" by Sophocles, staged by Yuriev (?), Tragic Theatre (ex-Circus Ciniselli), Petrograd, some costumes (?).
- R. Pet. "Macbeth" by Shakespeare, staged by Granovsky, Tragic

- Theatre, Petrograd. Erection of decor under supervision of Tamanov. Three decors and some costumes.
- R. Pet. "The Sevillian Seducer" by Tirso de Molina, staged by Ungern, Art Drama Theatre, Petrograd. Five (?) decors, one interval curtain, some costumes.
- R. Pet. "The Choice of a Bride", sketch by Kouzmin, staged by Tverskoy and Romanov, "The Actor's Hall", Petrograd. Three decors, costumes.
- R. Pet. "The White Supper", sketch by Kouzmin, staged by Tverskoy. The Actor's Hall, Petrograd, one decor, some costumes.
- R. Pet. "The Swineherd" dramatized from Andersen by Dobujinsky, staged by the same and Romanov. The Actor's Hall, Petrograd. Three decors, some costumes at the Russian Museum, Leningrad.
- R. Pet. "The Flowers of Baby Ida", dramatized from Andersen, by Dobujinsky. Staged by the same and Romanov. The Actor's Hall, Petrograd. One decor, some costumes.
- R. Pet. "The Comet", dramatized by Dobujinsky from Andersen. Staged by the same and Romanov. One decor, some costumes.
- 1919 R. Pet. "Danton", drama by Lewberg. Staged by Tverskoy. "Bolshoi Dramatic Theatre", Four decors, some costumes.
- R. Pet. "The Robbers" by Schiller, staged by Soushkevich and Boleslavsky, Bolshoi Dramatic Theatre, Petersburg. Eight (6?) decors, curtain, three costumes, some in collaboration with Grandi.
- 1920 P. Moscow "Design in Roses", play by Ghippius, four costumes owned by Grachova, Moscow.
- S. (Moscow) "Undecided Play" (?), staged by Granovsky, "Jewish Chamber Theatre", Moscow. Two decors, some costumes, owned by Granovsky, Moscow.
- R. Sept. 21 Pet. "King Lear" by Shakespeare, staged by Lavrentiev, Bolshoi Dramatic Theatre, Petrograd. Six decors, curtain, some costumes.
- R. Pet. "Hymn to the Liberated Labour", mass performance staged by Annenkov, in front of the Stock Exchange, Petrograd. One decor.
- 1921 R. Apr. 20 Moscow "Olivier Cromwell", drama by Lunacharsky, staged by Yuzhin and Platton, "Maly Theatre", Moscow. Six decors, 27 costumes.

- R. Theatre in the Town Hall, frame of the stage and curtain (Garden).
- 1923 Pet. "The Harvest of Enlightenment", by Leo Tolstoy, staged by Nemirovich-Danchenko in Berlin. Two decors. Museum of M. A. T., Moscow.
- R. (Berlin) "The Virgin's Prayer", a sketch (?), staged by Dolinov, Golden Cock Theatre, Berlin. Two decors, some costumes.
- SP. (Berlin) "Count Noulín", a sketch from Lermontov, staged by Dolinov (?), Golden Cock Theatre (?), Berlin. Decor, costumes (?) were in Malmoe, Sweden on Exhibit.
- 1924 R. (Riga) "The Flowers of Little Ida", scenarized from Andersen by Dobujinsky, staged by Rusteikis at the Chamber Theatre of E. Roshchina, Riga. One decor, 2nd version.
- 1926 P. (May, Paris) "The Cossacks in Paris", sketched by Potyomkin, music by Arkhangelsky, staged and chor. by Romanov. Balieff's "Chauve Souris Theatre" at the Theatre de la Madeleine, Paris. Two decors, two costumes.
- S. (Berlin) "Blue Bird" theatre of Yuzhny, Berlin. Curtain project.
- 1927 P. Nov., Amsterdam "Autumn Violins", play by Surguchov, staged by Sharov, Ricca Hooper Theatre, Amsterdam, four costumes.
- R. (Nov. Amsterdam) "In Life's Claws", drama by Hamsun, Staged by Sharov, Ricca Hooper Theatre Amsterdam, four decors, four costumes.
- R. Paris "Le Roi's Ennuie", sketch, Balieff's Chauve Souris, Apollo Theatre, Paris. One decor, four costumes.
- R. Dec. Dusseldorf "The Inspector-General" by Gogol, staged by Sharov, Schauspielhaus, Dusseldorf. Seven decors, 35 costumes, Theatrical museum, Koeln.
- R. (Nov., Bruxelles) "Crime and Punishment" by Dostoevsky, staged by Gournak, Theatre Royal du Parc, Bruxelles. Eight decors, costumes. National Museum in Prague.
- 1928 R. Aug. (Jun. Paris) "Autumn Violins", drama by Surguchov, staged by Mamulian, Theatre Guild of New York. Three decors, 2nd version.
- R. (Sept. 6, Oct.) Dusseldorf "Nathan the Wise", drama by Lessing, staged by Sharov, Schauspielhaus, Dusseldorf. Six decors, some costumes.

- S (Paris) "The Paymaster's Wife", pantomine from Lermontov, Ba-
lieff's Chauve Souris Theatre, Paris. Two decors, 18 costumes.
- 1930 R. "A Month in the Country" by Turgenev, staged by Mamu-
lian, Theatre Guild, New York. Four decors, 17 costumes (2nd
version).
- R. (May Kaunas) "The Chime" after Dickens, staged by Zhilinsky,
Lithuanian State Drama, Kaunas. Four decors, 21 costumes.
- 1931 R. (Kaunas) "Vain Efforts" drama (?), staged by Sutkus(Li-
thuanian State Drama. Kaunas. One decor, costumes (?).
- R. (Dec. Kaunas) "Glory's Vendors" comedy by Pagnol, staged by
Daugovietis, Lithuanian State Drama Kaunas, Three decors, in-
terval curtain, (2) costumes.
- 1931 R. May (Mar. Kaunas) "The Sunny Side of Life" by Bona-
vente, staged by Sutkus, Lithuanian State Drama, Kaunas, three
decors, interval curtain, 25 costumes.
- R. Jan. 17 (Dec. 1930) "Don Carlos" by Schiller, staged by Daugo-
vietis, Lithuanian State Drama Kaunas(eight decors, 20 co-
stumes.
- 1932 R. (Oct. Kaunas) "Hamlet" by Shakespeare, staged by Che-
khov, Lithuanian State Drama, Kaunas, 12 decors, (?) costumes.
- 1933 R. (Kaunas) "The Inspector-General" by Gogol, staged by
Chekhov, Lithuanian State Drama, Kaunas, five decors, 45 co-
stumes, 2nd version.
- SP. "The Inspector-General" by Gogol, staged by Chekhov, Rein-
hard Theatre, Berlin, 3rd version, owned by Leskidov, Paris.
- 1936 U. (May-June London) "Anthony and Cleopatra" by Shake-
speare, staged by Ratov, Leontovich performances, London. Six
decors with versions
- R. May 31 Kaunas "King Lear" by Shakespeare, staged by Yur-
shis, Lithuanian State Drama, Kaunas, seven decors, 30 co-
stumes, 2nd version.
- S. (Feb. 15 Kaunas 1935) "The Inspector's Reverse" follo-
wing Gogol, staged by Gavrilov, Russian Theatre, New York,
10 decors, three curtains, 53 costumes.
- 1938 R. (Nov. Kaunas) "Lucrative Job", by Ostrovsky, staged by
Daugovietis, Lithuanian State Drama, Kaunas, four decors, eight
costumes.
- R. Feb. 15 Kaunas (Jan.) "The Golden Charter", by Vayciunas,

- staged by Glinsky, Lithuanian State Drama, Kaunas, four decors, 34 costumes.
- 1939 R. Mar 7 Kaunas "Emily Plater or 1831", play by Venoulis, staged by Daugovietis, Lithuanian State Drama, Kaunas, three decors, one portal, (2) costumes.
- R. Apr. 29 Kaunas "The Swineherd" by Andersen, Lithuanian State Drama, Kaunas, two decors (?) costumes, two versions.
- R. Apr. 22 Kaunas "The Shade" by Andersen, Lithuanian State Drama, Kaunas, two decors, (?) costumes, two versions.
- R. Mar. 26 Kaunas "The King's New Robe", following Andersen, Lithuanian State Drama, Kaunas, one decor, (?) costumes.
- R. Oct. 24 (1938-39 London - NY) "The Possessed" by Zhdanov, following Dostoyevsky' staged by Chekhov, Theatre studio, Lyceum Theatre, New York, (?) decor, (?) costumes.
- 1940 P. (Feb. Boston) Undecided Performance, Tufts College, Wisconsin (Mass), USA, 20 masks.
- 1941 R. Oct. 7 NY "Queen Ann of England", by Canfield & Borden, staged by Miller, St. James Theatre, NY decor, curtain, (?) costumes, Victoria & Albert Museum, London.
- R. Sept. 4 NY. (Jan. 1941) "The Event" by Nabokov & Sirin, staged by Ermolov, Russian Theatre, NY, decor.
- 1942 R. "A Happy End", following Chekhov, staged by M. Chekhov, Chekhov Theatre, New York, decors, costumes.
- R. Sept. 12 New York "The Witch", following Chekhov, staged by M. Chekhov, Chekhov Theatre, NY, decors, costumes.
- R. NY "I Forgot", following Chekhov, staged by M. Chekhov, Chekhov Theatre, New York, decors, costumes.
- 1943 R. Dec. 11 NY (Oct. 31 - Dec. 2) "The Storm" by Ostrovsky, staged by Komisarjevsky, Hukscher Theatre, NY. One decor, 13 costumes.
- P. Mar. 27 NY "The Straw Hat", by Scribe, staged by Komisarjevsky, Theatrical Studio Komisarjevsky, (?), USA, 10 costumes.
- R. (NY) Henrietta Pascar Tour, her own staging, USA, one decor, three costumes, and Masks.
- 1947 R. (NY) "The Insjector's Reverse", following Gogol, staged by Gavrillov, Russian Theatre, NY. Newly made according to 1936 sketches, 10 decors, portal, three curtains, 53 costumes, nine make-up designs.

- 1949 S. (NY) "The Birth of Salome", play by Meano, staged by Pilka, Lithuanian Theatre, Chicago, (?) decor, (?) costumes.
- 1953 U. (Roma) "Every Sage may be a Ninny", by Ostrovsky, staged by Sharov, (?) Theatre, Holland (five decors).

SONG

- 1918 R. Pet. "Shooters" scenarized sond, staged by Pronin, "The Actor's Hall", Petrograd, one decor, five costumes.
- 1919 R. Mar. 19 Pet. "Faust" opera by Gounod, staged by Granovsky, Bolshaya Opera (ex-People's House), Petrograd, six decors, (?) costumes.
- P. "Meistersinger" by Wagner, staged by Lapitsky, Bolshaya Opera, Petersburg, two (?) decors, all other following sketches by Grandi.
- 1924 R. Apr. Dresden (1923-Jan. 1924) "Eugene Onegin" by Dresdener Hofoper, seven decors, 37 (?) costumes.
- 1925 R. (Kaunas) "The Queen of Spades" by Tchaikavsky, conductor Tallat-Kelpsha, staged by Arbenin, chor. Petrov, Lithuanian State Opera, Kaunas, seven decors, 80 costumes.
- 1926 R. Paris "La Femme du Patissier" scenarized songs by Nadaud, staged & chor. by Romanov, Balieff's "Chauve Souris", Theatre de la Madeleine, Paris, two decors. ten costumes.
- R. Paris "Traviata", a parody of Verdi's opera by Arkhanghelsky, staged and chor. by Romanov, Balieff's "Chauve Souris", Theatre de la Madeleine, Paris, two decors, ten costumes.
- R. Paris "Die Musik Kommt", scenarized songs by Strauss, staged & chor. by Romanov, Balieff's Chauve Souris, Theatre de la Madeleine, Paris, two decors, 10 costumes.
- 1927 R. Jul. Paris "Polish Songs" recital, staged by Sanin, Vanda Devann Tour, Comedie des Champs Elysees, Paris, 14 decors, 12 costumes.
- S. Oct. Paris "Ma Femme", musical comedy, Theatre de la Potiniere, Paris, four decors, ten costumes.
- 1928 R. Oct. Paris "Russian Songs" scenarized by Arkhanghelsky, staged by Balieff's Chauve Souris, Apollo Theatre, Paris, one decor, four costumes.
- R. Oct. Paris "The Cossacks", musical by Arkhanghelsky, staged

- by Balieff's Chauve Souris, Apollo Theatre, Paris, one decor, four costumes.
- SP Sept. Paris "Beethoven's Death" scenarized by Arkhanghel-sky, staged by Balieff's Chauve Souris, two decors.
- S. (Nov. Paris) "Houssars", scenarized songs, Balieff's Chauve Sou-ris, Paris, one decor, 11 costumes.
- 1929 P. Dec. Kaunas "Pagliacci" by Leoncavallo, staged (?), Li-thuanian State Opera, Kaunas, 11 costumes.
- R. Aug. Kaunas Vervovkin Sisters Tour, folk songs, two costumes, Kaunas, Lithuania.
- R. 1930 Feb. Kaunas "Boris Godounov" by Mussorgsky, staged by Pavlovsky, chor. Petrov, Lithuanian State Opera, Kaunas. Nine decors, portal, curtain, 32 costumes.
- R. Sept. Kaunas (Aug.) "Andre Chenier" by Giordano, staged by Pavlovsky, Lithuanian State Opera, Kaunas, four decors, 30 costumes.
- R. Oct. Kaunas (Sept.) "Tannhauser" by Wagner, staged by Pavlovsky, chor. Vassiliev, Lithuanian State Opera, Kaunas. Three decors, 60 costumes.
- 1931 R. Sept. 15 Kaunas "Faust", by Gounod, staged by Pavlov-sky, chor. Vassiliev, Lithuanian State Opera, three decors, 80 costumes, (93) sketches, two versions.
- R. Dec. Bruxelles "The Queen of Spades" by Tchaikovsky, staged by Dalman and Rogachevsky, chor. Kachurevsky, Theatre de la Monnaie, Bruxelles, nine decors & costumes, two versions.
- 1932 R. Sept. Kaunas "Louise" by Charpentier, staged by Pav-lovsky, Lithuanian State Opera, Kaunas. Four decors, (?) co-stumes.
- 1933 S. "The Magic Flute" by Mozart, staged by Pavlovsky, Latvian State Opera, Riga. Seven decors and costumes.
- R. Oct. Kaunas "Don Giovanni" by Mozart, staged by Pavlovsky, Lithuanian State Opera. Kaunas, six decors, portal, curtain, (?) costumes.
- 1934 R. Kaunas "The Queen of Spades" by Tchaikovsky, staged by Pavlovsky & Zhilinsky (Renovated after a fire), Lithuanian State Opera, Kaunas. Seven decors (3rd version — garden and bar-racks).
- R. Kaunas "Prince Igor" by Borodin, staged by Pavlovsky, chor.

- Zverev, Lithuanian State Opera, Kaunas, four decors, nine costumes.
- R. "Werther" by Massenet, staged by Petrauskas & Oleka-Zilinsky, Lithuanian State Opera, Kaunas, four decors, nine costumes.
- 1935 R. Nov. 14 (Dec. Kaunas) "Eugene Onegin" by Tchaikovsky, staged by Pavlovsky, Lithuanian State Opera, Kaunas. Seven decors, 42 costumes (2nd version).
- R. Oct. 30 London (May - June) "Boris Godounov" by Mussorgsky, staged by Clive Carey, conducted by Collingwood, chor. Ninette de Valois, Sadler's Wells Opera, London, nine decors, portal, curtain, 50 costumes (2nd version).
- 1936 R. May 18 Kaunas "Radziwill the Terrible" by Karnovich, staged by Daugovetis, Lithuanian State Opera, Kaunas. Seven decors, curtain, and 70 costumes.
- 1937 R. Prague "Eugene Onegin" by Tchaikovsky, staged by Tein, Czech National Opera, Prague. Seven decors, (?) costumes, 3rd version.
- R. Oct. 15 (Sept.) "Lohengrin" by Wagner, staged by Pavlovsky, Lithuanian State Opera, Kaunas. Two decors, (?) costumes.
- R. Dec. 12 Kaunas "Ondine" by Dvorjak, staged by Oleka Zhilinsky, Lithuanian State Opera, Kaunas. Two decors, 17 costumes.
- 1938 R. Mar. 19 Kaunas "Dreimaedelhaus" by Schubert, staged by Oleka-Zhilinsky, Lithuanian State Opera, Kaunas. Four decors, 27 costumes.
- R. Kaunas "Hansel and Gretel" by Humperdinck, Staged by Oleka-Zhilinsky, Lithuanian State Opera, three decors, 11 costumes.
- 1939 P. London "The Queen of Spades" by Tchaikovsky, staged by Clyve Carey, Sadler's Wells Opera, London. Seven decors and costumes (a fire destroyed them all with the theatre, 4th version).
- R. Kaunas Apr. 20 "Manon" by Massenet, staged by Pavlovsky and Oleka-Zhilinsky, chor. Kelbauskas, Lithuanian State Opera, Kaunas. Six decors, 50 costumes.
- 1940 R. Dec. 22 New York "Ball Masque" by Verdi, staged by Graf, conducted by Cooper, Metropolitan Opera, New York. Five decors, curtain, (?) costumes. Not produced.
- R. Nov. 3 NY. (Sept.) "Fair of Sorochinsk" by Mussorgsky, staged by Chekhov, New Opera, New York. Two decors, (?) costumes.

- 1947 S. (1946 - 47) "War and Peace" by Prokofiev, staged by Graf, conducted by Cooper, Metropolitan Opera, New York. 12 decors, three curtains, 108 costumes.
- 1949 R. Nov. 1 New York, "Love of Three Oranges" by Prokofiev, staged to Komisarjevsky's plan by Rosing, chor. Weidmann, City Centre Opera, New York, Four (?) decors, 110 costumes, one decor N. Lobanov collection.
- 1950 R. Feb. 16 NY. (1948 - 50) "Khovanshchina" by Mussorgsky, staged by Yanopulos, chor. Novikov, Metropolitan Opera, New York. Four (?) decors, 110 costumes.
- 1951 R. Oct. 4 New York "Dibbuk" by Tamkine, staged by Pitchel to Komisarjevsky's plan, City Center Opera, New York. Three decors and portal.
- R. Oct. 18 New York "Quattro Rusteghi" by Wolf-Ferrari, staged by Erhardt, City Center Opera, New York, three (?) decors, 10 costumes (not executed).
- 1952 R. Apr. 3 NY "Woczek" by Alban Berg, staged by Komisarjevsky, City Center Opera, New York. Seven decors, (?) costumes.
- 1953 P. Mar. 6 New York "Boris Godounov" by Mussorgsky, staged by Yanopulos, chor. Solov, conducted by Fritz Steidry, Metropolitan Opera, N.Y. Decor, curtain, costumes (partly) 3rd version.
- R. (1952 Rome) Boris Christoff Tour in the role of Boris Godounov by Mussorgsky. Three costumes (only one executed). Barcelona.
- P. Naples "Khovanshchina" by Mussorgsky, staged and conducted by Dobrowin, San Carlo Theatre, Naples. Dobujinsky refused to lend his name to the Program. Decor not executed, some costumes, general supervision (2nd version).
- 1954 R. Naples "Eugene Onegin" by Tchaikovsky, staged by Sharov, conducted by Tullio Serafini, chor. Galizin, San Carlo Theatre, Naples. Seven decors and curtain, (?) costumes, 4th version.

DANCE

- 1914 R. "Papillions" ballet by Schumann. Chor. Fokine, Diaghilev's Russian Season, Grand Opera, Paris. One decor (Wadsworth Atheneum, U.S.A.), costumes by Bakst.

- R. "King Midas" ballet by Steinberg, chor. Fokin, Diaghilev's Russian Season, Grand Opera, Paris. One decor (Dance collection, N. Y. Public library), (?) costumes.
- R. "Doll's Fairy" ballet by Beyer, chor. Khlustin, Anna Pavlova's American Tour, two decors, costumes.
- 1915 P. "Unveiling Effort" ballet, chor. Kasperov, Maryinsky Theatre, Petrograd, two costumes for Korsavina.
- 1919 R. (Pet.) Romanov and Smirnova Tour, Oriental dances, six costumes.
- 1923 U. (July Pet.) "Swan Lake" by Tchaikovsky, one decor.
- P. (Berlin) "Casse Noisette" ballet by Tchaikovsky, Berlin, two costumes for Karsavina.
- P. (Berlin) "Kleine Nachtmusik" ballet (?) by Mozart, Berlin, one costume for Karsavina.
- 1926 R. Oct. Paris "Swineherd" ballet by Battolin according to Andersen, music by Arkhangelsky, Balieff's Chauve Souris, Theatre de la Madeleine, Paris, two decors, prologue, 15 costumes.
- 1928 May 18 Bruxelles "Aurora's Wedding" from the "Sleeping Beauty" by Tchaikovsky, chor. Katchourovsky, Diaghilev's Russian Ballet Gala, Palais des Beaux Arts, Bruxelles, one decor.
- 1929 SP. (Paris) "Waltz" ballet music by Ravel, chor. Nijinska, Ida Rubinstein's Company, Paris, two costumes.
- S. (Paris) Saharov Tour. Pavanne Royale. One costume. Paris.
- 1931 R. (Kaunas) "Polovtsian Dances", ballet scene from Borodin's Prince Igor, chor. Vassiliev, Lithuanian State Ballet, Kaunas, one decor, two versions. A record by the Angel Firm — Russian Masterpieces — has on the cover Polovets costumes designed by M. V. Dobujinsky. The record is called "Polovtsian Dances".
- 1932 March Kaunas "Polovtsian Dances" from Borodin's "Prince Igor", chor. Zverev following Fokine. Lithuanian State Ballet. Kaunas. One decor, costumes, 2nd version.
- 1932 R. Kaunas "Raymonda" ballet by Glazounov, chor. Zverev, Lithuanian State Ballet, Kaunas. Four decors, (?) costumes.
- R. Kaunas "Coppelia" ballet by Delibes, chor. Zverev, Lithuanian State Ballet Kaunas. Two decors, (?) costumes.
- 1934 R. (Kaunas) "Sleeping Beauty", ballet by Tchaikovsky, chor. Zverev, Lithuanian State Ballet, Kaunas. 4 decors, (?) costumes.
- 1935 R. (Kaunas) "Arlequinade" ballet by Drigo, chor. Zverev, Li-

- thuanian State Ballet, Kaunas. Two decors, (?) costumes.
- R. Mar. London "The Dwarf-Grenadier" ballet by Preston, chor. Zverev, Lithuanian State Ballet, Alhambra Theatre, London. One decor, (?) costumes.
- R. Mar. 3 London "Les Sylphides", mus. by Chopin, chor. Zverev, Lithuanian State Ballet, Alhambra Theatre, London. One decor, (?) costumes.
- R. Oct. 19 London "The Moonlight Sonata", music by Beethoven, chor. Voytsehovsky, two decors, costumes.
- R. Oct. 23 London "Aurora's Wedding", ballet scene from Tchaikovsky's "Sleeping Beauty", chor. Dolin, Dolin and Markova Company, London. Five costumes.
- 1936 R. Monte Carlo (Feb. London) "Coppelia" ballet by Delibes, chor. Zverev, Monte Carlo Ballet, Monte Carlo Opera. Three decors, (?) Costumes. (2nd Version).
- SP. (Feb. London) "Swan Lake" ballet by Tchaikovsky, chor. Zverev, Monte Carlo Ballet, Monte Carlo Opera. Three decors, (?) costumes (2nd version).
- 1936 - 37 R. (Sept. to Jan. 8, London) "Casse-Noisette" ballet by Tchaikovsky, chor. Ninette de Valois, Well's Vic Ballet, London, produced in two stages: third set in 1936, first and second in 1937. Three decors, 38 costumes.
- 1938 R. Feb. 15 Bruxelles "Aurora's Wedding", ballet scene for Tchaikovsky's "Sleeping Beauty", chor. Kachurovsky, Theatre de la Monnaie, Bruxelles. One decor, costumes.
- R. Apr. 8 Kaunas "The Secret of the Pyramid", ballet by Cherepnin, chor. Kirsanova, Lithuanian State Ballet, Kaunas. Four decors, 32 (?) costumes.
- London Herbert Recital (?), Spanish Dance, London. Three costumes.
- 193(?) Kaunas "Vain Precaution", Lithuanian State Ballet, Kaunas. One decor.
- 1940 SP. (Jan. Boston) "Mechanical Ballet", chor. Bolm, American Ballet Caravan, N. Y., costumes.
- SP. (Apr. Boston) "Swan Lake", music by Tchaikovsky, one decor third version.
- SP. (July Boston) "The Corsaire", ballet by Adam, Boston, one decor.
- 1941 R. Apr. NY, May 27 Buenos Aires "Ballet Imperial"

- (Tchaikovsky's 2nd piano concert), chor. Balanchine, American Ballet Caravan, one decor & costumes, Hunter College, NY and Buenos Aires.
- 1942 R. Jan. 23 Boston, May 6 NY (Oct. 3 Dec. 30, 1941 New York) "Russian Soldier" (Prokofiev's ballet "Lietenant Kije"), chor. Fokine, American Ballet Theatre, 1st night in Boston, then at the Metropolitan Opera, N. Y. Four decors, costumes.
- 1943 R. Oct. 10 NY, (June NY), "Mademoiselle Angot" ballet by Lecocq, chor. Massine, Ballet Theatre, Metropolitan Opera, NY. Three decors, and costumes.
- F. (Sept. New York) "Count Noulin" ballet on Lermontov's theme, chor. Massine, planned decor.
- R. Mar. NY Mouradov & Svetlova Tour, chor. Mouradov, NY. Costumes.
- R. Feb. NY Bella Rein Tour, scenic mimes, chor. Bella Rein, USA, costumes.
- R. Feb. NY Alice Nikitina Tour, New York, USA. Two costumes.
- R. May NY Timacheva Performances, New York, USA, two costumes.
- U. NY Shostakovich's 7th (Leningrad) Symphony, libretto & chor. Massine American ballet theatre (?), New York. Four decors.
- 1944 R. Nov. 16 NY "Prince Goudal's Feast", extract from Rubinstein's "Demon", chor. Romanov, Marquis de Cuevas Ballet, New York. One decor, costumes.
- R. Oct. 2 Montreal "Graduation Ball" music by Strauss, chor. Lishin, Ballet Theatre, NY. 1st performance in Montreal, Canada. Two (?) decors and costumes.
- S. NY "Giselle" ballet by Adam, chor. Romanov, Marquis de Cuevas Ballet, NY. Two decors and costumes
- R. NY "Czechoslovak Village", chor. Semionova, Foxhall Ballet, USA, costumes.
- R. NY "First Ball", chor. Semionova, Foxhall Ballet, USA, costumes.
- 1945 S. NY "Dormitory", chor. Lishin, Ballet Russe de Monte Carlo, NY. Two (?) decors and costumes.
- SP. "Sonnambula", decor.
- R. NY "Ballet Imperial", Tchaikovsky's 1st piano concert, chor. Balanchine, Ballet Russe de Monte Carlo, New York, 2nd version, one decor, costumes.

- R. NY "Graduation Ball", ballet music by Strauss, chor. Lichine, Ballet Russe de Monte Carlo, New York. Second version, one decor, costumes.
- 1946 R. Oct. "Sadur", ballet by Ippolitov-Ivanov, chor. Nouradov & Romanov, SOSO Foxhall Ballet, USA, 1 decor, eight costumes.
- R. Oct. Hollywood "Choice of Bride", ballet music (?), chor. Lozovsky, Ballet for America, USO, (?) Hollywood (?), one decor, costumes.
- R. NY "Vain Precaution", Ballet music (?), chor. (?), USO Foxhall Ballet (?) USA, 2nd version, decor, costumes.
- S. (N.Y) "Coppelia", ballet by Delibes, chor. Zverev, Opera, Paris, two decors, costumes, third version.
- SP. NY "Blue Print", abstract ballet, finally performed as curtain for the Ruth Sorel Ballet, one decor, NY.
- 1947 U. Paris "The Knight in the Leopard's Felt" from Shota Rustaveli, chor. Lifar, Paris Opera. One decor.
- 1948 R. NY "Porcelain", ballet scene, music (?), chor. Romanov, Svetlova performance, NY, one decor, two costumes.
- 1949 R. Mar. 3 Toronto (Montreal) "Shadows", ballet music (?), chor. Ruth Sorel, R. Sorel Ballet, Montreal, Canada. Two (?) decors, 33 costumes.
- R. Lisbon June 15 Paris (New York) "Polovtsian Dances", ballet music by Borodin ("Prince Igor"), chor. Lifar & Zverev following Fokine. Paris Opera, one decor, curtain, costumes. third version.
- R. Sept. 27 New York "Birthday", ballet to Rossini music, chor. Chamier, Ballet Russe de Monte Carlo, Metropolitan Opera, N. York. Two decors costumes.
- R. Dec. Toronto (Jan. 17, 1950 NY) "Red Ear of Corn", chor. Volkov, Volkov Canadian Ballet, Toronto. Decor. costumes.
- 1950 R. Oct. 26 Chicago "Prima Ballerina", ballet by Lecocq, chor. Chamier, Ballet Russe de Monte Carlo. New York. One decor, costumes.
- 1951 R. Paris (New York) "The Caucasian Prisoner", ballet by Khachatourian, chor. Skibine, ballet du Marquis de Cuevas, Paris. First act adapted from Goudal, Second Act in collaboration with R. Dobujinsky, later created anew. Two decors, curtain.
- 1952 - 53 N. Paris (NY) Milano (Milano) "Mademoiselle Angot",

ballet by Lecocq, chor. Myassin. Initially at Opera Comique, Paris. Later at La Scala, Milan, where partly executed by Dobujinsky. Decors, costumes, second version.

1956 R. London (London) "Coppelia", ballet by Delibes, chor. Mary Lambert, M. Lambert Ballet, Mercury Theatre, London. Two decors, costumes. Fourth version.

F. (London) "The Lake", decor for unrealized ballet. London.

1957 R. Nov. Buenos Aires (Paris) "Polovtsian Dances", ballet by Borodin, chor. Zverev following Fokine, Theatre Colon, Buenos Aires, one decor, curtain, costumes, fourth version.

N. (Nov. 20 NY, Paris.) "Caucasian Prisoner", ballet by Khachaturian, chor. Skibine for the Ballet Russe de Monte Carlo. New York. Three decors, 24 costumes. 2nd version.

CINEMA

1929 P. Paris, "Fecondite", adaptation of Zola, produced by Estievant & Evreinov, Central Cinema, Paris. Three decors.

1935 F. London "Michel Strogov", adaptation of Jules Verne, produced by Ermolyev. London. Decor.

F. London "Amateur Gentleman", film by James Laver, produced (?), London. Costumes.

R. London "Woman Alone", produced by Otsep. London, seven decors, 40 costumes.

1937 R. Mar. 31 Paris "Queen of Spades", film (?) produced by Otsep. Paris. Costumes.

1946 Hollywood "Dishonored Lady", produced by Metro-Goldwin-Mayer, Hollywood, Framing, decor in collaboration with Remizov.

Hollywood "Strange Woman", produced by Metro-Goldwin-Mayer, Hollywood, Framing, decor in collaboration with Remizov.

EVGENY BORISOVITCH DUNKEL (Eugene Dunkel)

Born April 30, 1890 in Russian Turkestan; now living in New York.

1904 Completed studies at the Vienna Art School under Trutneff. Further studies with Constantin Yuon in Moscow and finally at the St. Petersburg Institute of Technical Drawing of Baron Stieglitz (Imperial Academy of Fine Arts).

- 1915 Awarded a travelling scholarship to Europe (Paris — Julien Academy).
- 1916 Works on the staff of the art publication "Sun of Russia" with N. Shebuev.
In S. L. Zimine's Opera House in Moscow, he made costumes and decors for "La Belle du Nord", "Moonlight Sonata", "Adagio" and "Dance". — Active as stage designer in theatres of Ekaterinoslav, Vilna, Staraya Russa.
- 1917 Creates theatre in Novoselitse, Russian Bessarabia.
- 1919 Leading stage artist at the Bulgarian Opera House in Sofia.
- 1920 Works as portrait painter in Greece; designs for two operas and for ceramics; earns his passage to the U.S.A.
- 1923 Brief detour in billboard painting. — Exhibits under the sponsorship of the Russian Refugee Relief Society. — Joins in founding the exhibition of National Society of Mural Painters (Brooklyn Museum).
- 1926 Settings and costumes for Alexander Gavrillon's ballet Modern Revue: "Swan Lake", "Polichinelle" (At a Masquerade) by Rachmaninoff, "A Circus Adventure", "Tartar Dance", "Manhattan Holiday".
- 1934 Settings and costumes for a musical starring Imogene Cosa in Silman's "Fools Rush In".
- 1936 Settings and costumes for G. Balanchine's American Ballet "Alma Mater".
Settings and costumes for Ballet Russe de Monte Carlo, "Faust", "Black Swan", "Demon", "Variations".
- 1937 Settings and costumes for A. Pushkin's "Eugene Onegin"; Palace Theatre, Jacksonville, Florida.
- 1938 First American Opera Commission for the New Opera Company at the Metropolitan Opera House, New York, "The Invisible City of Kitej", "Cosi Fan Tutti", "Macbeth", "Queen of Spades".
Settings and costumes for A. Strindberg's, "The Bridal Crown", Vanderbilt Theater, New York.
Settings and costumes for "The Snow Maiden", text by Ostrovksy, music by N. A. Rimsky-Korsakov, Carnegie Hall, New York.
Settings and costumes for Gilbert and Sullivan operas: "Mica-do", "Trial by Jury", "Tolanthe".

- Settings and costumes for Dayton Opera Festival, in cooperation with G. Merola and A. Agnini: "La Boheme", "Rigoletto", "Traviata".
- 1941 Settings and costumes for "The Magic Swan" (Third act of "Swan Lake"), Broadway Theatre, New York).
Settings for dramas: "The Man Who Killed Lincoln", "One Sunday Afternoon".
- 1944 Six months collaboration with Marquis de Cuevos: "Les Sylphides". First Stage settings for Guy Lombardo's radio broadcasts.
- 1945-54 Settings and costumes for the San Francisco Opera House: "Louise", "Parsifal", "Boris Godounov", "Gioconda", "Secret of Susanna".
- 1951 Executes settings after E. Berman for the first opera commissioned for television of Gian-Carlo Menotti's "Amahl and the Night Visitors". Settings and costumes for Gian-Carlo Menotti's "The Consul".
- 1965-6 Scenery after Jean Corot for "Les Sylphides", American Ballet Theatre at Lincoln Centre.

Prepared by George Riabov, March 1967

ALEXANDRA ALEXANDROVNA EXTER (Born Grigorovitch)

One of the creators of "constructivist" decor in Russia

Born January 6, 1882, in Belostok, died March 17, 1949, Fontenay-aux-Roses, near Paris.

- 1904 Graduates from Kiev Art School.
- 1907 Joins "Blue Rose" group in Moscow.
- 1908 Attends the Paris Academie de la Grande Chaumiere under Carlo Delval.
- 1910-14 Based in Paris, travels in Italy, Switzerland, and Russia.
- 1915 Participates in first futurist exhibition "Tramvay V".
- 1916 Costumes and decors for "Famira Kifared" by Innokenty Annensky for A. Tairov, Kamerny Theatre, Moscow.
- 1917 Costumes and decors for "Salome" by O. Wilde, for Tairov, Kamerny Theatre, Moscow.
- 1919 "La Dama Duende" by Calderon, Moscow Art Theatre (M.A.T.).

- 1920-24 Occasionally in Russia. Worked for Stanislavsky in M. A. T.
1920 Trip to Paris.
1921 "Romeo and Juliet" by Shakespeare for A. Tairov, Kamerny Theatre, Moscow. Took part in "5×5=25" exhibition. "Comrad Hlestakov" by Smolin, Gostekom Drama Theatre. "Tarelkines Death" by Suhovo-Kobylin.
1923 Trip to Paris.
1924 Emigrates to France. Exhibits in Russian Pavilion in Venice Bienale. Costumes for film "Aelita", Moscow; "La Dama Duende" (The Invisible Lady), by Calderon.
1925 Becomes professor in "Academie Moderne", Paris.
1926 "Pantomime Espagnole", and "Marionets", Paris.
1927 Exhibits in Sturm Gallery, Berlin, "Othello" by W. Shakespeare; "La Dama Sulle Scudo" by O. Jibertini; A. Pavlova Co., "Don Juan" ballet, Cologne Opera House.
1930 "Prologue de Revue", Paris, Theatre des Nouveoutes (Costumes)
1933 "Dance Recital", Mme. Cyroul, Paris, Theatre des Champs-Elysees.

DATES UNKNOWN :

"Turandot" by Puccini; "Merchant of Venice" by Shakespeare; "I Sette Contro Tebe" by Eshil; "Oresteia" by Aeschylus; "Faust" by Goethe; "La Dama Baba", by M. Cervantes; "Li Finici"; "Le Baccanti".

FEDOR FEDOROVITCH FEDOROVSKY

Had a wide brush stroke with brilliant and contrasting colors.

Born July 14, 1883 in Chernigov, died September 7, 1955, Moscow.

- 1907 Graduates from Stroganov's Art School.

Designed costumes and decors for:

- 1907 "Carmen" music Bizet, S. I. Zimine's Opera, Moscow.
1909 "Demon" music A. G. Rubinstein, S. I. Zimine's Opera.
1910 "Snegourochka" music Rimsky-Korsakov, S. I. Zimine's Opera.
1913 "Khovanshchina", opera, music by Mussorgsky, and "May Night" opera, music by Rimsky-Korsakov, for Diaghilev, Paris.
1916 "Two Pieros", opera by B. K. Yanovsky based on E. Rostan, S. I. Zimine's Opera.

- "Wedding", opera, music by V. G. Erenberg, S. I. Zimine's Opera.
- 1917 "Oresteia" opera, music by S. I. Taneev, Teatre of Moscow Soviet of Worker Deputies (former S. I. Zimine's Opera).
- 1927 "Boris Godounov", music by Mussorgsky, Bolshoi Theatre, Moscow.
- 1934 "Prince Igor" by Borodin, Bolshoi Theatre, Moscow.
- 1937 "Rusalka" opera by Dargomijsky, Bolshoi Theatre, Moscow.
- 1939 "Ivan Susanin" music by Glinka.
- 1941 "Charodeika" opera by Tchaikovsky, Kirov Theatre, Leningrad.

ALEXANDER YAKOVLEVITCH GOLOVINE

Remarkable for his sense of composition and intensity of color.
Born February 17, 1863, Moscow; died April 17, 1930, Pushkine.

- 1882-9 Moscow School of Arts.
- 1889 Trip to Paris where he studied with Blanche, Colin and Merson.
- 1898 Joins "World of Arts" Group.
- 1900 Starts working for the stage and prepared costumes and decor for "House of Ice" ballet arranged by Korestchenko to music by Tchaikovsky, Bolshoi Theatre, Moscow.
- 1901 "Pscovitianka" opera by R.-Korsakov, and "Andjelo" opera by C. Cui, Bolshoi Theatre.
- 1902 Joins as a designer, Petersburg Imperial Theatres. "Mozart and Salieri" opera by R.-Korsakov.
- 1903 "Magic Mirror" ballet by Korestchenko, Maryinsky Theatre, Petersburg; "Aleko" opera by Rachmaninov.
- 1904 "The Trojans", opera by Berlioz; with Korovine, creates costumes for "Ivan Susanine" and "Ruslan and Ludmilla" opera by Glinka.
- 1905 "The Rhinegold" by Wagner, Imperial Art Theatre, Petersburg; "Daughters of the Sea", play by Ibsen, Mihailovsky Theatre. "Tale of Tzar Saltan" not staged; "Mozart and Salieri" opera by R.-Korsakov, Maryinsky Theatre.
- 1906 "Antigone" play by Sophocles, Maryinsky Theatre.
- 1907 "The Lady from the Sea", play by Ibsen, Aleksandrinsky Theatre.
- 1908 "Carmen" opera by Georges Bizet, Maryinsky Theatre, this was

- his most important creation, subsequent to a trip to Spain; "Boris Godounov" with A. Benois for Diaghilev, Paris Opera.
- 1909 Decors for scene 1 and 2 for "Ivan the Terrible" or "Pscovitianka" opera by R.-Korsakov, for Diaghilev, Paris. Decor for 2nd Act of "Swan Lake" for Diaghilev, Paris.
- 1910 "Firebird", ballet, mus. Stravinsky, chor. Fokine, decor for Diaghilev in Paris. "Don Juan", Play by Moliere, directed by Meyerhold.
- 1911 "Orpheus and Euridice" by Gluck, "Boris Godounov" opera by Mussorgsky, and "The Stone Guest" opera by Dargomijsky, Maryinsky Theatre.
- 1913 "Pscovitianka" opera by R.-Korsakov, with N. Roerich, Diaghilev production, London.
- 1916 "La Jota Aragonaise" ballet, mus. by Glinka, Maryinsky Theatre. "The Storm" play by Ostrovsky for Meyerhold, Alexandrinsky Theatre.
- 1917 "Queen May" opera by Gluck, and "Nightingale" ballet by Stravinsky, State Academic Theatre, Petrograd; "Stone Guest" opera by R.-Korsakov, Maryinsky Theatre.
- 1922 "Solveig" opera by Grieg, State Academic Theatre.
- 1923 "Swan Lake" for Diaghilev, Monte Carlo.
- 1924 "The Barber of Seville" opera by Verdi, State Academic Theatre.
- 1927 "The Marriage of Figaro" play by Beaumarchais for Stanislavsky, Moscow Art Theatre.
- 1930 "Othello" opera by Verdi.

NATALIA SERGEEVNA GONTCHAROVA

Her work is inspired by Russian peasant and icon art and consists of simplified outlines full of primitive fantasy and clear, joyous color.

Born June 4, 1881, in Ladyzhino, near Tula; died October 17, 1962 in Paris.

Of the same stock as Natalia Gontcharova, A. S. Puskin's wife.

- 1898 Enters School of Painting, Sculpture and Architecture, Moscow, and studies sculpture under Prince Paul Trubetzkoy. Began painting on her own; had some advice from Isac Levitan. Meets M. Larionov at the School.

- 1906 Invited by Diaghilev to contribute to Russian Exhibition at Paris Salon d'Automne (Four Pastels).
- 1909 Starts theatre activity in the private studio of K. Kraft, Moscow, with decor and costumes for Hugo von Hofmannsthal's play "The Wedding of Zobeida".
- 1913 "Coq d'Or" opera-ball. by R.-Korsakov, chor. Fokine, for Diaghilev, Paris.
- 1915 "The Fan" by Goldoni, for Tairov. Kamerny Theatre, Moscow. Joins Diaghilev in Lausanne. Designs "Liturgy", mus. I. Stravinsky, chor. L. Massine, for Diaghilev (rehearsed but not produced). Settles in Paris.
- 1916 Visits Spain and Italy with Diaghilev. Designs "Espagne", mus. by Ravel, and "Triana", mus. by Albeniz, two ballets (not produced), some costumes for "Les Contes Russes" in San Sebastian, all three for Diaghilev; "Sadko", mus. by Rimsky-Korsakov, chor. A. Bolm, New York.
- 1921 Decor for "L'Echarpe de Colombine", Hugo von Hofmannsthal, mus. by Stravinsky; chor. by B. Nijinska, Berlin.
- 1922 Designs costumes for "Fairy Tales" in "Aurora's Wedding", for Diaghilev, Paris, and for "Le Renard", mus. Stravinsky; chor. B. Nijinska. Decor and costumes for "Les Noces", mus. Stravinsky, chor. B. Nijinska, Paris.
- 1923 Exhibits with Larionov in "L'Art Decoratif Theatral Moderne", Galerie Shiseido, Ginza, Tokyo. "La Nuit sur le Mont Chauve", mus. by Mussorgsky, chor. Nijinska, for Diaghilev, Monte-Carlo.
- 1925 Decor and costumes for "Karagueuz", ballet, Chicago.
- 1926 Stage settings and costumes for "Firebird", music Stravinsky, chor. Fokine, for Diaghilev, London.
- 1930 Participates in the exhibition of "Decors de Theatre", Galerie de France, Paris, also in the first retrospective exhibition of the Russian Ballet, Galerie Billiet, Paris. Costumes and decor for "Bolero", mus. Ravel, chor. Nijinska.
- 1931 Decor and costumes for "On ne s'avise Jamais de Tout", opera-ballet by M. Benoit, Theatre Pigalle, Paris. Decor and costumes for the "Fair of Sorotchinsk", ballet, Buenos Aires.
- 1932 Decor and costumes for "Tsar Saltan", mus. by Rimsky-Korsakov, chor. Balanchine, Balieff's Theatre de la Chauve Souris, New York.

- 1935 Decor and costumes for "La Vie Parisienne", music by Offenbach, chor. Balanchine, Balieff's Theatre de la Chauve Souris, N. Y. "Mephisto-Valse", ballet, music F. Liszt, chor. Fokine, Opera Comique, Paris.
- 1937 Decor and costumes for new version of "Le Coq d'Or", for Colonel de Basil Royal Opera House, London.
- 1938 Decor and costumes for "Cinderella", mus. by F. Erlanger, chor. Fokine, for Colonel de Basil, London. Decor and costumes for "Dans les Steppes de L'Asie Centrale", ballets Boris Nielssen, Bruxelles, music by Borodin. Granted French Citizenship.
- 1940 Decor and costumes for "Fair of Sorotchinsk", mus. Musorgsky, chor. Eltzov. Decor and costumes for "Goyescas", ballet, mus. Granados, Theatre des Ambassadeurs, Paris.
- 1942 Decor and costumes for "La Princesse des Ursins", by S. Jolivet, Theatre de la Cite, Paris.
- 1945 Decor and costumes for "Gulnara", opera by A. Djabatri.
- 1948 Decor for "Barber of Seville", Cambridge Theatre, London.
- 1949 Decor and costumes for "Le Coeur de Diamant", ballets du Marquis de Cuevas, Monte Carlo.
- 1951 Marries Mihail Larionov.
- 1954 Copies her original "Firebird" for London and Milan. Represented with Larionov in special room at Diaghilev Exhibition, Edinburgh and London.
- 1957 At Monte Carlo Ballet Festival, decor and costumes for "Les Sylphides", music by Chopin; "Eros", music by Tchaikovsky; "Harlequin", music by L. Van Beethoven; "The Toys", and "Ishmar", music by M. Balakirev.
- 1959 September-December. Retrospective exhibition of paintings and designs for the theatre by Larionov and Gontcharova, Arts Council, London.
- 1961 A retrospective exhibition of paintings and designs for the theatre, Arts Council, Leeds, Bristol, London.

ALEXANDRE EVGENIEVITCH YAKOVLEFF

An excellent draftsman and illustrator.

Born June 13, 1887, in St. Petersburg; died May 1938, Paris.

1913 Studied at the Academy of Arts, St. Petersburg. Travelling

scholarship from Academy of Arts, enabled him to visit Italy and Spain with Shuhaiev.

1914 Returns to Russia, due to war.

1917-19 Trip to China and Japan on travelling scholarship from Academy of Arts. Settles in Peking.

1918 Two months' trip to Mongolia accompanied by local guide.

1919 Lived in Japan.

1920 Takes up residence in Paris. Shows Far Eastern paintings at Galerie Barbazanges, Paris. Exhibits more than 169 items in Grafton Galleries, London.

1921 Takes part in the exhibit of "Mir Iskustva", Paris at the Galerie La Boetie.

1922 Publication of book on "Dessins et Peintures de Extreme-Orient" by A. Iakovleff. limited edition of 150 copies. Illustrates the book "Le Theatre Chinois" by Tchou-Kia-Dien.

1923 Participates in exhibit of Russian Painters at the "Salon de la Societe des Beaux Arts", Brussels.

1924-25 Joins Citroen's "Crossiere Noire", a motor car trip across Africa.

1926 Exhibition at Galerie Charpentier, Paris, 228 items of "Croisiere Noire".

1927 Publication of book "Dessins et Peinture d'Afrique", 1,120 copies. Small exhibit at "Galerie des Quatre Chemins", Paris, on the theme of Capri.

1928 Illustrates "Batouala" by Rene Maran, Edition Mornay, Paris. Feb.-Mar. joins a safari in Abyssinia organized by Henri de Rothschild.

1929 May, Retrospective Exhibit of paintings covering 1921-29 period at Galerie de la Renaissance, Paris. Dec. Exhibits at Galerie Kodak, Brussels.

1930 Becomes French citizen. Exhibits at Galerie de la Renaissance, Paris.

1931-32 Joins Citroen's Asiatic expedition to China "La Croisiere Jaune".

1933 May, exhibit of "Croisiere Jaune", Galerie Charpentier, Paris.

1934 March: exhibit of 60 drawings from "Croisiere Jaune", Explorers' Hall, Geographic Society, Washington, D. C.; publishes "Dessins et Peintures d'Asie", edit. Lucien Vogel, chez J.

Maynial, Paris, 700 copies. Appointed director of drawing and painting at the Boston School of the Museum of Fine Arts. May: decor and costumes for "Semiramis" by Paul Valery, music by A. Honegger, for Ida Rubinstein, Paris Opera.

1936 Feb.: one man show, Knoedler, N.Y.

1936-38 Divides his time between Capri and Paris.

1938 Jan.: shows 105 items at the Carnegie Institute.

1939 Jan.: exhibit of 81 items at the Grand Central Art Galleries, N.Y.

NICOLAI CONSTANTINOVITCH KALMAKOFF

Considered the "Russian Beardsley" with a touch of surrealism.

Born in 1873 in Nervi, Italy; died in 1955 in Chelles, France. Mother Italian, nee Chezzchi; Father Russian Officer, born in St. Petersburg.

1895 Graduates from Law School, St. Petersburg.

Has made decors and costumes for:

1908 "Judith", tragedy by F. Hebbel, Komisarjevskia Theatre, Moscow; "Anatheme" by L. Andreev, Kamerny Theatre, Moscow; "Salome" by O. Wilde for Evreinov in Komisarjevskia Theatre, Moscow. "Night Dances" by F. Sologoub, benefit performance at the Literary and Artistic Club, St. Petersburg. "The Black Masks", by Andreiev, Komisarjevskia Theatre, Moscow.

1911 "The Grand Duke of Moscow" by Lope de Vega, Old Theatre, Petersburg.

1913 Participates in exhibit of Society of Artistic Development, Petersburg.

1914 "Ritter Hawann" by Ed. Stucken, Theatre Rucke.

"Life is a Dream" by Calderon, Kamerny Theatre, Moscow.

1915 Costumes for the Puppet Theatre run by Mr. & Mrs. Sazounoff, Petrograd (inaugurated in 1915).

1921 Emigrates to Reval, Estonia.

1922 Exhibits in Reval.

1924 Settles in France; in June exhibits 133 items at Galerie Leroy, Brussels.

1928 Exhibits at Galerie Charpentier, Paris.

1947 Entered Old People's Home in Chelles.

- 1964 First retrospective exhibit in Gallerie Mott, Paris after Count G. Martin du Nord purchased over 100 of Kalmakoff's paintings for a nominal sum at the Paris Flea Market.
- 1968 Second retrospective exhibit, Galerie J. H. Perrin, Paris.

ALEXEY CONSTANTINOVITCH KOROVINE

His work is similar to the impressionistic maner of his father Constantine.

Born (?) ; committed suicide in 1950, France.

- 1929 "Invisible City of Kitej" op. mus. by R.-Korsakov for "Opera Prive de Paris", Theatre des Champs-Elysees, Paris.

CONSTANTINE ALEKSEEVITCH KOROVINE

A great master of subtle, impressionistic stage effects, with a strongly dramatic and refined style.

Born December 23, 1861, Moscow; died September 11, 1939, Paris.

- 1882 Graduated from Moscow School of Painting, Sculpture and Architecture.
- 1885-91 Worked for the private opera house of S. Mamontov, Moscow. Worked amongst others, on Aida, Carmen, Lakme, Mikado and from 1896-98 on Faust by Gounod, L. Borgia, Prince Igor and Khovanshchina.
- 1888 Trip to Italy
- 1893 Exhibits at the "Salon" in Paris.
- 1898-1910 Worked in Imperial Russian Theatres, reaching position of Director.
- 1899 Joins "World of Art" movement.
- 1900 Exhibits in Paris at the World Exhibition. Designs costumes and decor for "Don Quixote" by Minkus, Bolshoi Theatre.
- 1901 Becomes member of the "Association of Russian Painters". Costumes and decor for "The Humpbacked Horse" by Pugni.
- 1901-17 Creates costumes and decor for ballet theatre and opera. A great part of the original drawings were destroyed in the fire which burnt the Mali Theatre.
- 1902 "Demon" by A. Rubinstein, Maryinsky Theatre, and trip to Paris. "Don Quixote", chor. Gorski, Bolshoi Theatre, Moscow.

- 1903 "Aleko" by S. Rachmaninov and "Gold Fish" ballet, in Bolshoi Theatre.
- 1904 "Ivan Susanin" by Glinka and "Eugene Onegin" by Tchaikovsky, Bolshoi Theatre.
- 1905 "Cherry Orchard" by Chekhov and "The Tempest" by Shakespeare, Mali Theatre.
- 1906 "Sadko" by Rimsky-Korsakov, Bolshoi Theatre.
- 1907 "Ruslan and Ludmila" by Glinka and "Gold Fish, ballet, Bolshoi Theatre. "Revizor" by Gogol, Alexandrovsky Theatre; "Snow Maiden" by Rimsky-Korsakov.
- 1908 "Raymonda" by Glazounov and "Ivan Soussanin" by Glinka, Bolshoi Theatre.
- 1909 "Le Coq d'Or" by Rimsky-Korsakov and "Prince Igor" by Borodin, Maryinsky Theatre. "Uncle Vania" by Tchekhov, Alexandrovsky Theatre; "Ruslan and Ludmila" by Glinka for Diaghilev. Decor and many costumes for "Le Festin" for Diaghilev, Paris. Decor for Act 1 and costumes for "Swan Lake" for Diaghilev, Paris.
- 1910 "Salambo" ballet by Andersen, Bolshoi Theatre; "May Night" by Rimsky-Korsakov, Maryinsky Theatre, "Marriage de Figaro" by Beaumarchais, Mali Theatre, "Les Orientales", Bolshoi Theatre, and for Diaghilev, Paris.
- 1911 "Twilight of the Gods". "The Flying Dutchman" by Wagner and "Khovanshchina" by Mussorgsky, Bolshoi Theatre. Decor for "L'Oiseau d'Or", mus. Tchaikovsky, chor. Petipa, for Diaghilev, Paris.
- 1912 Exhibition of Association of Russian Painters, Moscow; trip to France. The "Rheingold" by Wagner, Bolshoi Theatre. "Macbeth, Mali Theatre.
- 1913 "Tale of Tsar Saltan" by Rimsky-Korsakov, "Nutcracker" by Tchaikovsky and "Schubertiana" Bolshoi Theatre.
- 1914 "Sleeping Beauty", by Tchaikovsky, Maryinsky Theatre; "The Demon" by A. G. Rubinstein; "Eugene Onegin" by Tchaikovsky; "The Humpbacked Horse" by Pugni, Bolshoi Theatre.
- 1915 "Corsaire" by Adam; "Don Quixote" by Minkus, Bolshoi Theatre; "The Storm" by Taneev, Maryinsky Theatre.
- 1916 "The Legend of the Invisible City of Kitezh" by Rimsky-Korsakov, Bolshoi Theatre.

- 1917 "The Boyadere" by Minkus, "The Immortal Kastchei" by Rimsky-Korsakov.
- 1919 "Nutcracker", chor. Gorski, Bolshoi Theatre.
- 1920 "Le Coq d'Or" by Rimsky-Korsakov, Bolshoi Theatre.
- 1921 "May Night", by Rimsky-Korsakov, Mali Theatre, Petrograd.
- 1923 Emigrated to France. "The Snow Maiden" by Rimsky-Korsakov, Paris.
- 1924 "Night on the Bald Mountain", chor. Lopukhov, Leningrad Theatre of Opera and Ballet. "Carnival", chor. Riabzev, Bolshoi Theatre.
- 1925? "Don Quixote", by Minkus, chor. L. Novikov, for A. Pavlova's Company.
- 1926 "Swan Lake" by Tchaikovsky for Original Ballets Russes, Monte Carlo.
- 1929 Exhibition of paintings in Berlin in the Nicolai Gallery. Exhibits in "Galerie Studio", Paris.
- 1930 "Prince Igor" by Borodin, Russian Opera, Paris. "Snow Maiden" by Rimsky-Korsakov, Russian Opera, Paris.
- 1936 "Danses Slaves et Tziganes" from Roussalka, chor. Nijinska, Ballet Russes, Colonel de Basil, Paris.
- 1938 "The Humpbacked Horse", mus. Pugni, not produced.

To K-s brush belong the scenery of 80 operas, 37 ballets and 17 dramatic plays.

MIHAIL FEDOROVITCH LARIONOV (Michel Larionov)

His refined primitivism is characterized by brilliant folk art colors. Born May 22, 1881, Tiraspol, Bessarabia, died May 10, 1964, Fontenay-aux-Roses, France.

- 1898 Was successful in entrance examination for the School of Painting, Sculpture and Architecture and, having signed a ten year contract, began his studies there.
- 1898-1902 Rarely attended studies in the School. Worked in private studio, at first at his parents' home, then after a year in a flat and studio of his own. Met Goncharova at the School. Students expected to send in works to School every month for display and criticism; Larionov very prolific. In 1902 sent so many

- that he was asked to remove some; refused and was expelled.
- 1906 Represented in the "World of Arts" exhibition in Petersburg, the "Union of Russian Artists" Exhibition in Moscow and the special exhibition of paintings by Russian artists arranged by Diaghilev at the Salon d'Automne in Paris.
- 1915 Designs decors and costumes for "Histoires Naturelles", mus. Ravel, chor. Larionov-Fokine, "Soleil de Minuit", music R.-Korsakov, chor. Massine, Paris; both for Diaghilev, Lausanne.
- 1917 Designs decors and costumes for the ballet "Contes Russes", music by Liadov, consisting of 4 parts: "Kikimora", "Baba-Yaga", "Bova Korolevitch" and "Khorovod", for Diaghilev, Paris.
- 1919 Exhibits with Gontcharova at Galerie Barbazanges, Paris. Decors and costumes for new sets of the "Contes Russes" produced in London, for Diaghilev.
- 1921 Designs, decors and costumes for "Chout" (Le Bouffon), music by Prokofiev, chor. Thadee Slowinsky, for Diaghilev, Paris.
- 1922 Designs stage settings and costumes for "Renard", music Stravinsky, chor. B. Nijinska. Exhibits with Gontcharova at the Kingore Gallery, New York.
- 1923 Exhibits with Gontcharova at "Modern Theatrical Art", Gallery Shislido, Ginza, Tokyo. Represented Bienale at the Rome and at the Russian group of "Societe des Beaux Arts de Bruxelles".
- 1926 Exhibits at Galerie Charpentier, Paris in retrospective show of "Theatre Arts". Trip to London with Diaghilev.
- 1928 Represented in the "International Theatre Exhibition", Whitechapel Art Gallery, London. Also represented at the exhibition of centemporary Russian Art, Pushkin Gallery, Birmingham.
- 1929 Second version of "Renard", chor. S. Lifar with Constructivist sets produced in Paris.
- 1930 Designs, costumes for the "Symphonie Classique" music by Prokofiev, and costumes and decors for "La Petite Catherine", mus. by Nabokov, comedy by A. Savoir, Theatre Pigalle, Paris. Participates in the exhibition "Decors de Theatre", Galerie de France, Paris. Organizes together with Pierre Vorms, the first retrospective exhibition of maquettes, decors and costumes of Ballets Russes, Galerie Billet, Paris.
- 1932 Decors and costumes for the ballet "Sur le Borysthene", music by Prokofiev, l'Opera, Paris.

- 1935 Decors and costumes for the ballet "Port Said", music by Constantinov. Participates in the exhibition of Russian painting at the Slav Institut, Prague.
- 1939 Exhibits at Musee des Arts Decoratifs in show entitled "Ballets Russes de Diaghilev".
- 1951 Married Natalia Gontcharova.
- 1954 Represented with Gontcharova in special room at the "Diaghilev Exhibition". Edinburgh and London.
- 1961 Plans trip to USSR. Death of Gontcharova disturbs trip. Exhibits at "A Retrospective exhibition of paintings and designs for the theatre", Arts council, Leeds, Bristol, London. Participates in the exhibition "Der Sturm". 1912-1932, Nazionale Galerie, Berlin.
- 1963 Participates in the exhibition "Gontcharova-Larionov", Musee d'Art Moderne de la Ville de Paris. Begins again to paint with his left hand, as partially paralyzed. Married Alexandra Klavdievna Tomolin.

LUDOLFS MARTZEVITCH LIBERTS

A fine painter of the realistic school.

Born April 3, 1895, Tirza, Latvia. Died March 11, 1959, Queenes, New York.

High School, Riga; Art School, Kazan; School of Fine Arts, Moscow.

1922-1924 Instructor of Latvian Academy of Fine Arts, Riga.

1924-1942 Instructor of Advanced classes at same Academy.

1926 Makes costumes and decors for "Salinieki" (the Islanders) opera by A. K. Kalnins, National Opera, Riga.

1929 Awarded Golden Medal in Barcelona (International Theatrical Exhibition). Appointed Stage director and stage designer of the National Opera of Latvia. "Sleeping Beauty", music by Tchaikovsky, chor. Petipa, Latvian Ballet, Riga.

1934 Received the title of Painter Extraordinary by the Academy of Fine Arts of Latvia.

1935 "The Triumph of Love" music J. Medins, chor. O. Lemanis, Latvian Ballet, Riga.

1936 Appointed President of the Federation of all the art associations of Latvia.

- 1937 Elected Vice President of Chamber of Arts and Literature of Latvia.
- 1942 Elected Professor of Latvian Academy of Fine Arts, Riga.
Some works which he did costumes and decors (Dates and places not available).
"Scheherezade" ballet by Rimsky-Korsakov; "Ilya Mourometz" by J. Rains; "Spriditis" opera by I. G. Medins; "Aida" opera by G. Verdi; "The Golden Cockrel" opera by R. Korsakov; "The Nutcracker" ballet by Tchaikovsky; "Lakme" opera by L. Delibes; "Carmen" op. by G. Bizet; "Salome" op. by R. Strauss; "Troubadour" op. by G. Verdi; "The Magic Pen" ballet by Tcherepnine; "The Firebird" bal. by Stravinsky; "Jota Aragonesa" bal. by Glazunov; "Sadko" opera by R. Korsakov; "Eugene Onegin" opera by Tchaikovsky; "Pique Dame" and "Iolanta" operas by Tchaikovsky, both in Kazan; "Judith" by Hobbel, Riga National Opera; "Khovanshchina" opera by Mussorgsky; "Gas" Play by G. Kaiser; "Demon" opera by A. G. Rubinstein; "Samson and Delila" opera by Saint Saens.

SEMION MIHAILOVITCH LISSIM (Simon Lissim)

An artist of the realistic school who after the mid 1930's concentrated on easel painting.

Born October 24, 1900, Kiev; living in Dobbs Ferry, New York.

- 1912 Settles in Paris where he studies at the Ecole Nationale des Arts Decoratifs and at the Sorbonne.
- 1923 Decor and costumes for "L'Autre Messie" by H. Soumangne; (for A. F. Lugne Poe, Theatre de l'Oeuvre, Paris); project of decor and costumes for "Cleopatra"; costumes for "Sadko"; "Love of Three Oranges", "The Red Mushrooms" and project of costumes and decor for M. Maeternick's "The Blue Bird".
- 1924 Works on following productions for Theatre de l'Oeuvre, Paris, "Le Feu a L'Opera" by G. Kayser; "La Mort a Cheval" and "La Farce des Encore" by H. Gheon. Decor and costumes for Maria Ricotti "Tsar Saltan" and "Kastchey", operas by Rimsky-Korsakov at the Gran Teatro del Lyceo, Barcelona. Projects for "The Fair of Sorotchinsk", opera by Mussorgsky. In Brussels, at the

- Theatre Royal de la Monnaie, decor for Prince Igor", opera by Borodin.
- 1925 Project of costumes and decor for "Hamlet" by Shakespeare. Silver Medal at the Paris International Exhibition.
- 1927 Decor and costumes for "L'Aiglon" by E. Rostand at National Theatre, Riga.
- 1929 Received Gold Medal from the "International Theatrical Exhibition", Barcelona.
- 1930 Decor and costumes for "La Quadrature du Cercle" by Kataev, Theatre de L'Atelier, Paris.
- 1931 Decor and costumes for "La Belle de Haguenau", opera by Fouret, & "La Danse Pendant le Festin", music by M. F. Gaillard at the Opera comique, Paris Makes an Oriental costume for Olga Spessivtzeva.
- 1932 Costumes for "La Ligne du Coeur" by G. A. Puget, Theatre Michel, and costumes for "La Prochaine", by A. P. Antoine at theatre Antoine, Paris.
- 1933 Projects for decor and costumes for "Pictures at an Exhibition" by Mussorgsky for Ballets Russes at Monte Carlo.
- 1938-39 One man show, sponsored by the Theatre Library Association of America, at Oberlin College, Yale University; Queen's College and Swarthmore College, Syracuse University; and N. Y. College for Women.
- 1941 Settles in the United States, in New York City, and in 1947 in Dobbs Ferry, N. Y.

Since then designed decor and costumes for Ludmila Pitoeff, for a production of "L'Annonce Faite a Marie" by P. Claudel. Conducts every year, during the Spring term a course in Stage Design at the City College of New York.

GEORGY ANATOLIEVITCH POGEDAIEFF
(Georges A. de Pogedaieff)

Primarily an illustrator and graphic artist.

Born January 13, 1899, Kursk, Russia; living in Paris.

Did costumes and decors for :

- 1918 "Queen of Spades", opera by Tchaikovsky, Nicolaevsky's People's House, Petrograd.

- 1919 Numerous productions for Balieff's The Bat Theatre, Petrograd.
1920 "Cyrano de Bergerac", by E. Rostand, Korsh Theatre, Moscow.
"Automne Manoeuvres" Nikitski Theatre of Potopchina, Moscow.
1921 "The Mask of the Red Death", based on E. Poe, music by Tche-repnine, Bolshoi Theatre, Moscow.
"Electra", by Hofmannsthal, opera by R. Strauss, National Theatre, Bucharest.
1922 "Macbeth", National Theatre, Bucharest; "Coppelia" music by L. Delibes, Opera House, Bucharest; "Budala's Feast", by Lermontov, Russian Romantic Theatre, Berlin.
1923 "Khovanshchina", opera by Mussorgsky, Teatro del Lyceo, Barcelona.
1924 "Boris Godounov", opera by Mussorgsky, Teatro Colon, Buenos Aires.

IVAN ROBERTOVITCH PUNY (Jean Pougny)

Most of his theatrical work is in the cubistic style.

Born Feb. 26, 1894, in Kuokkala, Finland, near St. Petersburg; died Nov. 26, 1955, in Paris.

Father cellist; grand-father, Cesar Pougny, Italian composer, was orchestra conductor at the Paris Opera prior to emigrating to Russia.

1900-9 Studies in St. Petersburg.

1910 First trip to Paris, where he works in the Academie Julian.

1912 Returns to Russia and contributes to exhibition in St. Petersburg with Malevitch, Tatlin and Larionov at "Youth Union".

1913-14 Again in Paris; exhibits in 1914 at "Salon des Independants".

1914 Returns to Russia, where he makes his first abstract sculpture.

1915 Organized in St. Petersburg the exhibition "Tramway 2", in which participate Malevitch, Tatlin, A. Exter, Oudaltzova and himself. Signs the Suprematist Manifesto with Malevitch.

1915-16 During winter, organizes the exhibition "O. 10" at the Dobitchin Gallery where his own paintings were shown as well as those of Malevitch and Tatlin.

1917 Professor at the Academy of Arts in Petrograd. At Chagall's request, teaches also in Vitebsk with his wife Xenia Leonidovna nee Bogouslavskaya.

- 1919 April: exhibits at Winter Palace "Exhibition of painters from all Schools". Leaves for Finland where he settles in his father's estate.
- 1920 Emigrates to Berlin.
- 1921 Feb. Exhibits at "Der Sturm" Gallery, Berlin.
- 1922 Works on theatre costumes and decor, as well as illustrations for newspapers.
- 1923 Settles in Paris.
- 1924 Exhibits at first "Salon des Tuilleries",
- 1925 First one man show in Paris at Barbazanges Gallery.
- 1933 One man show at the Jeanne Castel Gallery organized by Paul Guillaume.
- 1940 Settles in Antibes.
- 1946 Becomes a French citizen.
- 1949 Exhibits at the Knoedler Gallery in New York.
- 1950-56 Exhibits through Europe and Japan.

NICOLAI VLADIMIROVITCH REMISOFF (Remi — pen name)

A scenic painter of the realistic school.

Born May 6, 1887, in St. Petersburg, living in Palm Springs, California.

- 1905-1906 Worked in a magazine called "Arrow" in St. Petersburg.
- 1907 Entered Imperial Academy of Fine Arts in St. Petersburg.
- 1901-1913 Worked in Magazine "Satiricon" under the name "Re-Mi".
- 1913-1918 Staff member of magazine "New Satiricon".
- 1918 Finished Academy of Fine Arts with distinction. The "New Satiricon" suppressed by new regime.
- 1919-1922 In Paris. Joined N. F. Balieff's Theatre de la Chauve-Souris as designer of costumes and stage sets. Designed for him "Zaria-Zarianitza" mus. by N. Souvorsky; "Le Roi a Fait Battre Tambour", choir performance; "Sous l'Oeil des Ancetres"; "C'etait au Mois de Mai"; "Parade of the Wooden Soldiers".
- 1922-1924 In New York with "Chauve-Souris".
- 1924 Arrived in Chicago and worked in Chicago Opera Ballet (Allied Arts) on costumes and decors for following ballets, chor. Adolph Bolm: "Elopement", mus. W. A. Mozart; "Le Foyer de la Danse", mus. Emmanuel Chabrier.

- 1925 "The Rivals" music H. Eicheim; "Little Circus" music J. Offenbach; "Mandragora" music K. Szymanovsky; "Bal des Marionnettes" music Eric Satie; "Christmas Carol" music V. Williams.
- 1926 "Parnassus au Montmatre" music E. Satie; "Petrouchka" music I. Stravinsky, Adolf Bolm Ballet, Chicago, Ill.
- 1927 "Tragedy of the Cello" music A. Tansman, Allied Arts, Chicago, Illinois.
- 1928 "Oak Street Beach" music C. Loomis, chor. Ruth Page, Ravinia Op. Co., Ravinia, Ill. "Arlechinada" mus. Jan J. Mondovill, chor. A. Bolm, Chamber of Music, Washington, DC. "Old Vienna" music Bethoven, chor. A. Bolm, Chamber of Music, Washington, D.C. "Apollon Musagete" music I. Stravinsky, chor. A. Bolm., chamber of Music, Washington, DC.
- 1929 "Pavane" music M. Ravel, chor. Ruth Page, Ravinia Opera Co. Ravinia, Ill.
"Cinderella" music M. Dellanoy, chor. Ruth Page, Ravinia Opera Co., Ravinia, Ill.
- 1930 "Iberian Monotone", music M. Ravel, chor. Ruth Page, ballet Co., Ravinia Opera Co., Ravinia, Ill.
- 1931 "The Story of the Soldier" music I. Stravinsky, chor. R. Page, Page-Etone Ballet Co., Chicago, Ill.
- 1932 "Ballet Mechanique" music A. Mossolov, chor. A. Bolm, The American Ballet Co., Los Angeles, California.
- 1933 "La Guiblesse" music William G. Still, chor. R. Page, Page-Stone Ballet Co., Chicago, Ill.
"Le Coq d'Or" music Rimsky-Korsakov, chor. A. Bolm, San Francisco Opera, San Francisco, California.
- 1934 "Hear Ye! Hear Ye!" music Aaron Copland, chor. R. Page, Ruth Page-Stone Ballet Co., Chicago, Ill.
"Gold Standard" music Jacques Ibert, chor. R. Page, Page-Stone Ballet Co., Chicago, Ill.
- 1935 "An American Pattern" music Jerome Moross, chor. R. Page, Page-Stone Ballet Co., Chicago, Ill.
"Love Song" music Schubert, chor. R. Page, Page-Stone Ballet Co., Chicago, Ill.
- 1936 "American in Paris" music G. Gershwin, Page-Stone Ballet Co., Chicago, Ill.
- 1936 Arrived in Hollywood.

- 1938 "Faust" dramatic play, and "Sister Beatrice" both directed by Max Reinhardt, in Hollywood, California.
- 1939 Started working as Art Director in the Motion Picture Industry Hollywood, Calif.
- 1940 "Firebird" music I. Stravinsky, chor. A. Bolm, Hollywood Bowl, Hollywood, Calif.
- 1943 "Fair at Sorotchinsk" music M. Mussorgsky, chor. David Lichine, Ballet Theatre, New York.

NICOLAI KONSTANTINOVITCH ROERICH

His work has a rugged, primitive quality, both savage and grandiose.

Born Sept. 27, 1874, in St. Petersburg; died December 18, 1947, in Kulu, India.

- 1894 Becomes a pupil in the atelier of A. I. Kuyndjy.
- 1897 Graduates from both Law School and Academy of Fine Arts in St. Petersburg.
- 1900-1 Trip to Paris where he joins the atelier of Carmon.
- 1903 Trip throughout Russia where he studies archeological sites; collaborates with group known as "World of Arts".
- 1906 Becomes director of the school of the "Society for the Furthering of Arts".
- 1907 Costumes and decors for the "Three Magi", Old Theatre, St. Petersburg.
- 1908 Costumes and decor for "The Snow Maiden" by R.-Korsakov, Opera Comique, Paris.
- 1909 Costumes and decor for "Prince Igor", chor. Fokine, music Borodin; Chatelet Theatre; decor for 2nd and 3rd acts of "Ivan the Terrible" or "Pscovitianska" by R.-Korsakov, both for Diaghilev, Paris.
- 1910 Works with Stravinsky on "Rites of Spring" and makes costumes and decor for it.
- 1911 Decor for the play "Fuente Ovejuna" by Lope de Vega, Old Theatre, St. Petersburg. Paneau for "La Bataille de Kerjenetz" music R.-Korsakov, for Diaghilev, Paris.
- 1912 Costumes and decor for Wagner's "Tristan & Isolde" (never

produced). Costumes and decor for "The Snow Maiden", play by Ostrovsky, Russian Theatre, St. Petersburg. Costumes and decor for "Per Gynt", by Ibsen, Moscow Art Theatre. Costumes and decor for "Princess Malein" by Maeterlinck, Moscow, Free Theater.

- 1913 "The Rites of Spring", chor. V. Nijinsky, Champs Elysees Theatre, Paris. "Pscovitianka" music by R.-Korsakov, with A. Golovine, Diaghilev production, Drury Lane Theatre, London.
- 1914 Decor and costumes for "Sister Beatrice" by Maeterlinck, Musical Drama Theatre, Petrograd.
- 1917-18 Lives and works in Finland.
- 1919-20 Revives "Prince Igor" chor. Massine for Diaghilev in Paris, makes sketches for "Snow Maiden", "Tsar Saltan" (1919) and "Sadko" (1920) for the Royal Opera Covent Garden, London.
- 1920 Arrives in the U.S.A.
- 1922 "Snow Maiden" produced by Chicago Civic Opera Co.
- 1923-28 In Asia as head of "Roerich Central Asiatic Expedition".
- 1929 Dedication of Roerich Museum in N. Y. City. Subsequent years spent mostly in the Far East.

PRINCE ALEXANDER KONSTANTINOVITCH SCHERVACHIDZE

A "romantic" scenic painter.

Born December 12, 1867, Russia; died Aug. 17, 1968.

- 1898-1906 Lived in Paris; studied in the atelier of Julien and Cormon.
- 1909 "Tristan and Isolde" opera by R. Wagner, staged by Meyerhold, Maryinsky Theatre; "Talisman" by Drigo, Maryinsky Theatre, Petersburg.
- 1910 "Miranda" opera by N. I. Kazanli, Maryinsky Theatre, Petersburg; "Shut Tantris" by Hardt, Aleksandrinsky Theatre.
- 1911 "Virgin Martha" by Tirso de Molina, Old Theatre, Petersburg.
- 1912 "Hamlet" by Shakespeare, Aleksandrinsky Theatre, Petersburg.
- 1913 "The Marvel of Roses" opera, music by P. P. Shenk, Maryinsky Theatre, Petersburg.
- 1917 "He Who Gets Slapped" by L. Andreyev, Aleksandrinsky Theatre.
- 1922 "Gay Death" by Evreinov, Theatre du Vieux Colombier, Paris;

- “The Wedding” by Gogol and “Month in the Country” by Tourgenyev, Mare Theatre, Brussels.
- 1923 “Himen”, by E. Bourde, Brussels.
- 1926 “The Triumph of Neptune”, pantomime in 12 tableaux, music by Gerald Berners, chor. Balanchine, for Diaghilev, London. Curtain for “Romeo and Juliet”, chor. B. Nijinska, for Diaghilev, Paris
- 1929 “Shota Rustaveli”, ballet by Honneger, Monte Carlo.
- 1932 “Prometheus”, music by Beethoven, chor. by S. Lifar, Paris, Opera.
- 1936 “Swan Lake”, chor. Petipa, Original Ballet Russe, 4th American Tour.
- 1940 “L’Après-Midi d’Un Faune”, music by Debussy, chor. after Nijinsky, decor by Schervachidze, costumes by Bakst; Original Ballet Russe, 6th American Tour.

VASYLY IVANOVITCH SHOUHAIEV

A scenic painter of the realistic school.

Born in 1887 in Moscow; living in Tbilisi, Georgia, USSR.

Primary education in Stroganov School, Moscow.

- 1911 Decor for “Comedia del Arte”, under V. S. Meyerhold’s management.
- 1912 Graduated from Academy of Arts, St. Petersburg.
- 1911-15 Lives in Italy on scholarship from the Association for the Encouragement of painters.
- 1917-18 Decor together with A. B. Iacovleff for N. N. Tcherepnin’s ballet “The Tale of Tsarevitch Ivan”, Moscow. Project for decor and costumes for R. Wagner’s “Ring”, Moscow. Decor for “Four Heart-Eaters”, play by Miklashevsky, Moscow Drama Theatre. Project for “Velvet and Rags”, play by A. A. Lunacharsky.
- 1920 Emigrates to Paris.
- 1922 Pushkin’s “Queen of Spades” illustrations, edited by La Pleiade Paris.
- 1924-25 Starts collaboration with N. F. Balieff and his company “La Chauve Souris”, Theatre Femina, Paris, for whom he created decor and costumes for “Stenka Razin”, music by A. Arkhangelsky; “L’Intermede de la Bergere” (selection from the

"Queen of Spades" by Tchaikovsky; "L'Arrivee a Bethleem", based on the "Legendes Dorees" by Yvette Guilbert; "Partie Champetre", music by A. Arkhangelsky; "Tay-Pu", play by N. Balieff; "La Pastourelle"; "The Straw Carriage", play by N. Balieff.

1933 "Semiramis" ballet by Stravinsky, I. Rubinstein's Theatre, Paris

1936 "The Stone Guest", tragedy by A. Pushkin. "Louisa Miller", by G. Verdi, Kirov Theatre, Leningrad. "Pougatchev", play by K. A. Trenev, Russian Drama Theatre, Kiev. "The Blue Bird", by M. Maeterlinck, Young Spectator Theatre, Kiev.

1937-47 Works while deported in the theatre of the City of Magadan, Northern Siberia, on the following subjects: "Meshtchane", play by M. Gorsky; "Maritsa" and "Sylvia", operettas by I. Kalman: "Honeyman's Travels", play by V. Dihovichnov, and numerous other productions.

1947 Released from deportation and settled in Tbilisi.

1947-48 "Meeting with Youth", play by A. Arbousov, Tbilisi State Theatre of Russian Drama; "Dance Tutor", play by Lope de Vega and "Kretchinsky's Wedding" play by Suhovo-Kobylin, Georgian State Drama Theatre.

1946 "Eugene Onegin" by Tchaikovsky, Tbilisi State Theatre.

1954-55 "A Long Time Ago", by Gladkov, Russian Drama Theatre, Kiev.

1958 Received Government medal "Symbol of Respect"; works as professor of drawing, Tbilisi Academy of Art.

SERGEI YURIEVITCH SOUDEIKINE

His strong colors and stylized designs often bear the imprint of Russian peasant art.

Born March 19, 1882, Smolensk, Russia; died August 12, 1946, Nyack, New York.

1897-1909 Studied with interruptions at the Moscow School of Painting Sculpture and Architecture, under K. Korovine and V. Serov.

1910 Studied at Academy of Arts, St. Petersburg, joined the "World of Arts" movement.

1906 Scenery for "La Soeur Beatrice", by Maeterlinck, directed by

- V. E. Meyerhold at the V. F. Komisarjevskia Theatre in St. Petersburg.
- 1909 Decor and costumes for "Caesar and Cleopatra" by B. Shaw, directed by F. F. Komisarjevsky.
- 1912 Painted in Paris for Diaghilev, from sketches by Bakst: "L'Après-Midi d'un Faune" by Debussy, "Daphnis and Chloe" by Ravel and "Thamar" by Balakirev, Premiere May 29, Theatre du Chatelet, Paris.
- 1913 Decor and costumes "The Tragedy of Salome" by Florent Schmitt, for Diaghilev, Premiere June 12, Theatre des Champs-Elysees, Paris.
- 1914 Decor and costumes "The Red Masks" by Nicholas Tcherepnin, for Diaghilev. (Declaration of War prevented staging).
- 1915 Decor "The Secret of Suzanne", by Wolf-Farrari at the Maryinsky Theatre, St. Petersburg. Decor and costumes "The Joys of Girls", by Kuzmin. Decor and costumes "The Marriage of Figaro" by Beaumarchais and "The Inside of Life", by Benavente, directed by A. I. Tairov, Kamerny Theatre, Moscow.
- 1916-17 Soldier in the Russian Army.
- 1918-1919 Lived in Crimea and in Tiflis (Caucasus). Emigrated to Paris.
- 1920-1922 Decor and costumes for: Balieff's "Chauve-Souris" in Paris, "Theatre Maria Kuznetsova" in Paris; "Korobotchka" by Stravinsky, Theatre Apollo in Paris, "Judith" by Henry Bernstein, for Antoine, Theatre du Gymnase in Paris. "L'Amour Livre d'Or", by Alexis Tolstoy, for Jacques Copeau, Theatre du Vieux-Colombier, and for Anna Pavlova's Ballet Company: "The Sleeping Beauty", "Coppelia", "The Fairy Doll", etc.
- 1921 Was invited to become Life Member of the "Salon d'Automne". Exhibition of Mir Iskoustva at the Galerie La Boetie, July 16th through 25.
- 1922 Came to USA with Balieff's "Chauve-Souris". First season in New York.
- 1925 "Petrouchka", ballet by Stravinsky for the Metropolitan Opera.
- 1926 "The Nightingale", opera by Stravinsky, and "The Magic Flute" by Mozart, both for the Metropolitan Opera. "The Chief Thing", by N. N. Evreinov, for the Theatre Guild.
- 1927 "The Gardener's Dog", by Lope de Vega, for Maurice Schwartz.

- Premiere October 20, N. Y. "The Ten Stages of Life", for Ba-lieff's Chauve Souris Theatre. "Mignon" by A. Thomas, for the Metropolitan Opera.
- 1929 "Les Noces" ballet by Stravinsky, for the League of Composers, April 25, Metropolitan Opera. "Sadko" by Rimsky-Korsakov, for the Metropolitan Opera.
- 1930 "The Flying Dutchman" by Wagner and "The Fair at Soro-chinsk" by Mussorgsky, with ballet "Night on the Bald Moun-tain", for the Metropolitan Opera.
- 1935 "Porgy and Bess", opera by George Gershwin, directed by Rou-
- 1934 "New Faces", revue by Leonard Sillman and Charles Dilling-ham, May 3, 1934, at the Fulton Theatre.
- "We Live Again", motion picture based on "Ressurrection" by Tolstoy, directed by Rouben Mamoulian.
- "The Chinese Nightingale", fairy tale by Andersen, directed by L. Galperin, for the American Children's Theatre, October 5, 1934.
- "Mavra", opera by Stravinsky, for the Philadelphia Orchestra, December 28, 1934 at the Academy of Music, Philadelphia, Pa. ben Mamoulian, October, 1935 at the Alvin Theatre.
- "Reminiscence", music by Godard, choreography by Balanchine, for the American Ballet.
- 1936 "Forbidden Melody" musical comedy by Romberg & Marbach, at the New Amsterdam Theatre.
- 1936-1939 Radio City Music Hall — Ballets: "King of Swing" mus. Gershwin, "Nutcracker Suite", mus. Tchaikovsky, "Walpurgis Night", mus. Gounod. Revues: "The Four Seasons", "Midnight Revue", "Penguins", etc. "Nativity", a Christmas carol.
- 1937-1939 Mordkin's ballets: "Gisel" by A. Adam; "La Fille Mal Gar-dee", "Paganini" by Rachmaninov, choreography by Fokine, for "Dionysus" by Glazunov, "Trepak" by A. Tcherepnin.
- 1939-1940 "Paganini" by Rachmaninov, choreography by Fokine, for De Basile's Ballet Russes June 30, 1939 Covent Garden, Lon-don. November 8, 1940, 51st Street Theatre, NYC.
- 1940-1941 "La Fille Mal Gardee" by J. W. Heretl, choreography by Nijinska, for the Ballet Theatre, N. Y.
- 1943 "Chauve-Souris" a new production with Grianin, August 12, 1943 at the Royale Theatre, N. Y.

DIMITRI SEMIONOVITCH STELLETSKY

A graphic artist working in the style of Medieval Russian painters.

Born 1875, St. Petersburg; died February 12, 1947, St. Genevieve-des-Bois, France.

- 1909 Costumes for "Ivan the Terrible" or "Pscovitianka", opera, music by Rimsky-Korsakov, for Diaghilev Co., Paris.
- 1915 Costumes and decor for "Tzar Feodor", by A. Tolstoy, Alexandrinsky Theatre, St. Petersburg.
- 1926 Costumes and decor for "Rite Matrimonial Russe", music by Glinka, arranged by A. Arkhangelsky, "Theatre de la Chauve Souris", Paris.

SERGEI VASILIEVITCH CHEHONINE **(Serge Tchekhonine)**

Primarily a graphic artist.

Born February 2, 1878, Novgorod; died February 23, 1936, Paris.

- 1896-1897 Studies at the Society for the Encouragement of Painters.
- 1897-1900 Works in Princeses Tenishev's workshop.
- 1913 Exhibits in Leipzig.
- 1918 Illustrates A. Lunacharsky's drama "Faust and the Devil".
Illustrates for the Government Porcelain Factory with themes on RSFSR and Labor's Victory.
- 1920 Becomes artistic director of State Porcelain Industry, Petrograd.
- 1925 Wins Gold Medal at World Industrial Art Exhibit in Paris for his work on Porcelain.
- 1928 Emigrates to France.
- 1929 Makes decors and costumes for a number of productions by N. Balieff in his Theatre de la Chauve-Souris, Paris.
- 1930 Makes decors and costumes for "Swan Lake", "Islamey", (Fete Orientale) music Balakirev, chor. N. Zvereff, and "La Madone", music by Massenet, all for the Ballet Russe de Vera Nemtchinova, Theatre des Chaps-Elysees, Paris.
- 1931 "Snow Maiden" by R.-Korsakov, Vera Nemtchinova's Ballets Russe, Paris.

- 1934 Invents a method of simultaneous color printing on cloth, used in Switzerland until 1949.

PAVEL FEODOROVITCH TCHELICHEV (Pavel Tchelitchew)

His early work is cubistic — constructivist. After early 1920's adopts linear style.

Born September 21, 1898, Moscow, died July 31, 1957, Rome.

- 1918 Fled with family from Petrograd to Kiev. Studied under Alexandra Exter, Basil Tchakrigine and Isaac Rabinovitch. Attended classes in drawing at Kiev Academy.
- 1919 Costumes and decor for "The Geisha", operetta by Ifan Caryl for K. A. Mardjanov's Theatre, (not produced).
- 1920 Emigrates to Istanbul, where he joined Victor Zimine's Ballet Co. as stage and costume designer.
- 1921 Creates costumes and decors for six ballets choreographed by B. A. Kniaseff, for Victor Zimine's weekly programs, among them: "Vakhakam" and "Karris". Leaves for Sofia with Boris A. Kaiaseff, and helps Kniaseff establish a Bulgarian Ballet. In fall arrives in Berlin.
- Creates costumes and stage designs for the following:
- 1922 Seven tableaux for Der Blaue Vogel (The Blue Bird) Cabaret Theatre, Berlin.
- "Bojarenhochzeit" (The Wedding Feast of the Boyar) ballet; music by Glinka, Dargomijsky and Rimsky-Korsakov; chor. by Boris Romanov; presented by Russisches Romantisches Theatre (Russian Romantic Theatre), Berlin.
- "Tempelopfer der Atoraga" (The Sacrifice of Atoraga) ballet; music by Glazounov; chor. by Boris Romanov; presented by Russisches Romantisches Theatre, Berlin.
- 1923 "Savonarola" tragedy after Gobineau's book "The Renaissance", Königsgratzerstrasse Theatre, Berlin.
- "Cock d'Or" (Golden Cockerel), opera-ballet; music by Rimsky-Korsakov; produced by the State Opera, Berlin.
- 1928 "Ode" ballet, music by Nicolas Nabokov, chor. by Leonide Massine; presented by Serge Diaghilev, Paris.
- 1933 "L'Errante" ballet, music by Schubert, chor. by George Ba-

- lanchine; preseted by Les Ballets 1933, Paris.
- 1936 "Magic" ballet, music by Mozart, chor. by G. Balanchine, presented by the Wadsworth Atheneum, Hartford. Connecticut.
- "Orpheus" ballet, music by Gluck, chor. by G. Balanchine, presented by the Metropolitan Opera Association, New York.
- 1938 "Nobilissima Visione" (St. Francis), ballet; music by Paul Hindemith, chor. L. Massine, presented by Le Ballet Russe de Monte Carlo, London.
- 1939 "Ondine" play by Jean Giraudoux; presented by Louis Jouvet, Paris.
- 1941 "Balustrade", ballet, music by Igor Stravinsky, chor. by G. Balanchine, presented by W. de Basil's Original Ballet Russe, New York.
- "The Cave of Sleep",ballet; music by Paul Hindemith, chor. by G. Balanchine, commissioned by Lincoln Kirstein and George Balanchine, unproduced. Webster's "The Duchess of Malfi" and Shakespeare's "King Lear" and "The Tempest" for John Houseman and Orson Welles, Mercury Theatre none of which were produced.
- 1942 "Apollon Musagete" ballet, music by Igor Stravinsky, chor. by G. Balanchine, presented by the Teatro Colon, Buenos Aires.
- "Concerto", ballet, music by Mozart, chor. by G. Balanchine, presented by the Teatro Colon, Buenos Aires.

MIHAIL ALEXANDROVITCH VROUBEL

One of Russia's greatest painters.

Born March 5, 1856 in Omsk; died April 1, 1910, St. Petersburg.

- 1874 Joins Law School, St. Petersburg, at fathers request.
- 1880-84 Academy of Fine Arts, St. Petersburg.
- 1891 Curtain "Italy" for private opera house of S. Mamontov. Moscow
- 1896 Marries the opera singer, Nadejda I. Zabela; she sings in all the opera productions he designs.
- Costumes and decor for "Hansel and Gretel" by Humperdink; and for "Rogneda" by Serov, for Mamontov's Theatre.
- 1897 "Sadko", by Rimsky-Korsakov, Russian Private Opera, Solodovnikov's Theatre, Moscow.

- 1898 "Mozart and Salieri", by Rimsky-Korsakov, Solodovnikov's Theatre, Moscow.
- 1899 "The King's Bride", by Rimsky-Korsakov and "Caucasian Prisoner" by C. A. Cui, both in Solodovnikov's Theatre, Moscow.
- 1900 "The Tale of Tsar Saltan", "William Radcliff" by C. A. Cui, "Assia" by M. Ippolitov-Ivanov, Moscow Private Opera Co., Solodovnikov's Theatre, Moscow.
- 1901 Participates in "World of Arts" Exhibition.
- 1904 Costumes for the queen in "Sadko" and Margaret in "Faust". Both rejected by the Maryinsky Theatre director as being too sumptuous.

YOURY BOGDANOVITCH YAKOULOV
(YAKOULIAN in Armenian)

Born in Tiflis Jan. 2, 1884; died in Yerevan, December 28, 1928.

- 1893 Moves to Moscow after father's death.
- 1900 Enters school of Painting, Sculpture and Architecture, and studies under Yuon.
- 1902 Dismissed from school for not supplying the required works at the end of the courses.
- 1902-3 Leaves for military service in the Caucasus.
- 1907-9 Paints costumes and stage designs for Benefit performances in Moscow.
- 1918 Paints costumes and decor for "L'Echange", play by P. Claudel, Kamerny Theatre, under Tairov; "The Green Parrot", play by A. Schnitzler, staged by Tairov in the cafe, The Red Coq; works on T. de Molina's, "El Burlador de Sevilla" which was not produced.
- 1919 Decors for "Oedipus-Rex" by Sophocles; decors and costumes for "Measure for Measure" by Shakespeare at the Pokazatelny State Theatre, Moscow.
- 1920 Costumes and decors for E. T. A. Hoffmann's "Princesse Brambilla", Kamerny Theatre.
- 1921 Costumes and decors for V. Majakovsky's "Mystery-Bouffe" for the RSFSR Theatre No 1 of Meyerhold (not produced).

- 1922 Decors and costumes for Wagner's Opera "Rienzi" for RSFSR Theatre No 1 (not produced); "Signor Formike" by E. T. A. Hoffmann, and for "Oeripus-Rex" by Sophocles at the Pokazatelny State Theatre, Moscow.
- 1923 Costumes and decors for "The Jewish Widow" by Kaiser at the Pokazatelny State Theatre. Contributes to P. Guillaume's Paris show of "Theatrical" art. Costumes and decors for Pinsky's "The Eternal Jew" at the Habima Theatre, Moscow; and "Rienzi" by Wagner for Zimine's Opera, Moscow. Works on sketches for "Hamlet" by Dumas-father, for the Romanesque Theatre of V. Bebutov (not staged). Costumes and decors for the ballet "Carmen", music by M. Esposito (prepared for a tour in the U. S. which did not take place).
- 1924 Costumes and decors for Fajko's, "The Island of Lul" at the Bakou Workers Theatre, and for Offenbach's, "La Belle Helene" at the State Experimental Theatre, Moscow.
- 1925 Costumes and decors for Paronyan's "The Most Honorable Beggars" at the Moscow Armenian Experimental Theatre, and "The Green Island" by Lecocq at the Moscow Musical Theatre. Meets Diaghilev. Participates in the Paris Exhibition of Industrial and Decorative Arts.
- 1926 Costumes and decors for "Rosita" by A. Globa, music by A. Metner, staged by Tairov at the Kamerny Theatre; "Morgan's Partner" by Sirvanzade and "The Merchant of Venice" by Shakespeare, National Armenian Theatre, Yerevan.
- 1927 Decors for M. Balanshivadze's cantata "Glory to the Hydro Electric Station of Zemo-Avshalsky" (Slava Zagesu). Costumes and decors for "Pas d'Acier", text by Yakoulov, music, S. Prokofiev, choreography, L. Massin, at Diaghilev's, Ballet Russe,
- 1928 Costumes and decors for "The Beauty from the Lulu Island" by S. Zajaickij at R. N. Simonov's Workshop Theatre, Moscow; "Carmen" at the Rustaveli State Georgian Theatre, Tiflis; "A Profitable Job" by A. Ostrovsky, at the 1st Theatre of the Red Army in Yerevan; "The Merchant of Venice" at the State Theatre of Bielorussia, Minsk.

LEV VASSILIEVITCH ZAK (Leon Zak)

His early work shows cubistic influence; after 1950 concentrated mostly on abstract painting.

Born in 1892, Nijny-Novgorod; now living in Vanves, France.

... Has designed sets and costumes for :

- 1922 "Queen Maya", music C. W. Gluck; "Diana's Hunt"; "Dancer and Bandit" by W. A. Mozart; "Giselle" by A. Adam, all in Romantic Theatre, Berlin.
- 1924 "La Sylphide" (in Scottish costumes), chor. by B. Romanov, Romantic Theatre, Berlin; "La Patisserie Enchantee".
- 1925 "The Trapeze" ballet by S. Prokofiev based on Quintet Op. 39, chor. Boris Romanov, Munich.
- 1930 "Giselle" ballet, music by A. Adam, chor. Petipas, for Le Ballets Russes Vera Nemtcheninova, Theatre Des Champs-Elysees, Paris.
- 1932 "The Buffogn" suite for ballet by S. Prokofiev, chor. B. Romanov, Ballet Russe de Monte-Carlo, Monaco.
- 1933 "Le Baiser de la Fee" ballet, music by I. Stravinsky, Theatre du Chatelet, Paris.
- 1943 "Stenka Razine" ballet, mus. by A. Glazounov, chor. N. Zwayeroff; "Prince Igor", chor. M. Fokine, Nouveaux Ballets de Monte-Carlo, Monaco
- 1947 "Concert" ballet, music by S. Prokofiev, Opera Comique, Paris.

DATES UNKNOWN :

"Champions" mus. D. Milhaud, chor. B. Romanov; "At the Ball", mus. Tchaikovsky, chor. B. Romanov, both for A. Pavlova Co.

SELECTED BIBLIOGRAPHY

I. ARTISTS

Akimov

- 1) **N. AKIMOV — PAINTER**, (Russian) by A. Bartashevitch, Leningrad, 1947.

Anisfeld

- 1) Catalog "The Boris Anisfeld Exhibition" introduction by C. Briton, Brooklyn Museum N. Y., 1920.
- 2) Catalog "Boris Anisfeld" for Retrospective Exhibition at The Arts Institute of Chicago, Chicago, 1958.
- 3) **Christian Art**, January 1965, article on B. Anisfeld
- 4) Catalog "The Decorative Idealism of Boris Anisfeld", Vincent Astor Gallery, Lincoln Center, N. Y., 1968.

Annenkov

- 1) **DIARY OF MY MEETINGS** (Russ.) by G. Annenkov, Publ. by Inter-Language Literary Association, N. Y. C., 1966.

Arnshtam

- 1) **ALCHEMISTRY OF THE THEATRE**, (Russ.) by C. Vermel, with illustrations by Arnshtam; Academia Edition, Berlin, 1923.

Bakst

- 1) **THE STORY OF LEON BAKST'S LIFE** by Andre Levinson, Publ. Russian Art Company, Berlin, 1923.
- 2) **JIZN HUDOJNIKA** (Russ.) by A. Benois, 2 vol., Chekhov Publishing House, New York, 1955.
- 3) **INEDITED WORKS OF BAKST**, by Reau, Roche, Svetlov and Tessier, Brentano's New York, 1927.
- 4) **L'illustration**, Dec. 3, 1927, "Leon Bakst Dans le Ballet Russe" (French) by J. E. Blanche, Paris.
- 5) **Jar-Pfitza** (monthly art magazine) No 9, articles on Bakst in Russ. and German, publ. Berlin, 1922.
- 6) **L'OEUVRE DE L. BAKST POUR LA BELLE AU BOIS DORMANT** (French), by A. Levinson, de Brunoff, Paris 1922.
- 7) **THE DECORATIVE ART OF LEON BAKST**, by A. Alexander and J. Cocteau, London 1913.

A. N. Benois

- 1) **REMINISCENCES OF THE RUSSIAN BALLET**, by A. Benoit, translated by Mary Britniewa, first publ. London, Putnam, Sept. 1941, reprinted October, 1945.
- 2) **ALEXANDER BENOIS** (Russ.), by Mark Elkind, publ. Leningrad 1965.
- 3) **PIKOVAIA DAMA** (Dame de Pique, Russ.) ill. by A. Benois, St. Petersburg, 1911.
- 4) **Alexandr Benois Razmishliaet** (Russ.), publ. by Soviet. Hudojnik, Moscow, 1968.

Berman

- 1) **THE THEATRE OF EUGENE BERMAN**, by George Amberg, the Museum of Modern Art, N. Y. C., 1947.

I. Y. Bilibine

- 1) **Perezvony** (a literary-artistic mag. in Russ.) No. 40, "I. Y. Bilibine" by H. I. Misheev, Riga, 1928.
- 3) **Jar-Pitza** No. 2, Article on I. Bilibine, in German and Russian, Sept. 1921.
- 3) **Jar-Pitza** No. 14, "I. Bilibine, 25 Years of Artistic Activity", article in French and German with color illustrations, Berlin, 1926.
- 4) **THE COQ D'OR**, ill. by I. Y. Bilibine, de luxe publication by S. I. Zimine's Opera House, Moscow 1909.
- 5) **Hudojnik No. 8**, Article on I. Y. Bilibine in Russian, Moscow, 1966.

M. V. Dobujinsky

- 1) **Perezvony**, No. 10, "M. V. Dobujinsky, ill. article in Russ. by N. I. Misheev, Riga, 1926.
- 2) Catalog "M. V. Dobujinsky 1875-1957 Memorial Exhibition", Seven Arts Center Gallery, N. Y. 1958.
- 3) **EUGENE ONEGINE**, illustrated by M. V. Dobujinsky (Russian) edit. Petropolis, Brussels, 1925?
- 4) **GRAPHIC WORKS OF M. V. DOBUJINSKY** by S. Makovsky, Petropolis Edition, Berlin, 1923.
- 5) Catalog of M. V. Dobujinsky Exhibit. at the Storm King Art Center, N. Y., 1965.

Dunkel

- 1) **EUGENE DUNKEL**, publ. by Academy of Allied Arts, N. Y. 1930.
- 2) **Counterpoint, the Magazine of Music and Allied Arts**, July, 1952, "The Mighty Daub", ill. article on E. Dunkel, San Francisco.
- 3) **The Record Magazine**, Jan. 5, 1963, "Artist with Ideas... for Opera" by Joseph Gagen.

Exter

- 1) **ALEXANDRA EXTER** (Russ.) by G. Tougenhold, publ. by Zaria, Berlin, 1922
- 2) **Alexandra Exter Decors De Theatre**, (French) perface by A. Tairov, Edition des Quatre Chemins, Paris, 1930.

Golovine

- 1) **A. Y. GOLOVINE**, Meetings and Impressions, Lettres, Reminiscences about Golovine (Russ.), State Publ. House "Iskusstvo", Leningrad-Moscow, 1960.
- 2) **A. Y. GOLOVINE**, Folio, (Russ.) introductin by S. Onoufrieva, Leningrad, 1961.
- 3) **Jar-Pitza**, No. 10, article on Golovine in Russ. and Eng., Berlin, 1923.

Gontcharova

- 1) **NATHALIE GONTCHAROVA OEUVRES ANCIENNES ET RECENTES** (French) by Waldemar George, Galerie de L'Institut, Paris 1956.
- 2) Catalog "Gontcharova-Larionov Exhibition" musee d'Art Moderne de la Ville de Paris 1963.
- 3) Catalog for a Retrospective Exhibition of Paintings and Designs for the Theatre by Larionov and Gontcharova, Arts Council, London, 1961.
- 4) **Jar-Pitza** No. 7, "Gontcharova and Larionov" in Russ., Paris 1922.
- 5) **La Renaissance**, (Monthly mag. in Russ.) publ. in Paris, No. 132, Dec. 1962, "N. Gontcharova" by G. P. Annenkov.
- 6) Portraits Theatraux, 1915-1916, publ. Le Cible, ltd. ed., 35 copies, pochoirs, Paris.

Iakovleff

- 1) Catalog "Memorial Exhibition of the work of Alexandre Iakovleff", Tretyakov Art Gallery, N. Y. C., 1959.
- 2) Catalog for Alexandre Iakovleff Exhibition, Grand Central Art Galleries, N. Y. C. 1939.
- 3) Catalog "A. Iakovleff, 1887-1938", Exhibition at Galerie Vendome, Paris, 1965.
- 4) IAKOVLEFF AND OTHER ARTISTS by M. Birnbaum, P. A. Struck Edit., N. Y. C., 1946.

Kalmakoff

- 1) Catalog for N. Kalmakoff Exhibition, Galerie Motte, Paris, 1965.

C. A. Korovine

- 1) Konst. Alekseevich Korovine, (Russ.) by S. Drouzhinine, State Publishing House of Fine Arts, Moscow, 1960.
- 2) Reminiscences of Korovine by M. Sarayan, Publ., Moscow, 1965.
- 3) Konstantin Korovine (Russ.) by N. M. Moleva, Moscow, 1963.
- 4) Konstantin Korovine (Russ.) by D. Kogan, Moscow, 1964.
- 5) *Jar-Piltza*, No. 10, article on C. A. Korovine in Russ. and Eng., Berlin, 1923.

Larionov

- 1) Gontcharova, Larionov, *L'Art Decoratif Theatral Moderne*, (French), Edition La Cible, Paris, 1919.
- 2) Catalog "Gontcharova-Larionov Exhibition", "Musee d'Art Moderne de la Ville de Paris, 1963.
- 3) Larionov, (French) by Waldemar George, Bibliotheque des Arts, Paris, 1966.
- 4) *Jar-Piltza*, No. 12, article on Larionov in Russ., Berlin, 1923.

Liberts

- 1) *European Symphony* by Dr. W. Brandle, Stuttgart, 1947.
- 2) Catalogue of Exhibition on Theatrical Designs at Galerie Gurlitt, 1930-1931 (German).

Lissim

- 1) Simon Lissim, (French), by R. Cogniat, G. Lechevalier-Chevignard and Louis Reau, Editions du Cygne, Pars, 1934.

Pougny

- 1) Catalog for Pougny Exhibition at Galerie Charpetnier, Paris, 1962.
- 2) Catalog for Pougny Exhibition at the Orangerie, Paris, 1966.

Roerich

- 1) **Perezvony**, No 13, 1926, publ. in Riga, ill. article in Russ. on N. K. Roerich by N. I. Misheev.
- 2) **U.S.S.R.**, No. 10, Vol. 25, ill. article in Eng. on "N. Roerich an Artist of Uncommon Talent", by Konstantin Yuon, Moscow 1957.
- 3) Nicholas K. Roerich, Bibliography (1889-1936 I. N.). Rierich's Books and Essays; Ill. Monographs, Books and Articles on N. Roerich, Karachi, 1936.
- 4) Catalog "The Nicholas Roerich Exhibition" with introduction of the paintings by Christian Brinton, N. Y. C. 1920, 1921, 1922; (traveling exhibition arranged by The Arts Institute of Chicago).
- 5) N. K. Roerich, (Russ.) by N. Dmitrieva, State Publishing House of Fine Arts, Moscow, 1959.
- 6) Roerich — Characteristics of his life and work, (Russ.) by D. Burliuk, N. Y. C., 1930.

- 7) Catalog for "Exhibition of Works by Artist — Academician N. K. Roerich", introductory article "Great Artist", by K. Yuon, Moscow, 1958.
- 8) N. K. Roerich (Russ.) by V. P. Kniasseva, Moscow, 1963.
- 9) N. K. Roerich 1889-1929, by A. V. Yaramenko, N. Y. C., 1931.
- 10) *Jar-Pfitza*, No. 4/5, article on Roerich in Russ. and German, Berlin, 1921.

Shouhaev

- 1) *Dame de Pique*, ill. by Shouhaev, edit. de la Pleiade, Paris, 1923.

Soudeikine

- 1) A Study of the Art of Sergei Soudeikine, by E. C. Palmer, Musical Courier, N. Y., November 7, 1931.
- 2) *Jar-Pfitza*, No. 1, article on Soudeikine in Russ. and German, Berlin, 1921.
- 3) *Jivopis Y. Theatr.*, by N. Evreinov. (Russian) in *Grani*, monthly magazine Nos. 39 and 40, Munich, 1959.
- 4) *Venetian Folles*, by M. Kuzmina (Russian) with 22 designs by Soudeikine, Moscow 1915.

Stelletzky

- 1) *L'Art Russe à Paris*, Catalog, Edit. La Russie et le Mond Slave, Paris, 1931.

Tchekhonine

- 1) S. Tchekhonine (Russ., Engl., French) by A. Efros, Moscow, 1925.

Tchellitchew

- 1) Tchelitchew by James Thrall Soby, Museum of Modern Art, N. Y., 1942.
- 2) Art News, March 15, 1942, ill. article "Tchelitchew's World — To The Dawn of A Better Decor at the Opera", by Parker Tyler.
- 3) Art News, March 15, 1942, ill. article "What the Metropolitan Opera Might Do: An Ideal for the Magic Flute", (Comentary by Tchelitchew on his design for the Queen of Night).
- 4) *Life*, Sept. 5, 1938, "White Russian Painter Puts His World in 63 Square Feet of Canvas".
- 5) *Formes*, (Eng. edition) No. 9, "Towards a Humanist Art — Paul Tchelitchew", by Waldemar George, Paris, Nov. 1930.
- 6) *Dance Index*, Jan.-Feb. 1944, "The Stage and Ballet Designs of Pavel Tchelitchew", N. Y. City.
- 7) Catalog for Pavel Tchelitchew Exhibition, Gallery of Modern Art, N. Y. C., 1964.
- 8) "The Divine Comedy of Pavel Tchelitchew", by P. Tyler, N. Y. C., 1967.

Vroubel

- 1) M. A. Vroubel (Russ.) by E. Zhuravleva, State Publ. House of Fine Arts, 1958.
- 2) M. A. Vroubel (Russ.) by S. Drouzhinin, State Publ. House of Fine Arts, Moscow, 1963.
- 3) Michail Alexandrovich Vroubel, Life and Work (Russ.) by S. Yaremich, publ. by I. Knebel, St. Petersburg, 1911.
- 4) Catalog for M. A. Vroubel Exhibition, State Tretyakoff Gallery, Moscow, 1957.
- 5) Vroubel, Correspondance and Memoirs About Him, (Russ.) Moscow, 1963.

Yakoulov

- 1) Notes et Documents (French), Edit. Soc. des Amis de Georges Yakoulov, Paris, 1967.

II. COSTUME AND STAGE DESIGN

- 1) "Design for the Ballet" by Cyril W. Beaumont, London, 1937
- 2) "Ballet Design: Past and Present" by Cyril W. Beaumont, London, 1946.
- 3) "Modern Ballet Design", by Richard Buckle, London, 1955.
- 4) "Art in Modern Ballet", by George Amberg, N. Y. 1947.
- 5) "Les Ballets Russes", by Gontcharova, Larionov and Vorms (in French) pub. in Belves, Dordogne, France, 1955.
- 6) "Settings and Costumes of the Modern Stage", by T. Komisarjevsky and L. Simonson, London, 1933.
- 7) "The Russian Ballet in Western Europe 1909-1920", by W. A. Propert, London, 1921.
- 8) "The Russian Theatre", by R. Fulop-Miller, London, 1930.
- 9) "Painters on the Stage of the Moscow Art Theatre", (Russ.) by A. Bassehe, Moscow, 1960.
- 10) "Exhibit of Soviet Painters for the Theater, Film and T.V." (Russ.), Theater, Vol. No. 6, Moscow, 1967.

III. CATALOGS OF EXHIBITS RELATING TO STAGE SETS AND COSTUMES BY RUSSIAN ARTISTS.

- 1) "Theatre Art International Exhibition", Museum of Modern Art, N. Y. C., 1934.
- 2) "Ballets Russes de Diaghilev", 1909-1929, Paris, 1939.
- 3) "The Diaghilev Exhibition", Edinburgh and London, 1954.
- 4) "Stravinsky and the Dance", N. Y. Public Library, 1962.
- 5) "The Serge Lifar Collection of Ballet Set and Costume Designs", publ. on the occasion of the opening of Harkness House for Ballet Arts, by the Wadsworth Atheneum, Hartford, Connecticut, N. Y. C., 1965.
- 6) "Russian Stage and Costume Designs", International Exhibitions Foundation, Washington, D. C., 1967-69.

IV. REFERENCE MANUALS

- 1) Dictionnaire de Dance, by J. Baril, Edit. du Seuil, Paris 1964 (French).
- 2) A Dictionary of Modern Ballet, Methuen and Co., London, 1959.
- 3) Teatralnaya Enciklopedia, 5 volumes, Moscow 1961 (Russian).
- 4) Slovar Oper, by G. Bernhardt, Moscow, 1966 (Russian).

V. PROGRAMS OF PERFORMANCES

- 1) Comoedia Illustre (weekly) Paris: No. 11, 1909; Nos. 15, 6, 17, 19, 1911; Nos. 17, 18, 1913; Nos. 9, 1921 and others (French).
- 2) Ballets Russes; Collection of Comeodia Illustre et des Programmes, 1909-1921, edit. de Brunoff, Paris (French).
- 3) Theatre des Champs-Elysees, Saison Russe, Paris 1913 (French).

- 4) **The League of Composers Program for "Les Noces", Metropolitan Opera, N. Y., Apr. 25, 1929.**
  - 5) **The Blue Bird, Yushny's Theatre, U. S. Tour Program, 1925 (?).**
  - 6) **Opera Prive de Paris, Premiere Saison, Paris 1929 (French).**
  - 7) **Opera Russe a Paris, Ttheatre des Champs-Elysees, 2 Saison, Paris, 1930 (French).**
  - 8) **Opera Russe a Paris, Paris 1941 (French).**
  - 9) **Theatre de la Chauve-Souris, Programs for 1920-1931, Paris and N. Y. (French).**
  - 10) **Diaghilev's Ballets Russes, Programs for 1911-1929, Paris (French).**
  - 11) **Ballet Russe de Monte Carlo, Programs for 1932-1935, Fr. and Engl.**
  - 12) **Col. W. de Basil's Ballet's Russes de Monte Carlo, Programs for 1936-1939**
  - 13) **Original Ballet Russe, Programs for 1931-1951.**
  - 14) **Ballets Russes, Vera Nemtchinova, Program for 1930. Paris (French).**
-

Ю. А. Семенцов *)

**НОВЫЕ ВЕЯНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ХИМИИ
В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА *)**

*

В июльском выпуске Вестника Высшей Школы (официальный орган Министерства Высшего Образования Советского Союза) за 1963 год было объявлено, что Казанский химико-технологический институт и секция Менделеевского Общества Татарской Республики организует заочную конференцию, посвященную вопросу о преподавании общей и неорганической химии. В этом же выпуске были помещены первые статьи по этому вопросу. Первая статья ¹⁾, написанная двумя организаторами вышеупомянутой конференции, утверждает, что за последние тридцать лет не произошло никаких существенных изменений в программах и учебниках неорганической (общей) химии. Изменился только объем изучаемого материала. В результате этого общая и неорганическая химии превратились в конгломерат разных тем, не объединенных общей идеей. Авторы считают, что в основу курса неорганической (общей) химии должны лечь современные теории, в частности, понятия квантовой механики. Они предлагают программу, очень похожую на программы многих американских колледжей: первая часть ее посвящена теории, а вторая систематическому изложению описательной неорганической химии на основе тео-

---

*) George Siemencow, Lafayette College, Easton, Pa.

*) Эта работа была доложена на втором Средне-Атлантическом местном съезде (Middle Atlantic Regional Meeting) Американского Химического Общества в Нью-Йорке 7 февраля 1967 года.

ретического материала, изложенного в первой части. Это, по мнению авторов, облегчит понимание теоретического материала. Предложенная программа употреблялась в Казанском химико-технологическом институте. В другой статье ²⁾ в том же самом выпуске два преподавателя Киевского политехнического института находят вышеупомянутую программу слишком радикальной и утверждают, что курс химии это не краткая энциклопедия с уклоном в сторону физической химии. Третья статья ³⁾ тоже критикует существующие программы и предлагает еще более далеко идущие перемены. Авторы обращают внимание на то, что около половины курса неорганической химии в действительности является физической химией. Поэтому юни считают, что в первом семестре химия не должна преподаваться вообще, а зато в течение этого семестра должна быть усилена подготовка студентов по физике и математике. После этого во втором и третьем семестрах должны преподаваться одновременно неорганическая химия и курс основ физической химии. Аналитическая химия и органическая химия будут преподаваться в четвертом и пятом семестрах, а дополнительные разделы физической химии в шестом семестре.

В другом выпуске того же журнала профессор Киевского университета Голуб ⁴⁾ считает, что будущие физики не получают достаточного числа часов по химии. Он также считает, что для нехимических специальностей описательная химия должна излагаться параллельно с теоретическим материалом и что в таком курсе не нужно избытка фактов. Для будущих химиков, по его мнению, необходимо знание описательной химии, и поэтому для них нужно сохранить полный курс неорганической химии. Он также предлагает уменьшить нагрузку на студентов при помощи удаления из учебного плана некоторых второстепенных нехимических предметов и при помощи удаления из курса неорганической химии разделов, дублируемых в других предметах. В частности, он отмечает, что такие разделы, как «Строение атома», «Атомное ядро», «Коллоидное состояние вещества», «Правило фаз», «Кинетическая теория газов» и «Природа твердых тел» рассматриваются на значительно более высоком уровне в курсах физики

и физической химии. Поэтому он считает, что курс физики, который преподается параллельно с курсом неорганической химии, должен начинаться с атомной физики, что сделает возможным изложение курса неорганической химии на основе знаний, полученных из этих разделов физики. Он подчеркивает, что неорганическая химия должна перестать быть только «химией кислорода» и что это должно быть отражено в программе. Он считает, что координационные соединения должны рассматриваться уже в первых разделах курса, а также, что больше времени должно быть посвящено редким элементам. Он считает, что пробирочные опыты должны быть заменены препаративными работами и количественными определениями. При этом он признает, что для этого нужно улучшить снабжение вузов приборами и аппаратурой. Он предлагает разделить практикум по неорганической химии на две части: начальную (240-250 часов на первом курсе) и специализированную (80-100 часов на третьем и четвертом курсах). Он также находит, что на первом курсе 50 часов должны быть посвящены семинарским занятиям. Г. П. Хомченко ⁹⁾ в том же выпуске Вестника считает, что курс химии в программах высших учебных заведений должен быть основан на программах средней школы, чтобы избежать дублирования. Это дублирование, по мнению автора, очень распространено. Как пример, он приводит очень распространенный учебник Н. Л. Глинки ⁹⁾, который в большой степени повторяет материал, уже пройденный в средней школе, и поэтому содержит 728 страниц. Название третьей статьи ⁷⁾ в том же выпуске: «Чтобы студент думал, а не только запоминал» говорит само за себя. Автор этой статьи критикует современное состояние преподавания неорганической химии и предлагает ряд изменений, в частности, сокращение часов, отведенных на химию элементов для химиков и полное исключение химии элементов для нехимических факультетов. Вместо этого, он предлагает для инженеров-нехимиков изучение разделов, представляющих для них практический интерес, и дает примерный перечень таких вопросов.

В выпуске Вестника за апрель 1964 года была напечатана вторая статья ⁸⁾ инициаторов заочной конференции, которая обсуждала совещание представителей кафедр неорганической

и общей химии разных высших учебных заведений, созванное Министерством высшего образования в январе 1964 года. На этом совещании профессор Воздвиженский, подводя итоги заочной конференции, сказал, что хотя участники конференции и высказывали различные взгляды, все были согласны в том, что курс общей и неорганической химии не соответствует современному состоянию химической науки и требованиям современной техники. Все участники высказались за перемены в программе этого курса, а также его места в учебных планах. Авторы статьи высказываются за усиление исследовательской работы в области методики преподавания химии в высшей школе. Они сожалеют, что нет печатного органа, где можно было бы публиковать статьи научно-методического содержания. Они также считают, что Министерству должно рекомендовать научно-методические темы для докторских и кандидатских диссертаций. Многие участники совещания подчеркивали необходимость специальной подготовки для будущих преподавателей. С этой целью в свое время был создан институт лекционных ассистентов, но авторы жалуются, что во многих вузах им предлагают, вместо научно-методических, обычные экспериментальные темы для диссертаций. Авторы подчеркивают важность разработки новых методов преподавания для студентов, обучающихся без отрыва от производства. Для них предлагается единое учебное пособие, в котором лабораторная практика была бы тесно связана с теорией. Авторы отмечают, что лабораторный практикум все еще основан на принципах доступности и дешевизны. Вышеупомянутое совещание решило просить министерство об организации двух или трех проблемных лабораторий для изучения методов преподавания химии.

В майском выпуске вестника за 1964 год В. П. Корниенко *) высказывается за курс неорганической химии, основанный на периодической системе, которую он предлагает объединить в одно понятие с теорией строения. Московский Химико-Технологический Институт радикально перестроил учебный план, который был утвержден Министерством высшего образования в качестве индивидуального плана. Профессор С. В. Кафтанов **), ректор института, обсуждает этот план на страницах Вестни-

ка. Кроме радикальных перемен в области инженерных предметов, в этом учебном плане преподавание химии начинается с курса «Строение вещества», который включает в себя сведения о строении атома, периодической системе, химической связи и строении молекул. Этот материал до сих пор излагался в курсах физической, неорганической и органической химии.

Несколько статей^{11 12 13 14 15 16)} посвящены преподаванию химии нехимиками. Большинство авторов высказывается за разделение курса химии на две части: общую и специальную, посвященную химии, связанной со специальностью студентов. Это предложение было принято, и на третьем пленуме объединенного научно-методического совета при Министерстве высшего образования¹⁷⁾ было обсуждено девять таких программ. Там же обсуждался вопрос об учебниках — одном (едином) — по общетеоретической части и девяти — по специальным частям. На пленуме было сообщено, что совет организует специальную секцию для согласования программ преподавания химии в средней и высшей школах. Совет также решил расширить и обновить практикум по общей химии, введя в него новые опыты по органической химии и по химии высокомолекулярных соединений, а также переведя часть работ на полумикрометод. Совет также отметил, что ряд вузов не имеет оборудованных лабораторий и специальных химических аудиторий.

В выпуске Вестника за декабрь 1965 года¹⁸⁾ обсуждался вопрос о преподавании химии в медицинских институтах. Автор отмечает, что врачи, как правило, не знают химии и не понимают ее значения. Он считает, что все химические предметы, преподаваемые будущим врачам, должны быть основаны на понятиях периодической системы и химической связи. Он предлагает следующие курсы для медицинских институтов: «Теоретические основы химии (лекции, практикум, семинары)»; «Химия элементов (лекции, практикум по качественному анализу)»; два параллельных курса «Химия углерода (лекции, практикум)» и «Количественный анализ (химические, физические и физико-химические методы — лекции и практикум)»; «Биохимия (лекции, практикум)»; «Специальная биохимия (практикум)». Автор рекомендует начинать химию по-

сле физики или, во всяком случае, после того, как раздел «Строение атома» в физике закончен.

На страницах Вестника обсуждалось также преподавание химии в сельскохозяйственных институтах. М. Н. Хорошкин и А. Г. Калмыков ¹⁹⁾ из Донского сельскохозяйственного института обращают внимание на необходимость изменений в программах и учебниках различных химических предметов. Эти изменения должны привлечь внимание возрастающее значение химии в сельском хозяйстве. Авторы указывают, что программы неорганической и аналитической химии перегружены материалом, не имеющим ничего общего с сельским хозяйством. Они жалуются на то, что программа по неорганической химии дублирует среднюю школу и упрощает некоторые теоретические вопросы. Авторы считают необходимым создание учебника по неорганической химии специально для сельскохозяйственных институтов. Я. Э. Экстер ²⁰⁾ предлагает включить инструментальные методы в программу аналитической химии. Он также предлагает переменить местами курсы органической и аналитической химии, с тем чтобы последняя преподавалась позже, т. к. в современной аналитической химии употребляется много органических веществ. Заслуженный деятель науки и техники Р.С.Ф.С.Р. профессор Тимирязевской академии В. В. Вильямс ²¹⁾ отмечает, что за 20 лет число часов, отведенных на органическую химию, уменьшилось со 150 до 110 на агрономическом и плодоовощном факультетах, а на зоотехническом факультете даже до 80. Он предлагает восстановить прежнее число часов. Хотя авторы одной из вышеупомянутых статей требуют специального учебника по неорганической химии для сельскохозяйственных вузов в 1965 году, такой учебник был уже издан в 1963 году. Он получил два хороших отзыва ^{22 23)}. Второе издание вышло в 1965 году ²⁴⁾. В нем 485 страниц. Книга по своему построению напоминает аналогичные американские учебники. Она начинается изложением теоретического материала, прерываемого главами «Водород. Кислород» и «Вода. Перекись водорода». После этого систематически излагается описательная неорганическая химия. Изложение начинается с неметаллов по группам периодической системы (от седьмой до четвертой). Потом следует

глава об общих свойствах металлов и описание металлов, опять по группам периодической системы (от первой до восьмой), прерванное главой о комплексных соединениях. Последние две главы посвящены актинидам и атомной энергии. Теоретический материал составляет больше сорока процентов учебника. Это, вероятно, меньше, чем в большинстве современных американских учебниках. Это достигнуто частично в результате меньшего дублирования курса физики. В учебник, например, не включены газовые законы. Это дает возможность систематически изложить свойства элементов и их важнейших соединений на основе периодической системы и строения атома.

В 1964 году был издан учебник общей химии для инженеров²⁵). В книге 431 страница. Первые 205 страниц посвящены теории. Все остальное, кроме последней главы о радиоактивности, посвящено описательной химии. Глава после главы о четвертой группе периодической системы посвящена органической химии с упором на синтетические высокомолекулярные соединения. Элементы и их соединения рассматриваются по группам периодической системы. Переходные металлы рассматриваются в одной главе с элементами соответствующих групп. Изложение начинается с первой и кончается нулевой группой. Учебник использует некоторые иллюстрации из американского учебника Полинга «Общая химия».

Очень интересный подход употребляется авторами другого учебника общей химии²⁶) для нехимических специальностей. Этот учебник, по мнению авторов, рассчитан на вузы, где на общую химию отведено от 90 до 140 часов. Этот учебник посвящает только одну главу (37 страниц) неметаллам. Остальные главы описательной химии, за исключением одной главы, посвященной органической химии, разбирают металлы. Это сделано потому, что студенты после курса средней школы знают значительно больше о неметаллах, чем о металлах.

В июньском выпуске Вестника Высшей Школы за 1964 год профессор Крешков²⁷) обсуждает некоторые вопросы, связанные с преподаванием аналитической химии, особенно для химико-технологических специальностей. Для этих специальностей аналитическая химия разделена на две части. Первая часть преподается на втором, а вторая на четвертом курсах. Автор

предлагает объединить обе части и преподавать аналитическую химию в пятом и шестом или шестом и седьмом семестрах, после неорганической, органической и физической химии или параллельно с физической химией. Автор предлагает начинать преподавание количественного анализа с объемного анализа, т. к. весовой потерял свое значение. Он категорически возражает против того, чтобы аналитическая химия была сведена только к преподаванию современных методов анализа. Он считает, что аналитическая химия должна включать в себя качественный анализ, количественный анализ и физико-химические методы анализа. Он подчеркивает значение лаборатории и самостоятельной работы студентов. Он считает, что каждый раздел должен завершаться анализом материала, имеющего промышленное значение (сплава, минерала, руды, полупроводника и т. д.). Он также подчеркивает, что в связи с последними постановлениями Центрального Комитета К.П.С.С. больше внимания должно быть уделено воспитанию материалистического мировоззрения у студентов, а также анализу веществ, важных для сельского хозяйства.

Несколько статей ^{28 29 30 31)} обсуждают вопрос о применении программированного обучения в преподавании химии.

Во время девятого Менделеевского съезда был проведен специальный симпозиум по вопросам высшего химического образования. К сожалению, статья ³²⁾ об этом симпозиуме дает слишком мало сведений.

В декабрьском выпуске Вестника за 1965 год ³³⁾ была напечатана статья, посвященная проблемам химического практикума. Этим проблемам, а также некоторым другим вопросам, посвящено десять статей ^{34 35 36 37 38 39 40 41 42 43)} в октябрьском выпуске Вестника за 1966 год. Но объем этой статьи не позволяет мне подробно разобрать этот вопрос, так же как вопросы преподавания физики будущим химикам, которым посвящены две статьи ^{44 45)} в Вестнике, и статью ⁴⁶⁾ о преподавании биохимии в медицинских институтах, напечатанную в том же журнале.

NEW TRENDS IN THE CHEMICAL EDUCATION IN THE SOVIET UNION

SUMMARY

In July 1963 it was announced in the Herald of the Higher School (official journal of the Ministry of Higher and Special Secondary Education of the Soviet Union) that the Chemical-Technological Institute of Kazan and the section of Mendeleev Society of the Tatar Republic initiated a correspondence conference about the teaching of general and inorganic chemistry. The initiators of the conference claimed that for thirty years nothing was essentially changed in the syllabi and the textbooks of inorganic (general) chemistry, except the volume of the material covered. As result of this, general and inorganic chemistry became a conglomerate of various subjects that are not united by a common idea. A new syllabus used in the Chemical-Technological Institute of Kazan was described. This syllabus puts more stress on modern theoretical concepts. A lively discussion resulted in which many changes in the syllabi and curricula were proposed.

Besides the teaching of inorganic (general) chemistry various other aspects of teaching chemistry to chemistry and non-chemistry majors was discussed in more than forty papers in three years. On the basis of these papers and also on the basis of the analysis of some textbooks the author attempts to trace new trends in the teaching of chemistry in the Soviet Union and the problems involved in this teaching. As far as it is possible to draw a short conclusion, at least some of the problems are similar to the ones in this country, and the trends follow with a certain caution the trends here. The author thinks it is also safe to say that the teaching of chemistry in the Soviet Union is at least to a certain degree influenced by what is done in this country.

ЛИТЕРАТУРА

- Воздвиженский Г. С. и Ахметов Н. С. Вестник высшей школы № 7, 1963, стр. 14.
- Удовенко В. В. и Астахов А. И. Там же, стр. 18.
- Карапетьянц М. Х. и Дракин С. И. Там же.
- Голуб А. М. Там же, № 2, 1964, стр. 14.
- Хомченко Г. П. Там же, стр. 18.
- Глинка Н. Л. Общая химия, издание восьмое, Москва 1956; издание одиннадцатое, Москва 1964.
- Саркисов А. Г. Вестник высшей школы № 2, 1964, стр. 20.
- Воздвиженский Г. С. и Ахметов Н. С. Там же, № 4, 1964, стр. 23.
- Корниенко В. П. Там же, № 5, 1964, стр. 16.
- Кафтанов С. В. Там же, № 9, 1964, стр. 7.
- Менковский М. А. и Семишин В. И. Там же, № 11, 1962, стр. 36
- Креч Э. И. Там же, № 11, 1963, стр. 14.
- Дмитриев Г. А., Менковский М. А. и Семишин В. И. Там же, стр. 36.
- Богоявленский А. Ф. и Александров Я. И. Там же, № 12, 1963, стр. 20.
- Рысс И. Г. Там же, №, 1964, стр. 33.
- Евдокимов Д. Я. Там же, № 3, 1964, стр. 37.
- Дмитриев Г. А., Семишин В. И. и Романцева Л. М. Там же, № 5, 1965, стр. 41.
- Козырев Е. М. Там же, № 12, 1965, стр. 29.
- Хорошкин М. Н. и Калмыков А. Г. Там же, № 9, 1964, стр. 15.
- Экстер Я. Э. Там же, № 5, 1965, стр. 7.
- Вильямс В. В. Там же, стр. 9.
- Ласкин И. Е. Там же, № 11, 1963, стр. 44.
- Жаггар К. Б., Лифшиц Г. М. и Седых М. А. Там же, стр. 46.
- Заверский И. Н. и другие. Неорганическая химия. Москва 1965.
- Путилова И. Н. и другие. Курс общей химии. Москва 1964.
- Стругацкий М. К. и Надеинский Б. П. Общая химия. Москва 1959.
- Крешков А. П. Вестник высшей школы № 6, 1964, стр. 53.
- Пятницкий И. В. Там же, стр. 67.
- Мишина Е. Ф. Там же, № 7, 1965, стр. 42.
- Гороховская А. С. Там же, стр. 45.
- Королева В. И. Там же, стр. 46.
- Торочешников Н. С. Там же, № 10, 1965, стр. 17.
- Воздвиженский Г. С. Там же, № 12, 1965, стр. 82.
- Андрейчикова П. И., Степанюк Е. И. и Харламова З. В. Там же, № 10, 1966, стр. 75.
- Кульман А. Г., Надеинский Б. П. и Гольбрайх З. Е. Там же, стр. 76.
- Богоявленский А. Ф. и Александров Я. И. Там же, стр. 78.
- Сазонова З. И. Там же.
- Тюренкова О. А. и Островская Э. А. Там же, стр. 79.
- Тутурина В. В. Там же, стр. 80.
- Нестеренко Л. А. Там же.
- Федякин М. В. Там же, стр. 81.
- Келембетова А. П. Там же, стр. 83.
- Андросова В. Г. Там же, стр. 84.
- Сердюк В. В. Там же, № 11, 1964, стр. 28.
- Киселев В. Ф. Там же, стр. 30.
- Усольцева В. А. Там же, № 2, 1965, стр. 18.
-

В. Федукovich *)

Антарктические воды у дна Атлантического океана

*

Интерес к изучению больших (абиссальных) глубин океанов особенно возрос в последние десятилетия. С одной стороны это вызвано стремлением к изучению строения земной коры, общего строения земного шара, перемещения водных масс в глубинах океана, долгосрочных вариаций в климатических условиях и других научных проблем. С другой — необходимостью решения ряда чисто практических задач, как условия для прокладки подводных телеграфных и телефонных линий, поиски районов дна для безопасного хранения радиоактивных отходов, разведка полезных ископаемых, условия для развития рыбного промысла и др.

Ограниченные исследования глубокого океана начались уже в последней четверти прошлого века (Британская экспедиция на «Чалленджер» и др.). Со все увеличивавшимися масштабами они продолжают и до сих пор. Однако ранние исследователи не имели достаточных технических возможностей для точных и надежных измерений и полученные тогда данные не всегда могут быть использованы в новейших исследованиях.

В начале нашего столетия, общее развитие измерительной техники дало возможность усовершенствовать: методы определения глубин и местоположения судна, методы измерения физических свойств морской воды, способы изучения донных

---

*) Lamont Geological Observatory, Columbia University, N. Y.

осадков и подводных глубоких течений и т. п. Позднейшие океанографические экспедиции дают обширный и надежный для научной интерпретации материал.

В особенности много океанографических исследований было проведено в период так называемого Международного Геофизического Года, когда в этом приняли участие почти все страны мира. Специальные экспедиции во всех морях и океанах весьма широко изучали: рельеф дна, глубокие и поверхностные течения, характеристику водных масс, геологическое строение дна и земной коры над дном океанов, биологические условия на различных уровнях и многие другие проблемы.

Очень большой вклад в океанографические исследования внесли в частности Американские экспедиции: Скриппс Института в Калифорнии, Вудсхолм Института в Массачусетсе, Ламонт Геологической Обсерватории в Нью Йорке и многие другие.

Однако полученный обширный материал требует многих дополнений и детализации, так как не все части морей и океанов были покрыты достаточно густой сетью наблюдений и дальнейшие исследования продолжаются.

Нам в связи с некоторыми техническими задачами пришлось изучать распределение физических свойств воды вблизи дна. Здесь предполагается дать общее представление об одной из частей исследования — о распространении и физической характеристике донных вод Атлантики, имеющих своим началом воды Антарктического континента.

Для характеристики водных масс основными, среди других индикаторов, являются физические свойства воды — температура и соленость. Температура определяется в °C (иногда в °F) и соленость в ‰. Однако значения температуры для одного и того же образца воды на разных уровнях различны, что зависит от степени сжатия при близком к адиабатическому процессу. Для удобства сравнения при океанографических исследованиях измеренную на месте температуру (*in situ*) пересчитывают на температуру потенциальную, т. е. температуру, которую бы имел данный образец при переносе его на поверхность (при нормальном атмосферном давлении). Такой пересчет дает сравнимые величины температуры — индикатора вне зависимости от глубины измерения.

В следующей таблице даны значения потенциальных температур для различных измеренных температур и различных глубин.

глубина м.	Температура in situ °C						
	—2.0	—1.0	0	1.0	2.0	3.0	4.0
3000	—2.14	—1.16	—0.19	0.79	1.76	2.74	3.72
4000	—2.22	—1.25	—0.28	0.68	1.65	2.62	3.59
5000	—2.32	—1.36	—0.40	0.57	1.53	2.49	3.46
6000	—2.43	—1.48	—0.52	0.43	1.39	2.35	3.31

В дальнейшем для удобства сравнения мы будем пользоваться только значениями температур потенциальных.

* * *

Как известно Атлантический океан разделен на две части громадным горным хребтом — Средне-Атлантическим хребтом, который, то подымаясь выше уровня воды (Азорские острова), то понижаясь до больших глубин, местами прерываясь глубокими зонами разлома, тянется от Исландии на севере — далеко на юг почти до Антарктического бассейна. Воды западного и восточного Атлантика так разделенные существенно отличаются по своей океанографической характеристике.

Предполагается, что донные воды Атлантика берут свое начало в высоких южных широтах в районе моря Уэддела и образуются из антарктических вод стекающих с континента и континентального шельфа. Они затем распространяются дальше на север. Вначале эти воды имеют очень низкую температуру и соленость. Большая их часть, вследствие малой плотности, скользит у поверхности над нижележащими слоями более плотной воды. Некоторая часть антарктической воды скользит непосредственно по дну бассейна. Постепенно однако, при перемещении к северу воды на поверхности приобретают все большую и большую соленость, плотность их увеличивается и на широтах Аргентинского бассейна на западе или бассейна Анголы на востоке они постепенно опускаются до дна и образуют уже собственно донные воды Атлантика (зона Антарктической конвергенции).

Как правило и температура и соленость вод повышаются от дна вверх. Наинизшую температуру и соленость (и наибольшее ‰ содержания антарктической воды) имеют воды находящиеся непосредственно у дна. Более интенсивное изменение этих индикаторов происходит на границе различных водных масс — вод различного происхождения. Интенсивность перемешивания здесь наибольшая. Антарктическая донная вода при движении на север подвергается постепенному воздействию вышележащей толщи воды и медленно (при малой интенсивности смешивания) или более быстро (при интенсивном перемешивании) меняет значения своих температуры и солености.

В дальнейшем будут приведены для различных районов океана наиболее характерные минимальные найденные значения температур и солености, дающие указания на наибольшее содержание антарктической воды в районе.

Рассмотрим отдельно распространение антарктических вод в Западном и Восточном Атлантике.

Как было уже упомянуто начало донных вод на западе Атлантики находится в Аргентинском бассейне. Можно принять условно, что «чистые» антарктические воды имеют температуру ниже -0.5°C и соленость ниже 34.64 ‰ . Однако у дна середины Аргентинского бассейна эти величины уже около -0.3°C и 34.65 ‰ . Собственно антарктические воды достигают дна на различной широте, их физические свойства могут быть различны и принятые цифры представляют некоторые средние величины.

Верхняя граница антарктических донных вод в Аргентинском бассейне находится на глубине 3200-3500 м. Выше расположены воды иного происхождения, имеющие свою собственную историю.

Аргентинский бассейн занимает громадную площадь, движение донных вод на север поэтому происходит относительно медленно и мало вначале меняются их физические свойства. Точно также мало интенсивны процессы перемешивания у дна бассейна. В дальнейшем однако при «переливании» донных вод в Бразильский бассейн через более мелкую и сравнительно узкую долину между Южно-Американским континентом и под-

нятием Рио-Гранде (около 31° ю. ш.) скорость донного течения чрезвычайно увеличивается, динамические силы заставляют тяжелые воды подниматься до уровня дна прохода, интенсивность перемешивания увеличивается во много раз и быстро меняются значения температуры и солености. При этом естественно уменьшается глубина верхней границы донных вод. Здесь особенно резко заметно влияние сил Кариолиса — более тяжелая вода смещается к западу на более мелкое дно и верхняя граница собственно донных вод оказывается наклонной. Глубина этой границы не превышает 2000 м.

Высокая интенсивность перемешивания на границе донных вод указывает на наличие условий благоприятных для размывания дна и переноса осадков на соответствующей глубине склона. При плавном перемещении воды параллельно дну бассейна, вода как бы скользит по дну не нарушая поверхности донных отложений. Появление же вертикальной составляющей динамических сил при перемешивании способствует и нарушению и переносу осадков.

В северо-западной части Аргентинского бассейна температура воды у дна достигает уже -0.1°C и соленость 34.67-34.68 ‰. К востоку от поднятия Рио-Гранде, между поднятием и Средне-Атлантическим хребтом минимальная температура подымается до 0.5°C и соленость до 34.70 ‰ и выше — более холодная и тяжелая вода оттесняется на запад.

После резкого уменьшения температуры и солености донной воды в депрессии Рио-Гранде наступает дальнейшее более медленное увеличение этих величин в Бразильском бассейне с 0°C на юге до 0.10° - 0.15°C на севере и с 34.68 ‰ до 34.69-34.70 ‰ на севере. Причиной таких малых вариаций является большая ширина бассейна. Верхняя граница донных вод отчасти по той же причине опускается до глубины 4000-4200 м. Весьма отчетливо проявляется смещение тяжелой донной воды к западу и на глубине дна около 4000 м. отмечается очень большая интенсивность смешивания на континентальном поднятии Южной Америки.

Часть антарктической донной воды, на северо-востоке уходит в восточный Атлантик — на этом остановимся дальше.

Район экватора между Бразильским и Гвианским бассей-

нами отличается меньшей глубиной, более узким каналом и существенным изменением в направлении движения донных вод. Скорость донных течений здесь увеличивается и, конечно, увеличивается интенсивность смешивания. Физические свойства донной воды быстро меняются, до температуры 0.6°C и солености 34.75 ‰ к северу от экватора. Повышается здесь также верхняя граница донных вод.

Дальше на север в середине бассейна Гвианы на широте 10° с. ш. минимальная температура вблизи дна повышается до $1.2\text{--}1.3^{\circ}\text{C}$ и соленость до $34.80\text{--}34.84\text{ ‰}$. Верхняя граница донных вод опять опускается до $4000\text{--}4400$ м. и на этой же глубине происходит наиболее интенсивное смешивание различных вод. Следует отметить, что на западной периферии бассейна океанографические условия более сложны, чем это было в южном полушарии и распределение физических индикаторов представляет иногда не вполне ясную картину. Весьма вероятно также, что тут имеется ответвление течения донных вод с высоким содержанием антарктической компоненты к каньону Пуэрто-Рико. Возможен также выход в дальнейшем этих вод непосредственно к северу в Северо-Американский бассейн, с которым соединяется и бассейн Гвианы.

Северо-Американский бассейн охватывает обширную часть западного Атлантики; донные течения здесь очень медленны, перемешивание у дна незначительно и общая мощность донной воды невелика. Изменение минимальных значений температуры и солености донной воды происходит постепенно и меняется от 1.5°C и 34.85 ‰ на юге до 2.0°C и 34.90 ‰ на севере бассейна. Затруднительно только по данным изменения температуры и солености определить положение верхней границы донных вод, так же как и степень смещения донных вод вследствие сил Кариолиса.

Несколько севернее 40° с. ш. донные воды с содержанием воды антарктического происхождения как бы выклиниваются и замещаются Северо-Атлантическими донными водами, текущими в южном направлении сначала на севере по дну океана, а затем после встречи с антарктическими водами над ними.

Если принять, что антарктические донные воды в Аргентинском бассейне имеют температуру — 0.5°C и соленость 34.65

‰, а Северо-Атлантические донные воды 2.1°C и 34.92 ‰, то можно подсчитать приблизительно наибольшее процентное содержание антарктической воды в донных водах Западного Атлантика. А именно в Аргентинском бассейне свыше 90%, в Бразильском — 80-85 % на юге и 70 % на севере, в бассейне Гвианы и в каньоне Пуэро-Рико 45-55%, на юге Северо-Американского бассейна — 30% с выклиниванием в районе бассейна Ньюфаундленда до величины меньше 5%. Изменение содержания антарктических вод в донных водах западного Атлантика не происходит равномерно — скорость изменений зависит от скорости донных течений, от размеров и конфигурации бассейнов, от рельефа и интенсивности перемешивания. Кроме того поступление антарктических вод может быть нерегулярным. Однако общее направление течения донных вод и также уменьшение значений температуры и солёности происходит в западном Атлантике в общем северном направлении.

Восточным бассейном Атлантического океана является собственно его часть к северу от Китового хребта. Капский бассейн между Китовым хребтом и Африканским континентом носит уже характер близкий к океану Индийскому, о нем речь будет позже.

Антарктические воды попадают на юг восточного Атлантика с менее глубокого уровня и вследствие этого и температура и солёность здесь на юге значительно выше, чем для тех же широт западного Атлантика. В самой южной части бассейна Анголы эти величины около 1.8°C и 34.87 ‰. В северном направлении наблюдается увеличение этих значений до 2.0°C и 34.89 ‰ на широте около 25° ю. ш. Дальше на север однако значения температуры и солёности начинают уменьшаться — сначала медленно, затем быстрее до 1.95°C и 34.89 ‰ на 15° ю. ш., до 1.9°C и 34.88 ‰ на границе бассейнов Анголы и Гвинеи (10° ю. ш.) и достигают минимума 1.6° - 1.7°C и 34.86 - 34.87 ‰ около экватора.

Такие неожиданные вариации в значениях температуры и солёности объясняются главным образом наличием глубоких зон разлома в Средне-Атлантическом хребте в районе экватора. Холодные с большим содержанием антарктической воды течения доставляют на восток воды западного Атлантика, что

естественно отражается на характеристике вод Гвинейского и Сиерра Леоне бассейнов.

Наиболее глубоким из разломов является каньон Романш с глубиной свыше 7500 м., на много превышающей глубины и Бразильского и восточных бассейнов. Однако надо полагать, что там имеется целая система глубоких разломов, так как изменение в физических свойствах воды вблизи экватора настолько велико, что объяснить это наличием только одного каньона Романш трудно. Весьма вероятно, что подобные разломы существуют в Средне-Атлантическом хребте и дальше к югу, однако их глубина и протяженность должны быть невелики, так как установить их влияние на донные воды бассейна Анголы пока не удалось.

На глубине каньона Романш содержание антарктических вод велико — значения температуры и солености там около 0.65°C и 34.75‰ . Интенсивность смешивания незначительна на самом дне каньона, но на уровне около 4200 м. она сильно возрастает; повидимому этому уровню соответствует наибольшее проникновение западных вод на восток.

Вероятно также проникновение антарктических вод в бассейн Анголы из Капского бассейна через разломы в Китовом хребте. Однако это носит скорее местный характер и мало влияет на донные воды бассейна Анголы.

К северу от экватора через бассейн Сиерра-Леоне в направлении бассейна Зеленого Мыса наблюдается опять повышение значений температуры и солености до 1.8°C и 34.80‰ на 16° с. ш., до 1.9°C и 34.89‰ в Канарском бассейне на юге и 1.95°C и 34.90‰ на севере. Дальше, в Западно-Европейском бассейне физические характеристики вод уже приближаются к Северо-Атлантическим донным водам с температурой 2.1°C и соленостью $34.91\text{--}34.92\text{‰}$.

Слабые изменения значений температуры и солености снизу вверх и слабая интенсивность перемешивания затрудняют определение верхней границы донных вод восточного Атлантика. Точно также только грубо, приблизительно можно выразить в процентах содержание антарктических вод вблизи дна. Повидимому на юге бассейна Анголы (32° ю. ш.) это содержание выразится в 15-17 %, затем этот процент уменьшается

до 8 % на 8° ю. ш. с последующим резким увеличением вблизи экватора до 16-17%. Дальше к северу содержание антарктических вод вблизи дна постепенно уменьшается до 12 % в бассейне Зеленого Мыса, до 9 % в Канарском бассейне и до 5 % или меньше в бассейне Западно-Европейском.

Условия в Капском бассейне резко отличаются от условий собственно восточного Атлантика и по характеру донных вод весьма близки к Атлантику западному, хотя их температура и соленость несколько выше, а именно:

0.1° - 0.2°С и 34.66 ‰ на 50° ю. ш.,

0.5 - 0.6°С и 34.68 - 34.70 ‰ на 40° ю. ш.,

0.65°С и 34.72 - 34.74 ‰ на 32° ю. ш. и

0.7°С и 34.74 - 34.75 ‰ в северной части Капского бассейна.

Содержание антарктических донных вод на юге достигает 80 % и уменьшается только до 65 - 70% в середине бассейна.

Граница донных вод выражена весьма отчетливо на глубине около 4000 м. Замечается также повышенная интенсивность смешивания в результате донных течений.

ANTARCTIC WATERS IN THE BASIN OF ATLANTIC OCEAN.

The study of the oceans and seas was greatly increased from the beginning of this century. Very much was accomplished during the International Geophysical Year. Particularly great contribution was made by the American expeditions of Scripps Institutions, Woodshole Institution, Lamont Geological Observatory a. o.

This paper refers to the results of a small part of the general study of the Atlantic bottom. General features of the origin and distribution of the Antarctic water near the bottom are described and the data to the lowest temperature and salinity and to the contents of the Antarctic water presented.

К. Г. Белоусов *)

Загрязнение вод в СССР.

*

Арабская мудрость считает, что вода дороже золота. По мере культурного роста государства эта истина принимается и правительством южных стран как бесспорная самоочевидность. Для промышленности вода нужна в 100% всех производств, от достаточного наличия воды зависит успех сельского хозяйства, без воды невозможен рост городов. Большие металлургические заводы расходуют огромное количество воды во время производства: на 1 тонну продукции чугуна требуется около 150 м³ воды ¹⁾). Одна тонна пшеницы требует около 500 м³ воды для нормального урожая. Для водоснабжения больших городов надо рассчитывать: 200 литров в день на человека ²⁾). Эти цифры дают приблизительное представление о том, какое множество пресной воды расходует большое высокориндустриализированное государство. В настоящее время каждое цивилизованное государство, прежде чем дать разрешение на индустриальную постройку, требует гарантии, что использованные отпадные воды будут подвергнуты полной очистке. Это же требование предъявляется к городским канализациям. Чистая пресная вода в достаточном количестве — это основное требование гигиены, это возможность увеличения продукции сельского хозяйства, это предпосылка успешного развития промышленности.

Было бы ошибкой считать, что СССР имеет неограниченные запасы пресной воды. Наиболее заселенную часть СССР

---

*) Prof. Pol. Ite, Bratislava; Dean UNRRA-U-y, Munich; Cons. Eng., N. Y., Prof. A. I. for R. Studies, N. Y.

— европейскую — с точки зрения осадков можно разделить на три зоны: 1) избыточной влажности, 2) достаточной и 3) недостаточной влажности. В первой зоне — запад и север России — количество осадков преобладает над испарением, а малые уклоны и геологическое строение местности располагает к заболачиванию местности. От 20 до 50 % севера Русской равнины заболочено, Полесье до 35%, Карелия и Кольский полуостров до 30%. Южная граница достаточной влажности проходит немного севернее Кишинева, Киева через Калугу, Москву и ют нее на северо-восток ³⁾). Территория южнее этой линии подвержена все возрастающей повторяемости засушливых лет, так что южнее Волгограда, Уральска, Актюбинска она бывает от 40 до 60% времени, т. е. в среднем каждый второй год является сухим годом ³⁾).

В СССР за 50 лет значительно возросло число промышленных предприятий всех видов, и в связи с этим невероятно увеличилось городское население. В 1913 году городское население составляло 17%, в 1959 — 48% ⁴⁾, в 1967 г. уже 60% ⁵⁾, на Дальнем Востоке в настоящее время доля городского населения исчисляется больше чем 72 % ⁶⁾).

Рост городов вызывает все увеличивающийся спрос на пресную воду, причем значительная часть ее возвращается в виде стока, отравленного всякого рода химикалиями, растворенными в воде. Среди них особенно стойкими являются очистители для стирки, которые не выделяются из воды при ее фильтрации и даже при процессе выпаривания.

Еще хуже очистка воды поставлена в промышленности. Гонка за показной производительностью предприятий и материальные премии за экономическое и сверхплановое производство заставляет ускорять темпы построек, что достигается исключением излишних для продукции построек стокоочистительных станций. В результате сотни тысяч м³ неочищенной воды сбрасывается ежедневно прямо в природные водотоки или озера. Особенно губительными являются химические фабрики, целлюлозно-бумажные и кожевенные, выбрасывающие в стоки много взвешенных отходов. Эти заводы перед революцией были малых размеров, с небольшими стоками, и происходило самоочищение воды под действием воздуха и солнца.

Кислород, находящийся в воде, и водные растения окисляли органические вещества, разлагали их на безвредные элементы азота, фосфора и углекислоты. Правительство с помощью фабричных инспекторов следило за чистотой воды и в случае неисполнения принуждало владельцев проводить предписанную очистку воды. Теперь же, при огромных стоках нечистот, наличие кислорода совершенно недостаточно для самоочищения, отпадки загнивают, выделяя вредные газы метана, аммиака, сероводорода и др. Они отравляют воду, губят рыбу, растительность и делают воду не только непригодной для питья, но даже для фабричных целей.

В СССР государство является и владельцем и контролером предприятий. Процесс очистки вод долгие годы обходился отчасти из-за непонимания партийными начальниками вреда, особенно когда это не мешало достижению запланированной продукции, а приносимый вред отражался на ком-то другом. В юбилейные годы подобными явлениями гордиться не приходится, но и замалчивать их больше нельзя. Периодическая печать и специалисты начинают обращать внимание правительства на все возрастающую опасность загрязнения вод.

«Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод зеркальных вод...», когда-то заучивалось наизусть в средних школах, чтобы навсегда запомнились кристально чистые воды Днепра. Вероятно эти строки больше не заучиваются, чтобы не компрометировать достижения советской власти. Вода Днепра стала мутно-грязного цвета, что даже осторожная советская печать начала взывать: «Реки должны быть чистыми»⁷⁾. Только теперь приступают к очистке канализационной воды и отпада из Запорожского коксо-химического завода:

«Это позволило значительно сократить сброс сточных вод. Если прежде предприятие сбрасывало несколько сот кубометров воды в час, то сейчас не больше 20-30 кубометров...»

Следовательно до последнего времени целая река грязи выливалась в Днепр, а теперь ее размеры сократились до значительного потока. Основание: министерство черной металлургии запретило расходовать средства на очистку воды.

Вот что говорится о бассейне Волги в том же номере газеты ⁷⁾: «Лет 8-10 тому назад наш комбинат (Челябинский электрометаллургический) сбрасывал отходы производства в реку Миасс . . . Руководители многих заводов считают ниже своего личного достоинства заниматься такими проблемами, как очистка сточных вод. Возьмем городское хозяйство. Городская канализационная сеть, к которой приключено около 40 предприятий, ежедневно сбрасывает в Волгу около двухсот тысяч кубометров воды. А пропускная способность очистных сооружений только 85 тысяч кубометров сточных вод в сутки . . . Добавим к этому, что многие крупные промышленные предприятия самостоятельно сбрасывают в Волгу каждые сутки сотни тысяч кубометров воды с высокой концентрацией вредных примесей, и вот станет понятной вся опасность, которую несет Волге лишь один возвращенный ею город».

Заводы, расположенные на Волге и ее притоках, сбрасывают свои сточные воды прямо в реки. Машиностроительные заводы спускают большое количество разных соединений трехвалентного хрома, уничтожающего в реках массу рыбы. Отпадные воды из сахарных заводов также содержат много ядовитых соединений, вредных для речных обывателей. В Чехословакии задолго до второй войны отпадные воды сахарных заводов перед фильтрацией нейтрализовались прибавлением в воду негашеной извести. Для наиболее действительной очистки вод привлекались профессора ВУЗ. Советская пресса указывает, что до сих пор к охране рек почти не привлечена наука, особенно химическая и биологическая.

Единой очистительной системы нет и в больших городах, наполненных множеством заводов. Каждый из них строит проформа подобие очистителя, фактически сбрасывая в реки недопустимо грязные сточные воды:

«Культура производства на многих предприятиях настолько низка, что ценнейшие химические соединения, на получение которых мы тратим огромные средства, уходят в реку и губят там все живое . . . Проблему очистки стоячих вод надо решать по-умному, по государственному» ⁷⁾.

Река Урал была одной из богатейших рыбой, особенно

ценными сортами, приходящими сюда из Каспийского моря. Сейчас все изменилось *) :

«Серьезное сокращение стока Урала началось после сооружения Ириклинской ГЭС. Мощность этой станции всего 30 тысяч киловатт. Но гидроузел держит огромное водохранилище объемом около четырех миллиардов кубометров. Это значительно больше, чем Урал со всеми притоками приносит в маловодные годы в Каспий».

На среднем Урале между Орском и Оренбургом вода в реке настолько загрязнена, что в реке рыбы вообще нет и не может быть, так как она уничтожена ядовитыми растворами сернистых щелоков, хромовых соединений и т. д. Это больше не знаменитый казачий рыбный садок, а канализационный зловонный сток. Не только из реки, но из окружающих колодцев воду пить нельзя: отравлены уже и подземные воды, питающие колодцы. Возникает новая проблема, где же взять воду для снабжения приуральских городов? ^{8a}).

После проведения построек на Волге, Куре и Тереке — Урал оставался единственной большой рекой, куда каспийская рыба шла на метание икры. Примитивное строительство фабрик и городов отрезывает и эту возможность.

Подобному же загрязнению подвергаются озера, например Ладога, славившаяся до революции своими непревзойденными сига́ми и лососьями, икра которых рассылалась по всей России для разводки этих пород в других озерах.

«Теперь о некогда богатом промысле можно судить лишь по литературным данным да по воспоминаниям местных старожилов»... Много недугов появилось за последние десятилетия у могучего озера. И самый опасный — сточные воды промышленных предприятий, которых немало выросло на побережье Ладоги и в низовьях впадающих в нее рек. Свыше полумиллиона кубометров грязных стоков сбрасывает она ежедневно — и все стекает в Ладогу. Чего в этих стоках только нет! И древесное волокно, и варочные щелоки, спиртовая барда, кислоты, хлористые соединения и другие химические вещества, щена, кора . . . » *). Одним из наиболее активных загрязнителей — Сяський целлюлозно-бумажный комбинат . . . От сточной грубы коллектора далеко в озеро тянется желто-бурый шлейф» *).

Вода в озере закрашена в рыжий цвет на 10-12 км. В озеро сбрасывается ежедневно больше 20.000 килограмм сульфатов и хлоридов, десятки тысяч растворов органических веществ, на окисление которых ежедневно озеро расходует до 50.000 килограмм кислорода. Но без кислорода не может существовать рыба. Река Сясь до революции славилась богатыми уловами форелей. Сейчас их нет, форель просто исчезла.

К сожалению загрязнение вод не является печальной особенностью густонаселенной и индустриализированной Европейской части СССР. Тоже явление наблюдается и в Сибири. Кристально чистые воды сибирских рек постепенно превращаются в стоки химических и органических нечистот.

«Сильно загрязняет бассейн Иртыша и промышленность Свердловской области. Ее предприятия ежегодно сбрасывают в Тавду, Туру, Пышму и их притоки большое количество меди, кислот, щелочей, фенола, цинка. Один Новолялинский целлюлозно-бумажный комбинат сбрасывает ежегодно 42 тысячи кубометров неочищенных вод»¹⁹⁾.

Нефтеочистительные заводы в районе Омска сбрасывают в реку такое количество нефтяных отходов, что рыба, выловленная в реке ниже Омска до устья (Обская губа) имеет привкус нефти настолько сильный, что рыбопромышленные предприятия вынуждены были прекратить улов, непригодный даже для удобрения. Загрязнение рек Омского бассейна таким образом привело к катастрофическому снижению запасов рыбы во всем Обско-Иртышском бассейне.

Происходит все это потому, что заводы строят одно министерство, а охраной рек заведует другое. Постройки заводов обходятся значительно дешевле и проводятся быстрее, если им не надо заботиться об очистке сточных вод. Это входит в компетенцию министерства мелиорации и водного хозяйства.

«Как правило, сначала строят завод, а потом уже думают над тем, как очистить сточные воды»¹⁹⁾.

При советской медлительной бюрократии это продолжается не годами, а десятилетиями, и за это время рекам причиняется непоправимый вред.

Еще более хищнически поставлено дело бурения нефтяных скважин, из которых нефтепродукты пластовых вод выпускаются прямо в открытые водоемы. Большое количество мазута сбрасывается в воду нефтяными теплоходами и пароходами речного флота.

Непростительное варварство проявляет советское правительство по отношению к озеру Байкал, организовав систематическое загрязнение единственного в мире по чистоте воды, по своей редкой флоре и фауне, озера. Только с 60-х годов начали даже в советской печати появляться тревожные известия о невежественном ведении промышленности, способами, губительными для природных, уникальных сокровищ. На реке Бирюсе построен гидролизный завод. Кристально чистые воды реки после постройки превратились в мутную желтоватую воду¹¹⁾. Вода настолько загрязнена, что для рабочих надо было бурить артезианские колодцы для получения питьевой воды. По подсчету директора Лимнологического института еще в 1965 году в Байкал сбрасывалось до 80 миллионов тонн загрязненной воды ежегодно. С того времени был построен целый ряд заводов на реке Селенге и других реках, впадающих в Байкал. Медноплавительные и химические фабрики сбрасывают мышьяк, фтор, цианиды.

«К сожалению, наука в настоящее время не располагает данными для проектирования сооружений по очистке сточных вод от мышьяка и фтора», поучает сограждан Экономическая газета^{12 17)}. Хищническая организация фабрик привела на Байкале к катастрофическому вымиранию омуля и других ценных пород рыб. Тончайшие волокна целлюлозы обволакивают жабры рыб и душат их. Уменьшение кислорода в воде пагубно отражается особенно на драгоценных сортах рыб.

Байкал — это своеобразный мир, сохранивший до наших дней следы древней фауны. Из 1000 различных видов ее 73% нигде на земном шаре не встречаются в таком комплексе. Здесь остался вероятно еще с терциерной эры тюлень (*Phoca Sibirica*). Половина всех видов рыб, водящихся в Байкале, эндемична. Два семейства (14 видов) являются неповторимыми видами рыб, напр. бычки (*Cottocomephorus grewinghi*), которые способны обитать на глубине 1500 метров (наибольшая глубина Бай-

кала 1741 м.). Глубинные голомянки (*Comephorus baicalensis*) живут на глубине 300-500 м. ¹³). Их удивительной особенностью является то, что они мечут не икру, а живых детенышей. Эта порода рыбы не встречается в других водоемах, и их происхождение до сих пор остается необъяснимым. Промышленное значение имеет байкальский омуль (*Coregonus aulumralis migratorius*). Он является также эндемичным видом рыбы из семейства лососевых, обитающих зимой на больших глубинах до 800 м. Его мясо обладает исключительно высокими вкусовыми качествами. Таким образом Байкал среди озер мира обладает реликтами верхне терциэрной фауны и является своего рода неповторимым музеем, который благодаря примитивизму советского хозяйства может быть раз и навсегда погублен. Все это прекрасно известно правительству, потому что при Иркутском университете работает Биолого-географический исследовательский институт, который проводит систематические наблюдения гидрохимических и биологических явлений на Байкальском озере ¹⁴).

Хронический недостаток сельскохозяйственных продуктов заставляет искать все новые палиативы поднятия урожайности. В настоящее время значительное количество годовых речных стоков — 120 км³ — забирается для орошения полей ¹⁵), при чем до полей доходит только 50-60 км³. Остальная вода инфильтрируется или испаряется. Надо заметить, что годовой сток Днепра составляет 53 км³, т. е. исчезает из рек количество воды больше этого стока. В США и Европе оросительные каналы имеют водонепроницаемую облицовку дна и склонов, или в особенно жарких районах — закрытые трубопроводы. В СССР, несмотря на дефицитность воды на юге — вода подводится в открытых каналах без облицовки. К тому же поливки полей должны сопровождаться сооружением соответствующих дренажных систем, из-за недостатка которых одна треть орошаемых земель Средней Азии и Азербайджана засолена ¹⁶). О засолении земель в Северной Таврии и Крыму в советских газетах появились известия с призывом ускорить сооружение вертикальных дренажей на засоленных участках, как наиболее действительный метод удаления из верхних слоев почвы соленых растворов.

После 50 лет неудачного хозяйничания можно было бы ожидать, что варварское загрязнение вод будет постепенно или прекращено, или по крайней мере сведено до минимума, как это практикуется в странах свободного хозяйства. К сожалению никакого улучшения не заметно: последние сообщения советской печати свидетельствуют, что количество неочищенных сточных вод, сбрасываемых в Волгу в 1967 году, увеличилось в два раза по сравнению с 1963 г. ¹⁶⁾. Вот последняя картина «Матушки Волги» в 1968 г.: река в районе г. Куйбышева на протяжении двухсот километров была покрыта пленкой мазута. Только на 26 гектарах нерестовых угодий в этом районе было уничтожено около 6 миллиардов икринок. По реке поплыли вверх брюхом лещи, окуни . . . » ¹⁷⁾. Безнадежные призывы о срочной помощи поступают и из других мест ¹⁷⁾.

Если бы все приведенные факты не были напечатаны в советских газетах, журналах и научных публикациях, то их можно было квалифицировать как злостную клевету на счастливую, технически передовую страну советов. Но все цитаты и данные взяты из советских источников, очевидно написанных людьми, которые не в силах больше переносить партийную пропаганду. Экономические успехи достигаются хищническим расточительством природных богатств, о чем и свидетельствуют все приведенные корреспонденции.

POLLUTION OF WATER IN THE USSR.

The rapid industrialization of the USSR has resulted in severe disruption of the beauty of country, wild life, and in many cases will lead to complete annihilation of its natural sources.

The construction and operation of factories is provided by individual government agencies according to the time table and based on estimates of costs prepared by the communist party planners. To fulfill these plans constructors eliminate all those facilities not directly and absolutely related to production. The industries and cities

require enormous amounts of water which are returned to the rivers and lakes without purification. Dirty chemical solvents kill fish and other life in rivers. The situation has become so critical that soviet newspapers call this to the attention of government regarding the hazardeous operation of factories and cities unusual in civilized countries.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Д. Брейтерман. Экономическая география СССР. М., 1965, стр. 218.
  2. С. V. Davis. Handbook of Applied Hydraulics. N. Y. 1952, pp. 848.
  3. Гидротехническое строительство. № 7, 1961, стр. 6.
  4. А. Н. Лаврицев. Экономическая география. М. 1965, стр. 203.
  5. РСФСР в цифрах в 1966 г., стр. 5.
  6. Дальний Восток. АН СССР, М. 1966, стр. 95.
  7. Известия. 18 июня 1966 г. По — государственному.
  8. Правда. 12 июня 1967 г. Каспий теряет сына. 8 а). Правда. 10 января 1968.
  9. Правда. 15 ноября 1966. Невзгоды Ладоги.
  10. Правда. 27 августа 1966. Рыбы Сибири.
  11. Правда. 28 февраля 1965. Тревога о Байкале.
  12. Экономическая газета. № 51. Декабрь 1967, стр. 20. Вода должна быть чистой.
  13. С. П. Сулов. Физическая география СССР. 1954, стр. 382.
  14. К. К. Вотинцев. Гидрохимия озера Байкал. А. Н. М. 1961, стр. 300.
  15. Гидротехническое строительство. № 6, 1967, стр. 3.
  16. Правда. 15 мая 1968. Волге быть чистой.
  17. Известия. 26, 31. V; 5, 11, 22, 25-VI; 4, 9, 19-VII; 1, 14, 20-VIII-1968. Правда. 17-XI-67; 20-III-68.
- Каналы СССР. АНУССР. Киев. 1968.

А. П. Семенцов *)

АНТИАТОМИСТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ В XIX И XX СТОЛЕТИЯХ

Атомистическая теория была принята юхотно и быстро, особенно во Франции и Англии. В Германии распространенная там идеалистическая философия несколько задержала этот процесс. Дюма ¹⁾ пишет: «С тех пор, как была создана атомистическая теория, выводы из этой замечательной идеи приобретают с каждым днем все новое значение и становятся основой всякого исследования, требующего точности». Вюрц ²⁾ пишет: «Как все правильные идеи, она (атомистическая теория) растет со временем... как все плодотворные идеи, она является инструментом прогресса даже в руках тех, кто ее не признает». Лотар Мейер ³⁾ считает, что атомистическая теория приобрела значение скорее, чем другие теории. Все же необходимо признать, что такие великие ученые как Дэви ⁴⁾ и Фарадей ⁵⁾ относились к ней скептически.

Однако со временем химики разочаровались в ней и возникла сильная реакция против этой популярной теории. Наиболее ярко выражена эта реакция в лекциях Дюма ⁶⁾, которые он читал в Колледж де Франс через 10 лет после опубликования цитированной выше статьи, в которой он так высоко оценивал атомистическую теорию. Несколько цитат покажут всю силу его протеста против атомистической теории: «Итак, существование атомов не доказано ни явлениями количествен-

---

*) А. Sementsov, Lafayette College, Easton, Pa.

ной химии, ни явлениями, наблюдаемыми в пространстве», «если бы я имел право, я бы вычеркнул слово атом из науки, так как я уверен, что оно идет дальше, чем позволяет опыт». И в конце лекции, целиком посвященной опровержению атомистической теории, он говорит: «Химия заблудилась в этом случае, как всегда, когда она отходит от опыта и хочет двигаться в темноте без всякого руководства». Затем он приводит шутку Фонтенеля «если теория вам кажется правдоподобной, то будьте уверены, что она ложна».

Каковы же те причины, которые привели к этой реакции? Главным образом, неуверенность в методах определения атомных весов. Работы Авогардо ⁷⁾, Пру ⁸⁾, Ампера ⁹⁾ и Гюгэна ¹⁰⁾, в которых отмечалась разница между атомами и молекулами, отвергались, так как в них признавалось, что элементарные молекулы расщепляются при реакциях. Генри ¹¹⁾ и Берцелиус ¹²⁾ критиковали их, и последний утверждал, что эта гипотеза абсурдна. Смещение понятий «атом» и «молекула» привело к совершенной путанице в определении атомных весов на основании плотности газов. Корпускулярная теория Берцелиуса ¹³⁾, который считал, что равные объемы газов содержат равное число атомов (а не молекул), еще усилила эту путаницу.

Открытие диморфизма ¹⁴⁾ и многочисленные исключения из закона Дюлонга и Пти подвергли сомнению два других метода определения атомных весов. В результате большинство химиков отбросили атомные веса и перешли на эквиваленты Гмелина, которые не были связаны ни с какими гипотезами. В 1848 году Гмелин ¹⁵⁾ пишет: «Те, кто признают атомистическую теорию, называют определенные весовые отношения веществ атомными весами, а те, кто совершенно отвергают атомистическую теорию или считают ее недостаточно обоснованной, называют эти отношения соединительными весами, химическими эквивалентами, химическими пропорциями и т. д.».

Кроме сказанного, дополнительной причиной этой реакции был тот факт, что физика того времени рассматривала материю, как континуум.

Быстрое развитие органической химии доставило много новых фактов, приведших к реформе химии Жерара и Лорана. Последний полностью принимал закон Авогардо.

Тем временем в физике была создана кинетическая теория газов ¹⁶), из которой закон Авогардо был естественным выводом.

Все это привело к ренессансу атомистической теории. Так, например, Дюма в 1868 году опять признал атомистическую теорию ¹⁷).

Пионером в этом возрождении атомистической теории был молодой итальянский профессор Канниццаро ¹⁸). Он опубликовал статью в защиту закона Авогардо. Его блестящие речи на съезде в Карлсруэ и оттиски его статьи, розданные участникам съезда, произвели на них глубокое впечатление ¹⁹). Л. Мейер ²⁰) пишет, что после чтения этого оттиска чешуя спала с его глаз, сомнения исчезли, и чувство спокойной уверенности заменило их. Успеху атомистической теории содействовало также и то, что Канниццаро, по мнению Тильдена ²¹), помог избавиться от предрассудка, что законы органической химии отличаются от законов неорганической химии.

Хотя конгресс в Карлсруэ не принял никаких решений, он произвел радикальную перемену в мнении большинства химиков. Менделеев пишет: «Правда, в форме закона Авогардо-Жерара, получила благодаря конгрессу широкое развитие» ²²).

Широко распространенное признание закона Авогардо устранило путаницу в определении атомных весов. Но, несмотря на это, не все химики полностью признали атомистическую теорию. Так, например, Бутлеров в 1863 году и Вислиценус в предисловии к брошюре Вант-Гоффа в 1876 году упоминание слова «атомы» сопровождают оговоркой «если они действительно существуют». Это заставило Вильямсона ²³) выступить с лекцией в защиту этой теории. В своей лекции он говорит, что некоторые авторитетные химики стыдятся пользоваться атомистической теорией и считают, что наука выиграла бы, если бы ее отбросить. В прениях после лекции ²⁴) из семи участников три праздновали атомистическую теорию, три отвергали, а один (Франкланд) сказал, что он пользуется ею, но не верит в нее слепо. Особенно агрессивен был Броун, сказавший, что Кекуле и Накэ царапают воображаемые формулы молекул и атомов без всякого основания.

Д. Кук ²⁵) прекрасно выразил точку зрения тех, кто поль-

зуются атомистической теорией, не веря в нее. Своей лекции, в которой он намерен был возможно сильно представить ее принципы, он предпосылает следующие слова: «Я убежден, что это временные леса вокруг незаконченного здания, которые отпадут, когда в них минует надобность».

Особенно сильными противниками атомистической теории были Бертелло и Сэнт-Клэр Девиль²⁶⁾, последний пишет: «Я не принимаю ни закона Авогардо, ни атомов, ни молекул... я абсолютно отказываюсь верить во что-либо, чего я не могу видеть и даже вообразить себе». Между ними и Вюрцем возникла полемика, длившаяся несколько лет²⁷⁾. Поводом к ней послужило наблюдение Трооста²⁸⁾, что пары $\text{CCl}_3\text{CH}(\text{OH})_2$ не подчиняются закону Авогардо. Интересно отметить, что Девиль, открывший явление диссоциации²⁹⁾, вместо того, чтобы принять это естественное объяснение для наблюдения Трооста, даже пытался опровергнуть опыты Пебаля³⁰⁾, подтверждающие его открытие.

Бертелло настаивал на формулах, основанных на эквивалентах, и подчеркивал трудности атомистических формул, происходящие от непризнания закона Авогардо. Он³¹⁾ считал, что, если атомы имеют размеры, то они не могут быть неделимы, если же они материальные точки, то у них не может быть массы. Он также утверждал, что одноатомные молекулы не могут излучать спектров, так как излучение является результатом внутримолекулярных колебаний. Бертелло приводит, как аргумент против закона Авогардо, невозможность образования молекул, состоящих из одинаковых атомов, и диссоциации элементарных молекул. Делакар³²⁾, возвращаясь в 1923 году к этой полемике, говорит, что «если Бертелло ошибается, то это не значит, что Вюрц прав». В своей книжке, полной скептицизма, он пишет: «Все теории и все системы, какими бы блестящими они ни были, и какими бы полезными они ни оказались, все-таки только иллюзии».

Самой сильной реакцией против атомной теории была, вероятно, реакция, вызванная Оствальдом, влияние которого Партингтон³³⁾ сравнивает с влиянием Берцелиуса на предыдущие поколения.

Французские антиатомисты исходили из своего скептициз-

ма по отношению к теориям вообще, но Оствальд был вдохновлен созданной им энергетической теорией. Эта теория отвергала не только атомистическую структуру материи, но и самый факт существования материи. В 1895 году Оствальд выступил на съезде в Любеке с докладом об опровержении научного материализма. В этом докладе ³⁴⁾ он высказывает следующие положения: наука может решать все свои проблемы, исходя только из энергии и ее превращений; принятие существования материи, атомов и молекул не нужно и не научно; закон сохранения материи, в отличие от закона сохранения массы, метафизичен. Он отбрасывает все кинетические и структурные представления. В органической химии он объясняет изомерию различным содержанием энергии в веществах одинакового состава. Однако он позже признается ⁴⁰⁾, что он работает над полным применением его идей к органической химии и не знает, как это ему удастся. Он отрицает присутствие элементов в их соединениях. Он утверждает, что мы не знаем о веществах ничего, кроме их свойств, а раз свойства элемента исчезают при химической реакции, то допущение его присутствия в соединении не далеко от чистой нелепости, к которой мы так привыкли, что не замечаем ее. Закон сохранения элементов основан на молчаливом признании атомистической теории.

Этот доклад поддерживали идеалистические философы и теологи, но оспаривали физики ³⁵⁾. Больцман ³⁶⁾ подверг энергетическую теорию решительной и сатирической критике, а Планк ³⁷⁾ называет ее дилетантской спекуляцией.

Оствальд воспользовался своей Фарадеевской лекцией ³⁸⁾ для борьбы против атомистической теории. С целью показать ее ненужность он выводит стехиометрические законы из принципов химической динамики, не пользуясь атомистической теорией. Закон постоянства состава он выводит из определения химический индивидуум и методов приготовления и очистки его. Закон соединительных весов он выводит из тождества продуктов соединения веществ АВ с С и АС с В, закон кратных отношений, из того, что возрастание содержания элемента в соединении должно быть пропорционально его соединительному весу. Он согласен с Вальдом ³⁹⁾, что понятие «фаза» является более общим, чем понятие «вещество». Понятия «веще-

ство» и «элемент» произвольны, но полезны.

Оствальд повторил свою лекцию в собрании Бунзеновского Общества, где встретился с сильной критикой. Вант-Гофф заметил ему, что он выводит закон соединительных весов из того, что существует только одно вещество ABC, а при выводе закона кратных отношений, что таких веществ может быть несколько. Нернст указал, что, согласно его определению, нет никакой разницы между смесью и соединением, например, водяным паром и гремучим газом.

Оствальд выводил закон Грэма об истечении газов через маленькие отверстия из закона сохранения энергии и утверждал, что закон Грэма противоречит кинетической теории газов, а не подтверждает ее⁴¹⁾, как это общепринято.

В 1908 году изучение броуновского движения показало⁴²⁾, что это явление соответствует формулам Эйнштейна⁴³⁾ и Смолуховского⁴⁴⁾. Таким образом, оно подтверждает гипотезу Гуи⁴⁵⁾ и, следовательно, является доказательством реального существования молекул. Опыты Томсона с газовыми ионами также подтверждают атомистическую теорию, Эти факты вынудили Оствальда капитулировать и признать атомистическую теорию⁴⁶⁾. Однако в той же статье он упорно утверждает, что стехиометрические законы не имеют ничего общего с атомами; что атомистическая теория существовала 2000 лет и не привела к открытию этих законов; что Рихтер открыл частный случай этих законов за 10 лет до Дальтона. Оствальд считает, что Дальтон открыл стехиометрические законы (обходным путем через атомистическую теорию, а он и Вальд (см. ниже) вывели их непосредственно из экспериментальных данных без каких-либо дополнительных гипотез.

Интересно отметить, что Оствальд в своей упорной вражде к атомистической теории не замечает, что существование атомов, не изменяющихся при химических реакциях, является простейшим объяснением стехиометрических законов.

У Оствальда было много последователей, как пример, можно привести Риделя⁴⁷⁾.

Преподавание химии было также под сильным влиянием Оствальда. Следующая цитата из учебника Смита⁴⁸⁾, очень распространенного в С. Ш. и в России, может служить приме-

ром этого влияния: «... Хотя атомы, как и молекулы, являются фикцией, атомные веса реальны, так как они могут быть определены экспериментально».

Если Оствальд утверждал, что атомистическая теория только не нужна, Вальд ¹⁹⁾ считает ее вредной. Он пишет: «Атомистическая теория, с ее жестким образом мысли, безжалостно уничтожает всякую свободу мнения, она является сильным препятствием, которое обязательно нужно устранить». Интересно отметить, что это утверждение было опубликовано через месяц после того, как Перрен доложил во Французской Академии Наук свою работу о броуновском движении, подтверждающую экспериментально атомистическую теорию. С целью устранить атомистическую теорию Вальд опубликовал восемь статей ²⁰⁾. Позже, в связи с новыми работами о выводе стехиометрических законов, он опубликовал новую серию статей ²¹⁾, в которых он полемизировал с Куном ²²⁾. Эта полемика была прекращена редакцией в 1909 году.

Вальд выводит стехиометрические законы из правила фаз при помощи необычайно сложных алгебраических выкладок. Эти выкладки настолько сложны, что Вальд жалуется, что его часто не понимают ^{23 в с)}. Его вывод фиктивен, так как он исходит из предположения, которое хочет доказать. Он принимает, как предпосылку, что состав вещества не может меняться непрерывно, а только скачками ^{24 а)}, а это только другая формулировка закона кратных отношений. Интересно отметить, что Дальтон ²⁵⁾ в первый раз именно так формулировал этот закон.

Другим дефектом выводов Вальда является требование, чтобы число ингредиентов было больше или равно числу соединений. Это ему необходимо чтобы получить достаточное число уравнений. Однако многие реакции, не отвечающие этому требованию, подчиняются стехиометрическим законам.

Еще два вывода стехиометрических законов были опубликованы. Бенедикс ²⁶⁾ критикует вывод закона соединительных весов Оствальда, так как «он использует те же факты, которые уже легли в основу старого вывода, и таким образом получается порочный круг». Бенедикс выводит закон соединительных весов из следующего факта: три твердых или жидких фазы бинарных соединений, АВ, АС и ВС могут быть в равнове-

сии с общей газовой фазой, содержащей продукты их частичной диссоциации А, В и С.

Баур ⁵⁵⁾ признает вывод Оствальда и отвергает вывод Бенедикса, так как этот вывод противоречит закону действующих масс. Он предлагает два собственных вывода. Один из них основан на диаграмме плавкости тройной системы А, В и С. Во втором он определяет соединительные веса С, Н и О из состава СО и Н₂О. Затем он рассматривает реакцию угля с водой в равновесном ящике, снабженном полупроницаемой перегородкой (или избирательным поглотителем). При помощи очень сложного рассуждения он доказывает, что отношение Н:О в образовавшейся юкиси метилена то же, что и в молекуле воды. Из этого он выводит закон соединительных весов.

Несколько авторов подвергли критике антиатомистические взгляды Оствальда и Вальда. Андри ⁵⁶⁾ и цитируемый им Канницаро, кроме приведенных выше возражений, напоминают, что стехиометрические законы выведены из экспериментальных фактов. Следовательно утверждение Оствальда, что до его лекции существовал только один вывод этих законов — из атомистической гипотезы — является логической ошибкой. Хотя, конечно, эта гипотеза в некоторых случаях ускорила вывод этих законов.

Назини ⁵⁷⁾, кроме упомянутых возражений, замечает, что отождествление химического индивида с гилотропной фазой ошибочно, и что MgO и SiO₂ подходят под Оствальдовское определение элемента.

Де Фриз ⁵⁸⁾ в подробной статье разбирает все выводы стехиометрических законов, особенно выводы Вальда, и приходит к заключению, что все эти выводы, если они действительно выводят эти законы, исходят из экспериментальных данных и только вводят ненужные усложнения. Аррениус ⁵⁹⁾ также критикует идеи Оствальда — Вальда и Оствальдовские выводы стехиометрических законов.

С совершенно другой точки зрения приходит к отрицанию атомистической теории Габер ⁶⁰⁾. Он рассматривает ничтожную концентрацию ионов серебра в растворах комплексных цианидов серебра, вычисленную Бодлендером ⁶¹⁾ из его электрометрических измерений. Эта концентрация соответствует 8 ионам

на литр. Таким образом объемы, применяемые Бодлендером, не содержали даже одного целого иона. Чтобы согласовать этот факт с атомистической теорией, обычно применяется кинетическое объяснение: время существования иона в свободном состоянии равно 2×10^{-16} времени его существования в виде комплекса. Исходя из этого, Габер вычисляет время образования и разложения комплексного иона. Считая, что электрический импульс перемещается со скоростью света, он находит, что это время в миллион раз меньше, чем время, нужное импульсу, чтобы преодолеть межуатомные расстояния. Поэтому Габер считает, что эта концентрация противоречит атомистической теории. Габер встретился с возражениями. Бодлендер ⁶²⁾, между прочим, считает вычисления Габера неубедительными так как он исходит из неосуществимого раствора, содержащего ионы серебра и цианида в нормальной концентрации.

Абегг ⁶³⁾ замечает, что наилучшие осадки металлов получаются при электролизе растворов комплексных солей. Он думает, что катионы металлов регенерируются из комплексных ионов с огромной скоростью.

Даниэль ⁶⁴⁾ возражает, что электрические импульсы не должны преодолевать такие дальние расстояния, как предполагает Габер.

Отвергая приведенные возражения, Габер во второй статье подчеркивает упадок атомистической теории в философии, физике и химии.

Даже после блестящих работ Перрена и капитуляции Оствальда находились химики, не принимавшие полностью атомистическую теорию. Наряду с Делагром ⁶⁵⁾, Урбэн ⁶⁶⁾ еще в 1921 году считает энергетическую теорию равноправной с атомистической, однако в 1934 году он стал атомистом ⁶⁶⁾.

Упадку атомистической теории на границе столетий способствовала общая тенденция в философии и точных науках избегать гипотез. В философии был очень распространен эмпирио-критицизм Авенариуса-Маха. Физики стремились описывать явления и формулировать законы, не прибегая к гипотезам ⁶⁷⁾. Больцман, поддерживавший атомистическую гипотезу ⁶⁸⁾, жалуется ⁶⁹⁾, что он одинок в борьбе против этого те-

чения. Мах ⁷⁰⁾ относит гипотезы ко времени детства науки. Он считает, что гипотезы становятся опасными, если их содержание принимают за реальность. Атомистическую теорию он считает наивной и грубой, однако признает, что она полезна эвристически и педагогически.

Оствальд ⁷¹⁾ считает, что открытия делаются не благодаря гипотезам, а вопреки им.

Иногда большие ученые сами не понимают своего творческого процесса. Так, например, Байер ⁷²⁾, сам создавший теорию напряжений, утверждает, что он не сделал ни одного опыта, чтобы проверить прав ли он, а только, чтобы посмотреть, как реагируют вещества. Если бы это было действительно так, то он должен был бы, закрывши глаза, взять с полки две бутылки, смешать их содержимое и посмотреть, что из этого выйдет.

THE ANTIATOMISTIC REACTION IN THE XIXth AND XXth CENTURIES.

The rapid and willing acceptance of the atomistic theory was followed by several periods of denial and repudiation. The first one (up to the Karlsruhe congress in 1860) was a result of the confusion in the determination of atomic weights, produced by the rejection of the Avogadro law. Despite of the renaissance of the atomic theory the Karlsruhe congress, there existed in France in the seventies a strong antiatomistic movement headed by Berthelot. The second period was connected with the Ostwald's energetic theory and the strong trend against hypotheses in the science and philosophy on the turn of the century. The elucidation of the mechanism of the Brownian movement lead to the general acceptance of the atomistic theory.

REFERENCES

1. J. B. Dumas, *Ann. Chim.* **33**, 237 (1826).
2. Ad. Wurtz, "La Theorie Atomique" Paris Librairie Gerner Baillier et C-je 1879.
3. L. Meyer, "Die Midern Theorien der Chemie" 4th edition; Breslau 1883, p. 8.
4. H. Davy, "Elements of Chemical Philosophy" Collected Works v IV London 1840.
5. M. Faraday, *Phyl. Mag.*, **24**, 136 (1844); W. G. Henry "Memoirs of the life and Scientific Research of John Dalton", London 1854, Cavendish Soc., p. 135.
6. J. B. Dumas, "Leçons de Philosophie Chemique" professor an Collège de France en 1836" Gautiers-Villars 2d ed, Paris 1878.
7. A. Avogadro *J. de Physique* **73**, 58 (1811) **78**, 131 (1814).
8. W. Prout, *Anon. Ann. Phil.* **6**, 321 (1915) c. f. T. Thomson *ibid.* **7**, 17 (1916).
9. A. M. Ampere *Ann. Chim.* **90**, 43 è1814).
10. M. A. A. Gaudin, *Ann. Chim.* **52**, 113 (1833).
11. W. C. Henry, *Phil. Mag.* **5**, 33 (1834).
12. J. Berzelius, *Jahresb.* **7**, 80 (1826).
13. *Idem.*, *Ann. Phil.* **2**, 443 (1914) (July-Dec. 1913).
14. E. Mitscherlich, *Ann. Chim.* **24**, 264 (1823) c. f. J. B. Dumas, *ibid.* (2) **50**, 170 (1932).
15. L. Gmelin, "Hand-Book of Chemistry" Engl. transl. by Watts, 2d ed, London 1859 v. 1, p. 42 (the first edition 1848).
16. A. K. Kroenig, *Ann. Phis.* **99**, 315 (1857); R. J. E. Clausius, *ibid.* **100**, 353 (1858); J. C. Maxwell, *Phil. Mag.* (4) **35**, 129 (1868).
17. J. B. Dumas, *C. r.* **67**, 608 (1868).
18. S. Cannizzaro, *Nuovi Cimento* **7**, 321 (1858) English transl. Alemb. Club Reprints N 18 Edinburg 1947, c. f. *J. Chem. Soc.* **25**, 941 (1872) his Faraday lecture.
19. *Anon. Chem.-News* **1860**, 2 226; R. Anschuetz "August Kekule" 1929.
20. Ostwald's *Klassiker* **30**, 59 (1891).
21. *Nature* **117**, 840 (1926).
22. D. Mendeleev, "Principles of Chemistry" New York 1902, Collier and Son.
23. A. W. Williamson, *J. Chem. Soc.* **22**, 328 (1869).
24. *Ibid.* 433.
25. J. P. Cooke, Jr., "The New Chemistry" New York, 1874, Appleton and Co., p. 103.
26. H. Saint-Clair Deville, *Compt. rend.* **90**, 343 (1889).
27. *Idem.* *Cimpt. rend.* **84**, 711, 1108, 1256 (1877); **89**, 803 (1879); **90**, 56, 341 (1880); M. Berthelot, *Compt. rend.* **84**, 1189, 1259, 1275; **85**, 8 (1877) 1099 (1879); **90**, 112 (1880); Ad. Wurtz *ibid.* 977, 1083, 1262, 1264, 1347, 1349 (1877); **86**, 1170 (1878); **89**, 337 429 1062 (1879); **90**, 24, 118, 337 (1880); **98**, 176, 321 (1884), c. f. A. W. Hofmann, *Ber.* **20**, ref. 974 (1887).
28. L. J. Troost, *ibid.* **84**, 708 (1877).
29. H. Saint-Claire Deville, *Compt. rend.* **45**, 857 (1857).
30. *Idem.* *ibid.* **56**, 129 (1863) c. f. L. Pebal, *Ann. Chim.* (3) **67**, 93 (1863); *Ann.* **47** 199 (1862).
31. M. Berthelot, *Compt. rend.* **82**, 1129, 1126 (1876).
32. Maurice Delacre, "Essai de Philosophie Chimique" Payot, Paris 1923.
33. J. R. Partington, *Nature* (London) **172**, 380 (1953).
34. Wilh. Ostwald, *Z. Phys. Chem.* **18**, 305 (1895).
36. S. Arrhenius, *Amer. Chem. J.* **48**, 539 (1912).
36. L. Boltzmann, *Ann. Phisic.* **57**, 39 (1895).
37. M. Planck, *ibid.* **72**.
38. Wilh. Ostwald, *J. Chem. Soc.* **85**, 506 (1904).
39. F. Wald, *Z. Physc. Chem.* **18**, 337 (1895).

40. Z. Electrochem. **10**, 572 (1904).
41. Wilh. Ostwald, 2 Phys. Chem. 2, 81, 342 (1885).
42. J. Perrin, Compt. rend. **146**, 957, **147**, 475, 530, 594 (1908); Ann. Chim. (8), **18**, 5 (1909); The. Svedberg, Z. Electroch. **12**, 853, 909 (1906); **15**, 269 (1909), Z. Phys. Chem. **65**, 624 (1909); Choudesaigue, Compt. rend. **147**, 1044 (1908).
43. A. Einstein, Ann. Phys. (4), **17**, 549 (1905); **19**, 37 (1906).
44. M. von Smoluchovski, ibid. (4), **21**, 756 (1906).
45. L. G. Goug, Compt. rend. **109**, 102 (1889).
46. Wilh. Ostwald, Z. Phys. Chem. 69, 506 (1909) c. f. idem. Grundriss der Allgemein Chemia, Leipzig, Engelmann 1909, Preface.
47. F. Riedel, Angew. Chem. **19**, 2113 (1906).
48. Alexander Smith, "Introduction to General Chemistry" New York 1906.
49. F. Wald, Z. Phys. Chem. **63**, 310 (1908).
50. Idem, Z. Phys. Chem. **a18**, 337 (1895); **b19**, 607 (1896); **c22**, 253 (1896); **b23**, 78; **24**, 315 (1897); **25**, 525; **26**, 77 (1896); **28**, 13 (1899); **28**, 13.
51. Idem, Chem. 2tg. **36** a 963, b 978 (1906); **31** c 756, d, 769 (1907).
52. O. Kuhn, ibid. **31** a 688 (1907); **32** b 15, c 767 (1908).
53. J. Dalton, Memoirs of the Literary and Philosophical Soc. of Manchester (2) **1**, 244 (1805) Alembic Club Repr. **2**, 9, Edinburgh, London, 1923.
54. C. Benediks, Z. Anorg. Chem. **49**, 284 (1906).
55. E. Baur, ibid. **50**, 199 (1901).
56. L. Henry, Bull. Class. Sci. Acad. Rey. Belg. **1904**, 975.
57. R. Nasini, Mem. real. accad. Licei (5) **5**, 119 (1905) Phys. Chem. Centrbl. **2**, 516 (1905); Cazz. Chim. Hol. **361**, 540 (1906) Chem. Zentr. **1906** **II**, 740; ibid. **37** **II**, 137 (1907) Chem. Zentr. **1907** **II** 1674; Atti real. accad. lincei (5) **161**, 847 (1907) Chem. Zentr. **1907** **II**, 1674.
58. O. de Vries, Z. Phys. Chem. **62**, 308 (1908).
59. S. Arrhenius, "Theorien der Chemie" Leipzig 1906.
60. F. Haber, Z. Electrochem. **10**, 433, 473 (1904).
61. G. Bodlaender, W. Eberlein Z. Anorg. Chem. **39**, 167 (1904).
62. G. Bodlaender, Z. Electrochem. **10**, 604 (1904).
63. R. Abegg, ibid. 607.
64. H. Daniel, ibid. 609.
65. G. Urbain, Rev. Scientifique **59**, 545 (1921).
66. Idem, Bull. Soc. Chim. France (5) **1**, 1425 (1934).
67. L. Biltzmann, Ann. Phys. **57**, 39 (1896).
68. Idem, **60**, 231 (1897).
69. Idem., "Lectures on Gas Theories" Engl. trans. 1964 original 1895.
70. E. Mach, "Die Principien der Waermelehre" Leipzig 1900, pp. 359, 388, 429-31.
71. Wilh. Ostwald, "Vorlesungen ueber Naturphilosophie" Leipzig 1902, p. 215.
72. G. Buggel, "Das Buch der grossen chemiker" Verl. Chemie 1955, v. 2, p. 335.

ИЗ ЖИЗНИ Р.А.Г. (РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
В С. Ш. А.)
ASSOCIATION'S NEWS .....

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ГОДОВЩИНЫ.

В этом году исполняются знаменательные годовщины научной деятельности нескольких членов-основателей и членов РАГ в США. Русская наука может гордиться их выдающимися научными успехами за рубежом. В интересах науки надо пожелать им доброго здоровья еще на долгие годы для дальнейших таких же ценных вкладов русских в мировую культуру.

Николай Сергеевич Арсеньев родился в 1888 г., в 1906 окончил Московский лицей и в 1910 историко-филологический факультет Московского университета с «оставлением при у-е для подготовки к профессорскому званию». В 1912 г. сдал магистерский экзамен и был избран приват-доцентом Московского у-та по кафедре западно-европейской литературы. В 1918 г. был избран профессором Саратовского у-а. В марте 1920 года покинул Россию. С ноября стал лектором Кенигсбергского у-а, в 1924 г. также получил степень доктора философии и был последовательно приват-доцентом и профессором по русской культуре и религиозной жизни. С 1921 г. был одновременно профессором Варшавского у-а, на богословском факультете. С 1948 г. стал профессором Св. Владимирской Духовной Академии в Н. Й. По приглашению читал отдельные курсы в швейцарских, германских, австрийских, французских и английских у-х. В течение ряда лет был профессором Монреальского у-а в Канаде.

Первый научный труд: «В исканиях Абсолютного Бога» появился в Москве, 1910 г. До настоящего времени автором написано 24 книги на русском, английском, немецком и французском языке, некоторые были переведены на румынский и ново-греческий, 70 научных статей по русски, 52 по немецки, 39 по английски и 13 по французски. Подробная библиография трудов приведена в книге: «О жизни преизбыточествующей», Брюссель, 1966, стр. 279-285. После этого было написано еще 17 ста-

тей. Исключительные знания литературы, философии и богословских наук отразились в богатом разнообразии научных трудов, но при всем этом все работы Н. С. объединены его собственной философской мыслью: Божественного признания Высшего Начала, отблески которого живут в совести человека и в искании им Правды и Добра. Настойчивое искание правды и справедливости всегда было свойственно русским и это то, что создало высокую своеобразную культуру XIX и XX вв.

Н. С. был одним из основоположников РАГ в США. Он председательствовал на организационном собрании в 1948 г. и долгие годы является вице-председателем, передавая более молодым членам группы традиции старых русских университетов.

* * *

Георгий Владимирович Вернадский родился в 1887 г., в 1905 окончил 5-ую Московскую гимназию и в 1910 историко-филологический факультет Московского у-а. В 1913 г. защитил магистерский экзамен при С. Петербургском у-е и получил звание приват-доцента по кафедре русской истории. В 1917 г. по защите диссертации получил степень магистра русской истории. В 1918-20 гг. был профессором истории сначала в Пермском у-е, а потом в Таврическом у-е в Симферополе. С 1920 по 1922 г. работал в Греции, откуда был приглашен в Прагу, где читал лекции по истории русского права на русском юридическом факультете, одновременно принимая участие в работе Кондаковского И-та. В пражский период своей жизни Г. В. подготовил и издал несколько ценных трудов по русской истории: «Очерк истории права русского государства XVIII-XIX веков»; «Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года», «Начертание русской истории»; позже вышли книги: «Опыт истории Евразии» (1934), и «Звенья русской культуры» (1938). Летом 1927 г. Г. В. получил приглашение в Йельский у-т, где был профессором до 1956 г., когда по предельному возрасту оставил кафедру, но продолжает свою научную работу при у-е до сих пор.

Уже в 1929 г. Г. В. издал университетский учебник: *A History of Russia*, который много раз переиздавался в США и в переводах в иных странах. В 1936 г. вышла его книга: *Political and Diplomatical History of Russia*, а затем начали выходить части пятитомного труда, охватывающего историю России с древнейших времен до конца 17-го века: *Ancient*

Russia (1943); *Kievan Russia* (1948); *The Mongols and Russia* (1953); *Russia at the Dawn of the Modern Age* (1959); *The Tsardom of Moscow* (вторая половина 16-го и 17-й век ныне в печати).

Кроме этого главного труда Г. В. опубликовал много, отдельных монографий: *Lenin, Red Dictator* (1931); *The Russian Revolution, 1917-1932* (1932); *Bohdan, Hetman of Ukraine* (1941); *Medieval Russian Laws, Translation, Introduction, and Notes* (1947); *The origins of Russia* (1959).

В 1959 г. Колумбийский у-т избрал Г. В. Вернадского почетным доктором гуманитарных наук, а в 1964 г. бывшие ученики Г. В., ныне профессора американских у-в, выпустили посвященный Г. В. сборник статей по русской истории; в сборнике находится библиография печатных трудов Г. В., составленная А. Д. Фергюсоном, а в предисловии к сборнику его авторы сценивают выдающиеся заслуги Г. В. как ученого исследователя в области русской истории и как университетского преподавателя. Его неутомимая и плодотворная научная работа продолжается и ныне, и его дом в Нью-Хейвене, по выражению его учеников, «остается Меккой для всех изучающих русскую историю».

Георгий Константинович Гинс, род. в 1887 г. в 1904 году окончил Гишиневскую 2-ую гимназию, а в 1909 г. СПб. Университет по Юрид. факультету и был оставлен при У-е. В 1916 г. выдержал магистрантские экзамены по кафедре римского и гражданского права и начал чтение лекций в СПб У-те. Перед сдачей государственных экзаменов в Ун-те получил поручение Переселенческого Управления ознакомиться в Туркестане с действующим там «водным правом», а после успешного выполнения поручения и сдачи осенью гос. экзаменов в Ун-те получил место в Переселенческом Управлении, а впоследствии в Канцелярии министерства Земледелия, во время войны 1914-17 г.г. юрисконсульта Особого Совещания по продовольствию, а при Временном Правительстве — Главного Юрисконсульта Министерства Продовольствия. После октябрьского переворота выехал в Омск и там сотрудничал сначала с Сибирским правительством, а потом в качестве члена Совета Министров и Управляющего делами правительства при адмирале Колчаке. Одновременно был избран профессором Политехнического Института в Омске по каф. Гражданского

Крива. После падения власти выехал в Манчжурию, где был Начальником Канцелярии Правления, а потом Главным Контролером Кит. Вост. Ж. Д., а также Председателем Собрания городских Уполномоченных Харбина, Председателем Комитета Образовательных Учреждений К. В. ж. д. и проф. Юридического факультета, и председателем Академической группы в Харбине.

Главные из печатных трудов: Водное право и предметы Общего пользования (диссертация), Защита для получения степени Магистра Гр. права в Академической Группе в Париже в 1929 г. Право и Сила, Харбин, 1929; На путях к государству будущего (От либерализма к солидаризму), 1920; Новые Идеи в Праве (Два тома, 1931 и 1932 г.г.; Социальная психология (Введение в изучение права и нравственности) Оттиск из Известий Юр. фак. т. XI; Право и Культура (Происхождение права и нравственности) (Изв. Юрид. фак. т. XII), 1940; Предприниматель (совместно с Л. Г. Рыкмалом), 1941. *Soviet Law and Society*, Publ. Martinus Nijhoff, The Hague, 1954; and **Communism on the Decline**, Martinus Nijhoff 1956.

Кроме указанных напечатаны книги политического характера: Сибирь, Союзники и Колчак (два тома) Пекин, 1921. *Quo Vadis Европа?* (Обзор и анализ событий и политики держав Европы и Азии перед Второй Мировой войной) Харбин, 1941 г. В русских и иностранных журналах на английском, немецком, французском языках в совокупности около ста статей.

* * *

Сергей Германович Пушкарев родился в 1888 г., окончил Курскую гимназию в 1907 и поступил на историко-филологический факультет Харьковского у-а. Во время перерыва у-о образования в России («по независящим обстоятельствам») в 1911-14 г.г. слушал лекции на философском факультете у-в в Гейдельберге и в Лейпциге. В начале 1916 г. возвратился в Харьковский у-т, который окончил в 1917-18 г. и был оставлен при у-е для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. В 1919-20 служил в Добровольческой армии, в составе которой был эвакуирован в ноябре 1920 г. из Крыма в Турцию. В 1921-44 годах проживал в Праге. В 1924 г. выдержал (в Пражской Русской Академической Группе) магистерские экзамены по русской истории; был до-

ментом Русского Свободного у-та в Праге и занимался научной и педагогической деятельностью. Был членом «Славянского Института. В 1937 г. был избран профессором кафедры русской истории в Заочном у-е в Братиславе, организованном Русским Обще-Воинским Союзом. Под давлением оккупационных властей у-т был закрыт в 1941 году. В 1945-49 г.г. в лагерях «перемещенных лиц» был заведующим и преподавателем школ для русских детей. В 1949 приехал с семьей в США. В 1950-55 г.г. преподавал русский язык в Йельском у-е. В 1951-52 был лектором русской истории в Фордхамском у-е, а летом 1954 в Русском Институте Колумбийского у-а. Сотрудник *Encyclopedia Britannica*. С 1956 г. работал как составитель и один из редакторов обширного собрания источников по русской истории до 1917 г. ("Source Book in Russian History"), представленного ныне для издания в Yale Press. Вместе с тем составил обширный словарь русских исторических терминов ("Dictionary of Russian Historical Terms").

Из обширных трудов С. Г. надо отметить:

1. Происхождение крестьянской поземельно-перedelной общины в России. I-II Записки русского научно-исследовательского объединения в Праге. Вып. 67, 1939; вып. 77, 1941.

2. Образ русской истории. Изд. им. Чехова. Нью Йорк, 1953.

3. Россия в XIX веке (1801-1914) Изд. им. Чехова. Н. Й., 1956.

4. The Emergence of Modern Russia 1801-1917. Translated by Robert A. McNeal and Tova Yedlur. Holt, Rinehart and Winston. New York, London 1963.

5. Закончен и сдан для печати в Yale University Press, New Haven, Conn. обширный словарь русских исторических терминов под заглавием: Dictionary of Russian Historical Terms.

Кроме этих книг С. Г. опубликовал 19 научных исследований и 20 небольших статей по русской истории для нового издания Британской энциклопедии. Во всех своих исследованиях С. Г. старается быть «легко-писцем», т. е. беспристрастно раскрыть сущую историческую правду.

К. Белоусов .

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКЦИОННОГО БЮРО РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В США

Русская Академическая Группа в США образовала Лекционное Бюро, целью которого является устройство лекций о России для русской молодежи. В течение весеннего семестра, в 1968 г., Бюро устроило симпозиум по новейшей истории России. Были прочтены следующие лекции:

Проф. Б. А. Константиновский — Политическое и социальное устройство дореволюционной России.

Профессор Н. С. Арсеньев — Основные черты русской культуры 19-го и начала 20-го века.

Профессор Протоиерей А. Шмеман — Течения в философской мысли перед революцией 1917 г. в России.

Доцент А. И. Поплюйко — Экономическое положение России перед революцией 1917 г.

Профессор С. Г. Пункарев — Революция 1917 года.

Аудитория состояла из русских аспирантов и студентов. Чтение лекций возобновится осенью 1968 г. Цикл лекций который будет прочтен в следующем учебном году, будет посвящен истории гражданской войны в России, политике советской власти в период между окончанием гражданской войны и началом второй мировой войны, деятельности русской эмиграции в период между двумя войнами, борьбе за освобождение России от коммунизма в период второй мировой войны, современному политическому положению в России и экономическому положению в советской России.

Лекционное Бюро предполагает издать текст лекций по новейшей истории России на русском и английском языках. Группа молодежи образовала комитет содействия Лекционному Бюро и приступила к сбору средств для этой цели.

ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОРОКИН (1889-1968)

В марте 1968 г. П. А. скончался. За несколько недель до кончины РАГ получила от него письмо, что он умрет в ближайшее время и поэтому прислать свою статью в «Записки 1968» уже не сможет. В американских и русских газетах появились обширные некрологи, в которых перечислялись главные научные заслуги покойного, но недостаточные для всестороннего объяснения значения работ П. А. для американской и русской

социологии. Об этом в будущем будут написаны целые монографии.

Некрологи следовало бы дополнить только одним замечанием: П. А. до последних дней оставался глубоко русским, каким я его помню еще по России, с русской ментальностью, которая отразилась и в его научных изысканиях. Впервые я встретил П. А. в Петрограде, в 1915 г., когда о нем уже стали говорить, как об исключительно талантливом ученом. В 1923 г. П. А. прибыл в Прагу. Вскоре по прибытии он выступил с докладом о развитии революции в России перед студенческой аудиторией. Огромное помещение не могло вместить всех желающих, настолько известно и авторитетно было имя молодого ученого. Блестящий анализ событий закончился сравнением России с утопающим, который почувствовал дно, соберет все силы, чтобы оттолкнуться от него и снова вернуться к жизни. В 1948 г. образовалась в США академическая Группа. П. А. был одним из первых откликнувшихся русских ученых и состоял в ней до смерти.

Проф. Тимашев так оценивает научную роль П. А. в области социологии: «... его значение в будущем будет сравниваться со значением отцов социологии (Контом, Спенсером) и с такими корифеями социологии, как Дюркхайм и Макс Вебер».

К. Б.

ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БРИЖИЦКИЙ (1901 - 1968)

Ученая карьера Г. К. началась уже за рубежом, т. е. свои юношеские годы он провел в рядах Добровольческой Армии. В 1932 г. он получил диплом лесного инженера в Брно, Чехословакии, а в 1941 диплом доктора естественных наук при Братиславском у-е в Словакии. Свою научную деятельность Г. К. начал в Брненском у-е в 1935 г., в 1940-45 г.г. был лектором в Братиславском политехническом институте. В 1946-47 состоял профессором УНРРА у-а в Мюнхене, в 1948-50 профессором украинского у-а и деканом фармацевтического факультета. В 1954-58 г.г. работал научным работником при Йельском у-е, а с 1960 г. в Харвардском у-е, работая над изучением флоры юго-восточной части США. В Европе опубликовал 35 статей по вопросам дендрологии и лесной патологии. В США было опубликовано 31 статья гл. о. о тропической растительности юга США.

К. Б.

М. А. ПОЛТОРАЦКАЯ (1906 - 1968)

Скончавшаяся в Олбани (Нью Йорк) 7 сентября 1968 г. Марианна Артемьевна Полторацкая была крупным русским ученым — филологом и выдающимся педагогом. Она родилась в Петербурге в 1906 г. и там же получила свое образование. В 1928 г. она окончила Ленинградский университет по отделению славистики и славянских литератур и одновременно по отделению романских языков и литератур. Она закончила также курс Педагогического института иностранных языков и с 1932 по 1937 год работала при Исследовательском Институте языка и Мышления Академии Наук и защитила свою диссертацию об «Языке переводной литературы петровского периода».

В СССР она была преподавателем, а затем профессором Педагогического института в Донбасе, потом, в Ленинграде и с 1936 по 1943 — главой кафедры русской и общей лингвистики в Пед. институте и в Университете Ростова на Дону. В это время ею были опубликованы работы по фольклору Донецкой области и фольклору «Некрасовских» казаков, Историческая грамматика русского языка и работы по диалектологии Донецкой области.

Очүтившись в Австрии, она становится профессором и главой кафедры Русского языка и литературы в университете Грац (1945-1950). В США она читает лекции в Колумбийском университете (по русской лингвистике в 1950 г.), работает главой методологической секции в Военной школе языков в Монтерей, читает лекции в Летней русской школе, при Миддлбери колледже и, с 1957 г., преподает в Джорджтаунском университете в Вашингтоне, где и возглавляет кафедру русистики. В 1960 г. она создает Летнюю русскую школу при Виндхэмском колледже в Вермонте, директором которого она остается до 1968 г., когда она с факультетом и почти со всеми студентами создает Русскую летнюю школу при Норвичском университете, тоже в Вермонте. В то же время она возглавляет отделение русского языка и литературы в Вассарском колледже (Покипси, Нью-Йорк), читает лекции в Нью-Йоркском университете и в Институте славяноведения в Нью-Йорке и с 1966 работает профессором Штатного университета Нью-Йорка в Олбани.

Вот внешняя карьера, чрезвычайно насыщенная преподавательской и научной работой этого неутомимого труженика в области русской культуры и языка.

В США она выпускает учебники и научные исследования: это — три тома Курса русского языка для американских студентов (1959-1965), Русский фольклор (1964), Сравнительная русско-английская грамматика (1966), Курс лексикологии (1967), Русский корнеслов (1961), совместно с проф. Е. А. Волконской целый ряд работ об языке, обычаях и истории русских казаков — «некрасовцев».

Как лингвист и филолог М. А. пользовалась сравнительно-историческим методом изучения языка и его явлений. Ее учителями были академики: Щерба, Обнорский, Ларин; ее коллегами были такие советские филологи как В. А. Десницкий и многие современные ученые. Ее интересные и оригинальные исследования о диалектах Донской области, об языке казаков «некрасовцев», о языке петровской эпохи являются вкладом в русскую филологию.

Даже когда она уезжала отдыхать, напр., на далматинское побережье, она продолжала поиски и исследования (находки документов эпохи Петра Великого в архивах Дубровника).

Напомним еще только об ее огромной педагогической и методологической работе и в СССР и за границей, особенно в США, где ее опыт и знания принесли исключительную пользу многим сотням студентов и десяткам ее коллег. Следует особо подчеркнуть ее преданность и любовь (не говоря уже об огромных знаниях) к русской культуре в широком смысле слова.

К числу ее больших заслуг принадлежит создание Русской Летней школы в Вермонте (сначала при Виндхэмском колледже, а с 1967 г. — при Норвичском университете). Она считала, что новый тип школы, в которой студенты не только говорят исключительно по-русски в течение 7 недель но и учатся петь по-русски, разыгрывать русские театральные пьесы, обучаются русским народным танцам (тем, кому это нравится) и вообще окружены русской атмосферой, — что такой тип школы может дать самые лучшие результаты. Практика оправдала ее ожидания.

Она была широко образованным, отзывчивым, талантливым русским человеком.

Проф. Н. В. Первушин .

А. П. СЕМЕНЦОВ (1886 - 1968)

Анатолий Петрович Семенцов родился 29. I. 1886 г. в Умани. В 1904 окончил Киевскую гимназию и в 1910 естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета в числе 9 студентов, специализировавшихся по химии. Все они были учениками С. Н. Реформатского, имя которого можно найти и в современных учебниках органической химии, как русских, так и зарубежных. Из 9 окончивших впоследствии 7 стали профессорами, восьмым был Ландау, впоследствии писатель М. А. Алданов, о котором А. П. любил вспоминать.

Обычно научный работник по химии «углубляется» в определенную область химии А. П. был очень редким исключением, он был химиком-энциклопедистом, обладая глубокими знаниями во всех отраслях современной химии.

Характерно для А. П. и то, что он не «устаревал». Он всегда был в курсе самых последних достижений в области теоретической химии, за что его в Киеве называли: «Последние химические новости», или «Ходячая энциклопедия». Но его особенностью было и то, что он не только много знал и глубоко понимал, но умел научить и других знать, понимать и любить химию.

А. П. обладал незаурядной энергией и никогда не бывал праздным. Я не помню, чтобы он когданибудь отдыхал так, как другие. Повидимому для него лучшим отдыхом была работа в другой области. Когда бывало встретишь его на улице — видишь в его руках последний номер *Zentral Blatt'a* или какого-нибудь другого химического журнала.

А. П. был моим профессором в университете, позже я был его ассистентом. Тогда пришлось мне видеть его феноменальную работоспособность и оценить его эрудицию. А. П. читал курсы химии в университете и одновременно в Педагогическом институте, Медицинском институте, Институте кожевенной промышленности, заведая в трех институтах кафедрами химии. Параллельно он проводил научные изыскания в области теоретической химии (гл. о. в области стереохимии) и одновременно руководил разработкой проблем, над которыми работали научные работники. В эти годы (тридцатые) он написал учебник неорганической химии, а через год органической. Работал А. П. также в комиссии

по разработке химической номенклатуры и терминологии и внес много ценных указаний, Несмотря на занятость как-то умел находить время и для консультаций, за которыми часто обращались руководители промышленных предприятий, институт судебной экспертизы, научные сотрудники медицинского института и академии наук.

А. П. был не только высокообразованным химиком и научным работником, он был человеком высокой европейской культуры: разносортным, пачитанным, интересным собеседником, и в то же время скромным, необыкновенно деликатным и благожелательным к молодежи.

Н. Н. Лабунец .

* * *

DR. ANATOL SEMENTSOV

Dr. Sementsov arrived in the U.S.A. in 1951 and for some time was employed by St. John's Hospital in New York City. In 1954 he was engaged as a research associate at Lehigh U-y in Bethlehem, Pennsylvania and the following year he was appointed to the faculty of Lafayette College in Easton, Pennsylvania as an instructor in charge of Organic Chemistry laboratories. He continued in this position until June, 1951 when he retired with the rank of instructor emeritus.

As department head the undersigned was in close association with Dr. Sementsov during these years and collaborated with him in one publication in the Journal of Organic Chemistry. During his tenure at Lafayette Dr. Sementsov was the author or co-author of eleven papers in the Journal of Chemical Education, the Journal of Organic Chemistry and this Journal (Transactions of the Russian-Americans Scholars in the U. S. A.). One theoretical paper, which was especially well received, was published in 1966 in the Kekulé Centennial Issue of the Advances in Chemistry Series entitled "The Spatial Configuration of the Benzene Molecule and the End of the Kekulé Formula".

In addition to his published work Dr. Sementsov during this same period read nine papers at national meetings of the American Chemical Society, most of these before the Division of the History of Chemistry. Only five weeks before his death he read three papers at a single session of this Division at a National Meetings in Atlantic City, New Jersey.

Dr. Sementsov's scholarly appearance and personality brought him the respect of his students and colleagues. He was an indefatigable worker and in spite of his advanced age spent many hours in the laboratory. When his physical condition no longer permitted bench work he retained his keen interest in his beloved science and continued work and publication in theoretical Organic Chemistry, particularly in stereochemistry. The physical and mental vigor to continue scientific activities until the end of a long life is not given to many. His contributions to chemistry were substantial and he will be remembered by his students, friends and colleagues for his ability, character and warmth of personality.

Larkin Professor and Head
Department of Chemistry
Lafayette College
William F. Hart

БОРИС ГЕНРИХОВИЧ УНБЕГАУН

Семидесятилетний юбилей выдающегося слависта Бориса Генриховича Унбегауна, профессора славянской лингвистики, празднуют в этом году в международном масштабе. В Брюсселе и в Оксфорде, где Б. Г. был профессором в течение многих лет, состоялось его чествование в торжественной обстановке. В Брюсселе Б. Г. был вручен юбилейный сборник статей в его честь, составивший два тома (XVIII и XIX) ежегодника, выпускаемого Институтом восточной и славянской филологии и истории Брюссельского университета. В Оксфорде юбиляру поднесли сборник его избранных статей в роскошном переплете. В издательстве Нью-Йоркского университета, где сейчас преподает Б. Г., вышел второй сборник статей, посвященных ему славистами из англо-американских стран. Второй номер ученических записок Мельбурнского университета также посвящен профессору Унбегауну.

В Брюссельском юбилейном сборнике, насчитывающем 799 страниц, приняли участие видные ученые из тринадцати стран, включая страны-сателлиты и Советский Союз. Статьи сборника, написанные коллегами, друзьями и учениками Б. Г. на лингвистические и литературные темы, в некоторой степени отражают широкий охват научных интересов юбиляра, получившего международное признание за свою научную и педагогическую деятельность.

Борис Генрихович родился 23-го августа 1898 г. в Москве, где он получил среднее образование. После эвакуации Белой Армии, в которой он был офицером, Б. Г. учился в Люблянском университете (1922-24), а с 1924 по 1929 — в Сорбонне, где получил сначала *Licencié ès-Lettres* (1926), а потом *Docteur ès-Lettres* (1935). В 1936 г. он стал профессором славянской филологии Брюссельского университета, а в следующем году — также Страсбургского университета. Когда Страсбургский университет эвакуировали во время войны во Францию, Б. Г. был арестован Гестапо и выслан в концентрационный лагерь в Бухенвальде, откуда его освободили американские войска.

После войны Борис Генрихович продолжал преподавать в Страсбурге и в Брюсселе до 1953 года. В 1968 году специально для него в Оксфорде была создана кафедра славянской филологии, которую Б. Г. занимал до 1965 г. Как видного специалиста Б. Г. часто приглашали читать лекции в крупных университетах Европы, Америки, Канады и Новой Зеландии. Лекции и курсы Б. Г. были посвящены главным образом грамматике и истории славянских языков, русской исторической лексикологии и семантике, а также русской метрике. Эта интенсивная педагогическая деятельность развивалась параллельно с научной работой, сосредоточенной преимущественно в области истории русского языка, русской метрики и ономастики.

Библиография профессора Унбегауна, включенная в Брюссельский юбилейный сборник, содержит 397 публикаций, напечатанных на русском, французском, немецком и английском языках в период с 1923 по 1967 г. Особенной известностью пользуются: книга о языке Московской Руси по-французски *La Langue russe au XVIe siècle (1500-1550): La flexion des noms*, Paris,

1935, работа о происхождении сербского литературного языка *Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes*, Paris, 1935, русская грамматика *Grammaire russe*, Paris-Lyon, 1951 и *Russian Grammar*, Oxford, 1957, 1960, русская версификация *Russian versification*, Oxford, 1956, 1963 и *La versification russe*, Paris, 1958. Б. Г. составил также ценный путеводитель по библиографии русского языка *A Bibliographical Guide to the Russian Language*, Oxford, 1953. В скором времени в Оксфорде выйдет на английском языке книга Б. Г. о русских фамилиях.

За свою выдающуюся научную деятельность Б. Г. был избран членом Бельгийской Королевской Академии, членом Академии Наук в Майнце, членом правления Института Славяноведения в Париже и членом правления Русской Академической Группы в Нью-Йорке. Б. Г. также член разных других международных научных обществ. Б. Г. был награжден Командорским Крестом Бельгийского Ордена Короны и является кавалером Почетного Легиона и Ордена Леопольда.

З. Юрвеа

Нью-Йоркский университет .

* * *

90 - ЛЕТИЕ

СТЕПАНА ПРОКОФЬЕВИЧА ТИМОШЕНКО .

«Мой отец Прокофий Тимофеевич родился в 1847 году 8-го июля в хате крепостного крестьянина, принадлежавшего помещику Степану Кондыбе». Так начинается свои «Воспоминания» профессор С. П. Тимошенко (Воспоминания. Стр. 13, Париж. 1963), который стал не только гордостью русских инженеров, но, в настоящее время, и всего цивилизованного технического мира. Его многочисленные труды и книги переведены на все главные языки мира. Американские ученики и последователи называют его отцом теоретической и прикладной механики. Его теория упругости, теория колебаний в инженерном деле открыли новые пути расчетов инженерных установок, машин, конструкций. Им была создана ясная и точная школа преподавания основных инженерных наук: сопротивления ма-

териалов, статистики сооружений, проблемы вибрации в технике, расчеты упругих арок, прочность в машиностроении, пластинки и оболочки, и т. д. Особенно отрадно отметить эти исключительные достижения и потому, что они имеют источником русское техническое образование.

С. П. Тимошенко родился 23. декабря 1878 года. В 1896 году окончил реальное училище в Ромпах, Полтавской губернии. Блестяще выдержав вступительные экзамены был принят студентом в Институт Инженеров Путей Сообщения Императора Александра I в Петербурге, окончил его в 1901 году в числе первого десятка инженеров, защищавших свои дипломные проекты. С 1902 до 1903 работал в механической лаборатории при Путейском И-е, а до 1906 в лаборатории Петроградского Политехнического И-а. В 1906 г. был избран профессором Киевского Пол. И-а и оставался в Киеве до 1911 года, когда переехал снова в Петербург. С 1912 г. начал читать лекции в Путейском И-е и с 1913 года был утвержден профессором И-а до 1917 года. В 1918 г. переехал снова в Киев, где был приглашен в Академию Наук. С отходом Белых армий эвакуировался в Югославию, где с 1920 до 1922 был профессором у-а в Загребце. В 1923 был приглашен в США и работал у Вестингауза до 1927 года, когда получил место профессора в Мичиганском у-е, а в 1936 в Стэнфордский у-т в Калифорнии, где и оставался до ухода на пенсию, продолжая до настоящего времени научную работу.

За свои научные заслуги проф. Тимошенко был избран почетным доктором технических наук 8 американских и европейских университетов или институтов, его работы почтены 9 научными медалями, Стэнфордский у-т назвал его именем Лабораторию Инженерной механики. Библиография его трудов настолько обширна, что нет возможности здесь перечислить даже его главные монографии. Только на русском языке вышло 16 учебников и монографий, некоторые из них выдержали до 12 изданий. К этому надо прибавить 34 книги научных трудов. Большинство книг уже переведены на все главные языки мира. Частично эта библиография приведена на стр. 407-416 «Воспоминаний».

Русская эмиграция насчитывает много талантливых инженеров и ученых техников с мировыми именами. Но в области теоретической и прикладной механики имя С. П. Тимошенко может быть поставлено на первое место среди специалистов всего мира в этой области инженерных наук.

На собрании Русской Академической Группы в США 29. XII. 1968 года был отмечен вклад С. П. Тимошенко в мировую культуру. Во исполнение общего пожелания, правление Русской Академической Группы поздравило маститого юбиляра и получило от него следующее письмо:

« . . . прошу передать Русской Академической Группе мою благодарность за поздравление с юбилеем и пожелания всего лучшего в наступающем Новом Году!»

К. Белоусов .

★ ★ ★

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВЛЕНИЯ РАГ

В 1968 году на общем собрании членов Академической Группы 20-го I - 68 было избрано на два года новое правление в составе: председателем — проф. А. А. Боголенов, вице председателями — проф. Н. С. Арсеньев и проф. К. Г. Белоусов, ген. секретарем — проф. В. Н. Литвинович, секретарем — проф. А. П. Щербатов, казначеем — Ф. А. Коссович, членами правления — профессора: Е. А. Александров, Е. В. Балацкий, Б. А. Константиновский, Е. Т. Федукевич, В. С. Федукевич и Б. Г. Унбегаун. Представителями на местах: проф. Д. Д. Григорьев, Вашингтон, Д. К., проф. М. А. Полторацкая, Олбани, В. Н. Федоров, Сиракюзы, проф. П. С. Нидловский, Р. Айл.

В текущем году было 5 заседаний правления, принято 12 новых членов, организован симпозиум о русской литературе, на котором присутствовало около 140 профессоров, находившихся в это время в Нью Йорке. Кроме этого состоялось 5 докладов для молодежи. Группа приняла участие в подготовке издания книги: «Русская эмиграция и ее вклад в мировую культуру. 1916-1968 г.г. Было бы крайне желательно, чтобы все, кому дорого русское имя, помогли в собирании библиографических данных о тех, кто должен быть помещен в этой книге.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Пушкирев. Донское Казачество и Московское Государство в XVII веке	5
Е. В. Спекторский. Правительство и Власть	29
Н. С. Арсеньев. О духовной и культурной традиции русской семьи	31
Г. П. Струве. Из истории русской зарубежной литературы. Переписка И. А. Бунина и П. Б. Струве	61
1. 1920-1924 годы — 63; 2. 1925-1927 годы — 69; 3. 1928 год — 93; 4. 1937-1941 г.г. — 97; 5. 1942-1943 г.г. — 101; Примечания — 107.	
М. А. Полторацкая. Академик Л. В. Щерба и его труды	112
1. Введение — 112; 2. Заслуги Л. В. Щербы перед Русской Наукой и пресвещением — 113; 3. Заслуги Л. В. Щербы в области фонетики и орфоэпии — 115; 4. Труды Л. В. Щербы в области русской орфографии — 118; 5. Труды Л. В. Щербы по составлению письменности для неписменных народов — 119; 6. Значение Л. В. Щербы в создании нормативной русской грамматики и словаря — 119; 7. Методологические искания Л. В. Щербы — 121; 8. Л. В. Щерба, как диалектолог — 122; 9. Труды Л. В. Щербы по русской стилистике — 123; 10. Научная школа языковедения Л. В. Щербы — 126; Послесловие — 127.	
Н. Д. Лобанов. Творчество русских художников для театральной сцены	131
RUSSIAN PAINTERS ON THE STAGE. Introduction — 133; Brief Historical Review — 134; Alphabetical Survey of Individual Painters — 138; N. P. Akimov — 138; M. F. Andreenko — 138; B. I. Anisfeld — 140; V. P. Annenkov — 141; A. M. Arnshtam — 143; L. S. Rosenberg — 143; A. N. Benoist — 145; N. A. Benoist — 148; E. G. Berman — 155; A. I. Bilibine — 157; I. Y. Bilibine — 157; M. V. Dobujinsky — 158; E. B. Dunkel — 173; A. A.	

Exter — 175; F. F. Fedorovsky — 176; A. Y. Golovine — 177; N. S. Goncharova — 178; H. E. Yakovleff — 180; N. K. Kalma-koff — 182; A. C. Korovine — 183; C. A. Korovine — 183; M. F. Larionov — 185; L. M. Librets — 187; S. M. Lissim — 188; G. A. Pogedaieff — 189; I. R. Puny; N. V. Remisoff — 191; N. K. Roe-rich; Pr. A. K. Schervachidze — 194; V. I. Shouhalev — 195; S. Y. Soudeikine — 196; D. S. Stelletsy — 199; S. V. Chekhonine — 199; P. F. Tchelichev — 200; M. A. Vroubel — 201; Y. B. Yakoulow — 202; L. V. Zak — 204. **Selected Bibliography — 205**

Ю. А. Семенцов. Новые веяния в преподавании химии в высших учебных заведениях Сов. Союза	211
В. Федукевич. Антарктические воды у дна Атлантического Океана	221
К. Г. Белоусов. Загрязнение вод в СССР	230
А. П. Семенцов. Антиатомистическая реакция в XIX и XX столетиях	240
ИЗ ЖИЗНИ Р. А. Г. (Русской Академ. Группы в США)	
Знаменательные годовщины	252
Н. С. Арсеньев — 252; Г. В. Вернадский — 253; Г. К. Гинс — 254; С. Г. Пушкарев — 255;	
Деятельность Лекционного Бюро Р.А.Г. в США	257
Питириим Александрович Сорокин	257
Георгий Константинович Брижицкий	258
М. А. Полторацкая	259
А. П. Семенцов	261
З. Юрьева. Борис Генрихович Унбегаун	263

CONTENTS.

S. G. Pushkarev. The Don Cossacks and the Muscovite State in the 17th Century	5
E. V. Sectorsky. Government and Power	29
N. S. Arseniev. The Russian Family, Its Religious and Cultural Traditions ..	31
G. P. Struve. The Correspondence between Ivan Bunin and Peter Struve	61
M. A. Poltoratzky. Academician L. V. Scherba and His Works	112
N. D. Lobanov. Russian Painters and the Stage ..	131
G. A. Siemienow. New Trends in the Chemical Education in the Soviet Union	211
W. S. Fedukowicz. Antarctic Waters in the Bassin of the Atlantic Ocean	221
C. G. Belousow. Pollution of Water in the USSR ..	230
A. P. Sementsov. The Antiatomistic Reaction in the XIXth and XXth Centuries	240
ASSOCIATION'S NEWS	252
